МИР В ВОЙНАХ

ПЕРЕВОДЧИК ГИТЛЕРА

Паул Шмидт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга написана человеком, который был лично причастен к ключевым событиям предвоенной и военной истории нацистской Германии, будучи с 1935 года личным переводчиком Гитлера Переговоры в Мюнхене и подписание пакта Молотов-Риббентроп, встречи Гитлера и Муссолини и обстановка в рейхсканцелярии описаны автором максимально достоверно. П. Шмидт сделал попытку оценить всю политику Германии и объективно ответить на вопрос, существовала ли возможность предотвратить самую кровавую и бесчеловечную войну XX столетия.

- Шмидт Пауль
  - Предисловие редактора к английскому изданию
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Постскриптум
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Шмидт Пауль
Переводчик Гитлера

Предисловие редактора к английскому изданию

Хотя мы неизбежно думаем о Пауле Шмидте как о «переводчике Гитлера», фактически он был переводчиком целого ряда канцлеров Германии и министров иностранных дел в течение десятилетия еще до выхода Гитлера и Риббентропа на международную сцену.

Первая половина немецкого издания книги доктора Шмидта посвящена его воспоминаниям о том первом периоде. При подготовке книги, которая должна была иметь разумный объем и поддерживать неослабевающий интерес обычного британского читателя, я решил исключить часть догитлеровского периода. Честно говоря, в том объеме, которым мы располагаем, интересует нас именно Гитлер, а не Мюллер, Маркс, Лутер, Куртиус, Брюнинг или даже Штреземан.

Оглядываясь на видение Шмидтом немецкой истории с конца первой мировой войны, я с удивлением обнаружил, насколько сильно все же здесь доминировала фигура Гитлера. Он зловеще возвышается на пороге, еще не попадая в фокус, в свете гигантского бедствия, вызванного им. И когда мы бросаем взгляд помимо него на его непосредственных предшественников, они кажутся, по контрасту, серыми, приземленными фигурами, точно обрисованными, полностью объяснимыми и вызывающими интерес лишь у студента.

Однако существует опасность, что, погрузившись в эпоху Гитлера, читатель может быть загипнотизирован величием и стремительностью событий и поверит, что возрождение Германии и немецкой истории между двумя войнами началось с Гитлера. Как далеко это было от истины, показано в примечаниях Шмидта к полному немецкому изданию, касающихся всех личных встреч и международных конференций, на которых предшественники Гитлера прокладывали для Германии путь вперед от поражения к равенству в правах. Вехи говорят сами за себя: конец оккупации Рура (1925); Локарнский пакт (1925); восстановление гражданской авиации (1926); вступление Германии в Лигу Наций в качестве одной из великих держав (1926); конец оккупации Рейнской области (1930); конец репараций (1932); заявление трех держав о равенстве Германии (1932).

Я хотел бы привести, в частности, один эпизод из воспоминаний Шмидта о догитлеровском периоде, потому что он показывает, с каким тактом и осторожностью немецким

государственным деятелям начала 20-х годов приходилось прокладывать дорогу. Дело было в 1924 году на лондонской конференции по репарациям, которую французы были полны решимости свести лишь к одной теме, тогда как немцы хотели внести предложение о прекращении оккупации Рура. Немецкий канцлер Маркс, который не мог примириться с перспективой вернуться в Германию без чего-то, что могло бы умиротворить германские национальные чувства, приложил большие усилия, чтобы самым ненавязчивым образом ввернуть упоминание о Руре в заявлении конференции по докладу Дауэса.

Но в самый критический момент неудачливый немецкий переводчик, охваченный патриотическими чувствами, сказал со слишком большим жаром в своем переводе на французский: «И, разумеется, вопрос о Руре также должен обсуждаться».

Это произвело на французского премьер-министра Эррио катастрофический эффект. Он так же боялся вернуться в Париж и признаться, что о Руре говорили, как и Маркс опасался по возвращении в Берлин сказать, что этот вопрос не обсуждался. Эррио сразу же остановил перевод и возмущенно заявил, что если слово «Рур» будет упоминаться снова с таким напором, он сразу же уедет. Переводчик был с позором исключен из немецкой делегации? подходящий козел отпущения.

Именно в этом затруднительном положении Шмидту, которому было тогда 24 года и который являлся младшим сотрудником переводческого штата Министерства иностранных дел Германии, поручили взять на себя перевод. Штреземан на секретной встрече с Эррио в резиденции на Пэлл-Мэлл представил дело так убедительно, что Эррио пообещал использовать все свое влияние в Париже в пользу прекращения оккупации Рура. И он сдержал слово. Так возникли узы доверия и уважения между Эррио и Штреземаном? сохранившиеся затем и между Брианом и Штреземаном,? что было важным фактором при восстановлении равенства прав Германии в Европе.

Шмидт увидел в этом доказательство того, что между hommes de bonne volonte, людьми доброй воли, независимо от национальности, могут быть преодолены даже самые большие трудности. Двадцать лет уникального опыта дипломатии самого высокого уровня подтвердили это мнение и добавили к нему убеждение, что настоящими врагами человечества являются фанатики, к какому бы лагерю они ни принадлежали.

Шмидт старается показать, что он относит нацистов к этой категории? особенно Гитлера и Риббентропа. В своих суждениях о людях, на которых он работал так преданно и так долго, он часто высказывает порицание и презрение? и его критиковали за это.

Он утверждает, что никогда не симпатизировал нацистам, что просто выполнял свою работу как государственный гражданский служащий и опытный специалист, что он не делал секрета из своих независимых взглядов и что это должным образом отмечалось в его досье.

Такая самооценка, кажется, исходит из впечатления, которое он произвел, среди прочих, и на сэра Невила Гендерсона, посла Великобритании в Берлине перед войной. Он, конечно, проявил большое мужество, сопротивляясь нажиму и не вступая в нацистскую партию до 1943 года, несмотря на свое особое положение. С другой стороны, он не делает никаких уступок с той точки зрения, что весь немецкий народ в любом случае нес ответственность за Гитлера. Он относит триумф националистского экстремиста в Германии на счет экономического кризиса 1929? 1932 гг. и тех обстоятельств, которые он описывает как ошибки союзников, слишком поздно и слишком скупо делавших уступки Германии. Я думаю, Шмидта вполне можно представить как просвещенного космополитичного немецкого националиста, и считаю немного затруднительным для него, что последующим поколениям мы должны представить его как «переводчика Гитлера», а не «переводчика Штреземана»? звание, на которое он имеет по меньшей мере равное право.

Глава первая

1935 г.

Впервые я переводил для Гитлера 25 марта 1935 года, когда сэр Джон Саймон и г-н Энтони Иден прибыли в Берлин на переговоры по европейскому кризису, вызванному перевооружением Германии. Тогда Саймон был секретарем Министерства иностранных дел и лордом-хранителем печати Идена. Присутствовали также Нейрат, министр иностранных дел Германии, и Риббентроп, бывший в то время специальным уполномоченным по вопросам разоружения.

Я удивился, когда получил приказ присутствовать. Правда, я был старшим переводчиком в Министерстве иностранных дел Германии и уже поработал практически со всеми канцлерами Германии за десять лет до того, как Гитлер вошел в правительство в январе 1933 года. Но затем ситуация изменилась. Германия отошла от мелких, приватных международных дискуссий и стала использовать метод дипломатических нот, меморандумов и публичных заявлений.

Кроме того, Гитлер недолюбливал Министерство иностранных дел Германии и всех, связанных с ним. В предыдущих беседах между ним и иностранцами переводом занимались Риббентроп, Бальдур фон Ширах или кто-то еще из национал-социалистов. Наши официальные лица в министерстве иностранных дел пришли в ужас, когда услышали, что Гитлер не позволил присутствовать даже Государственному секретарю фон Бюлову на этих чрезвычайно важных переговорах с Саймоном и Иденом. Пытаясь обеспечить присутствие хотя бы одного представителя министерства иностранных дел, кроме Нейрата, они решили выдвинуть меня как переводчика. Когда Гитлеру сказали, что я долгое время хорошо справлялся с работой в Женеве, он заметил: «Если он был в Женеве, значит, ничего хорошего из себя не представляет? но что касается меня, мы можем взять его на испытательный срок».

Развитие событий, которые привели к этой англо-немецкой встрече, было таким же неожиданным, как и сама конференция. И Англия, и Франция со все возрастающей озабоченностью ждали, как сложится ситуация в Германии. Британское правительство было крайне обеспокоено вооружением Германии, в частности, ростом немецких военно-воздушных сил. «Граница Англии проходит по Рейну», заявил Болдуин в палате общин в июле 1934 года, а в ноябре он весьма откровенно признал, что перевооружение Германии дает определенные основания для

всеобщего беспокойства. Но в то время как Франция, придерживаясь своей официальной политики, старалась защититься от Германии ясной системой пактов по безопасности, британское правительство указывало, что хотело бы прийти к пониманию немецких намерений путем переговоров. Эта идея нашла выражение в совместном англо-французском коммюнике 3 февраля 1935 года: «Великобритания и Франция согласны, что ничто не будет больше способствовать восстановлению доверия и мирных перспектив между нациями, чем общее решение об урегулировании, свободно заключенное между Германией и другими державами».

Германия откликнулась на эту англо-французскую инициативу в середине февраля нотой, в которой говорилось: «Немецкое правительство приветствует дух откровенности, выраженный в заявлениях правительства Его Королевского Величества и французского правительства. Следовательно, оно будет радо, если правительство Его Королевского Величества пожелает предпринять обмен мнениями с немецким правительством». Я был немало удивлен внезапным переходом Гитлера на миролюбивый тон, когда переводил эту ноту на английский язык.

Затем британское правительство с поразительной быстротой и готовностью предложило послать министра иностранных дел в Берлин в начале марта. Но произошло еще одно неожиданное событие: незадолго до визита Саймона британское правительство выпустило «Белую книгу», официальный правительственный документ для ознакомления палаты общин, чтобы оправдать перед парламентом перевооружение Великобритании. Наше бюро переводов перевело из официального текста: «Германия не только открыто совершает широкомасштабное перевооружение, несмотря на положения части V Версальского договора, но также уведомляет о выходе из Лиги Наций и Конференции по разоружению… Действия правительства Его Королевского Величества не означают, разумеется, прощения нарушения Версальского договора». Далее в «Белой книге» говорилось, что если перевооружение Германии будет бесконтрольно происходить в его настоящих темпах, то это усилит обеспокоенность соседей Германии и, следовательно, поставит мир под угрозу. Более того, дух, в котором происходит организация народа Германии, особенно ее молодежи, дает основания для беспокойства, которое бесспорно возникает.

Национал-социалистская пресса была возмущена. Визит отложили, потому что Гитлер простудился. Наше Министерство иностранных дел подтвердило, правильно или нет, что это и в

самом деле было правдой, а не дипломатической ложью.

Теперь события следовали одно за другим. 6 марта Франция ввела двухгодичную службу в армии. 7 марта было продлено франко-бельгийское военное соглашение. 16 марта Гитлер ответил призывом на военную службу в Германии. Военное равенство, предоставленное Германии в декабре 1932 года по соглашению, достигнутому в результате переговоров «о системе безопасности для всех наций», стало актуальным фактом в результате одностороннего решения, принятого рейхом вне рамок какой-либо системы безопасности. Мои друзья по министерству иностранных дел отмечали, что путем переговоров этого можно было бы достичь более быстро и гладко, как в случае эвакуации из Рура и репараций. В свете моего опыта переговоров, проводившихся Штреземаном и Брюнингом, я соглашался, что метод, которому следовали эти двое государственных деятелей, помог бы достичь цели быстрее, если бы не неблагоприятные последствия развития Германии до и после 1933 года. То, что это обошлось бы дешевле и Германии, и всему миру, известно слишком хорошо.

Не более чем два дня спустя, 18 марта, британское правительство высказало протест: «Правительство Соединенного Королевства Его Величества считает нужным выразить немецкому правительству свой протест против заявления, сделанного последним 16 марта относительно решения о военной службе и увеличения основного контингента немецкой армии в мирное время до 36 дивизий. Вслед за заявлением о немецких военно-воздушных силах такая декларация является еще одним примером односторонних действий, которые, помимо отхода от принципа, рассчитаны на серьезное усиление напряженности в Европе…

Правительство Его Величества хотело бы убедиться, что немецкое правительство все еще желает, чтобы визит состоялся в рамках ранее достигнутых договоренностей».

В то время я работал в бюро переводов министерства иностранных дел, где мы срочно переводили этот документ и последующий поток документов для Гитлера. Последнее предложение о визите Саймона действительно удивило нас, так как мы никак не ожидали, что после этого негодующего протеста англичане будут вежливо спрашивать на том же дыхании, можно ли им приехать в Берлин. «Что касается меня,? пишет в своих мемуарах Франсуа-Понсе, тогдашний посол Франции в Берлине,? я сразу же после 16 марта предложил, что державы должны немедленно отозвать своих послов и в спешном порядке заключить Восточный и Дунайский пакты, образовав таким

образом единый фронт защиты против Германии. Англии, разумеется, дали бы знать, что теперь любые переговоры были бы излишними, и сэр Джон Саймон в конце концов отказался бы от своего плана посетить Берлин. Мое предложение сочли слишком решительным и, следовательно, не стали и рассматривать».

Не ранее 21 марта г-н Франсуа-Понсе подал нам протест Франции, который я перевел Гитлеру следующим образом: «Эти решения (призыв на военную службу, 36 дивизий, создание военно-воздушных сил) входят в явное противоречие с обязательствами Германии по договорам, которые она подписала. Они противоречат также заявлению от 11 декабря 1932 года (равенство прав в системе безопасности)… Правительство Рейха самовольно нарушило основные принципы международного права… Правительство Французской республики считает своим долгом заявить самый настойчивый протест, оставляя за собой все права на действия в будущем».

Полчаса спустя объявились итальянцы, наши будущие союзники. Итальянский посол в ноте, которую мы должны были перевести очень быстро, говорил лишь о сохранении всех прав для будущих действий. В последнем предложении он заявил, что итальянское правительство не может принять fait accomplit, свершившийся факт, исходя из «одностороннего решения, аннулирующего международные договоренности». Простое сравнение текстов этих трех нот показало мне, что изоляция Германии начинает ослабевать. В едином фронте явно появились трещины. С этой мыслью я и сидел два дня спустя в качестве переводчика между Гитлером и Саймоном в Рейхсканцелярии.

Гитлер довольно приветливо принял меня и Нейрата утром 25 марта в своем кабинете в пристройке, которую закончили при Брюнинге. В тот раз я впервые увидел Гитлера? я никогда не присутствовал на его публичных выступлениях. Я с удивлением обнаружил, что он был всего лишь среднего роста? на фотографиях и в кинохронике он всегда казался высоким.

Появились сэр Джон Саймон и Энтони Иден. Все обменялись дружескими улыбками и рукопожатиями, несмотря на совсем недавние протесты и предостережения, что «односторонние действия серьезно усилили обеспокоенность за границей». Улыбка Гитлера была особенно дружелюбной? по той простой причине, что присутствие английских гостей было триумфом для него. «Я считаю, что национал-социализм спас Германию, а значит, быть может, и всю Европу, от самой ужасной катастрофы всех времен… Мы испытали большевизм на себе в нашей собственной стране… Мы защищены от большевиков, только если имеем вооружение, которое они принимают во внимание».

Временами он говорил с пылом, но никогда не выходил за пределы того, что я слышал раньше в самые эмоциональные моменты других международных встреч.

Его фразеология была самой обычной. Он выражался четко и прямолинейно, был явно очень уверен в своих аргументах, его легко можно было понять и нетрудно переводить на английский язык. Казалось, все, что он хотел сказать, очень ясно складывалось в его мозгу. На столе перед ним лежал чистый блокнот для записей, который остался неиспользованным на протяжении всех переговоров. Он не делал там записей. Я пристально наблюдал за ним, когда время от времени он делал паузу, задумываясь о том, что сказать дальше, поэтому у меня была возможность поднять глаза от моего блокнота. У него были светло-голубые глаза, пронзительно смотревшие на того, с кем он говорил. В ходе переговоров он все чаще обращался со своими замечаниями ко мне? я часто замечал, при переводе, эту склонность говорящего инстинктивно обращаться к человеку, который понимает, что тот говорит. В случае с Гитлером я чувствовал, что хоть он и смотрит на меня, но меня не видит. Он был погружен в свои собственные мысли и не обращал внимания на окружающее. Когда он говорил об особенно важных вопросах, лицо его становилось очень выразительным; ноздри трепетали, когда он рассказывал об опасностях большевизма для Европы. Он подчеркивал свои слова резкими, энергичными жестами правой руки, иногда сжимая кулак.

Разумеется, он не был яростным демагогом, которого я почти ожидал увидеть. В то утро и на протяжении всех тех переговоров с англичанами он произвел на меня впечатление человека, выдвигающего свои аргументы умно и умело, с соблюдением всех условностей таких политических дискуссий, хотя в течение многих лет ничем подобным он не занимался. Единственной необычной особенностью в нем была продолжительность его речи. Во время всего утреннего заседания говорил практически он один, Саймон и Иден лишь время от времени вставляли замечание или задавали вопрос. Иногда Гитлер, казалось, замечал, что их интерес ослабевал, они, конечно, не понимали многого из того, о чем он говорил. Тогда он обычно, с интервалами в пятнадцать-двадцать минут, давал мне знак переводить.

Слушая Гитлера, Саймон смотрел на него своими большими карими глазами не без симпатии и интереса. Лицо его выражало некоторую отеческую благожелательность. Я заметил это еще в Женеве, когда слушал, как он излагает взгляды своей страны своим хорошо модулированным голосом со всей ясностью

английского юриста, хотя, может быть, со слишком большим упором на чисто формальные аспекты. Наблюдая теперь, как он внимательно слушает Гитлера, я почувствовал, что его выражение отеческого понимания углублялось. Вероятно, он был приятно удивлен, обнаружив вместо дикого наци человека эмоционального и экспрессивного, но не безрассудного или злобного. В последующие годы, когда зарубежные посетители говорили мне почти с энтузиазмом о впечатлении, которое произвел на них Гитлер, я часто подозревал, что этот эффект был вызван реакцией на несколько грубую антигитлеровскую пропаганду.

С другой стороны, я случайно отметил гораздо более скептическое выражение, промелькнувшее на лице Идена, который понимал немецкий язык достаточно хорошо, чтобы иметь возможность более или менее следить за речью Гитлера. Некоторые вопросы и замечания Идена свидетельствовали о том, что у него были большие сомнения насчет Гитлера и его высказываний. «В настоящее время нет никаких признаков,? заметил он однажды,? что русские имеют какие-либо агрессивные планы против Германии». И спросил немного саркастическим тоном: «На чем же в действительности основываются ваши опасения?»

«У меня больше опыта в этих делах, чем у Англии,? парировал Гитлер и добавил, вскинув подбородок:? Я начал свою политическую карьеру, как раз когда большевики начинали свою первую атаку на Германию». Потом он снова продолжил монолог о большевиках в общем и в частности, который вместе с переводом длился до обеда.

Эта первая встреча, продолжавшаяся с 10.15 до двух часов, прошла в очень приятной обстановке. Таково было, по крайней мере, впечатление Гитлера. «Мы установили хороший контакт друг с другом»,? сказал он одному из приближенных, покидая свой кабинет. Повернувшись ко мне и пожимая мне руку, он добавил: «Вы великолепно справились со своей работой. Я не имел понятия, что можно так переводить. До сих пор мне всегда приходилось останавливаться после каждого предложения, чтобы его перевели».

«Вы сегодня были в хорошей форме»,? сказал Иден, когда я встретился с ним в холле; мы знали друг друга по многим трудным совещаниям в Женеве.

Англичане пообедали с Нейратом, после чего переговоры возобновились. Присутствовавшие с немецкой стороны Нейрат и Риббентроп хранили молчание. Саймон открыл заседание, выдвинув в очень мягкой и дружелюбной манере оговорки

Великобритании относительно одностороннего денонсирования Версальского договора Германией, тогда как Иден вернулся к немецким опасениям насчет агрессивных намерений России. «Здесь большую службу мог бы сослужить Восточный пакт»,? заявил он, указывая тем самым на тему первой части послеобеденного заседания. Он вкратце обрисовал суть такого договора. Германия, Польша, Советская Россия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва рассматривались бы как подписавшиеся. Государства, подписавшие договор, должны были взять на себя обязательство о взаимопомощи в случае, если один из участников нападет на другого. При упоминании о Литве Гитлер впервые показал свой гнев. «У нас не будет никаких дел с Литвой!»? воскликнул он со сверкающими глазами, становясь вдруг как будто другим человеком. В дальнейшем мне часто приходилось видеть такие неожиданные вспышки. Почти без перехода он внезапно впадал в бешенство; голос его становился хриплым, с пылающим взором он раскатисто произносил свои «р» и сжимал кулаки. «Ни при каких обстоятельствах не станем мы заключать пакт с государством, которое притесняет немецкое меньшинство в Мемеле!»? вскричал он. Затем буря утихла так же внезапно, как разразилась, и Гитлер снова был спокойным, безупречным участником переговоров, как и до литовского вопля. Его возбуждение объяснялось тем фактом, что в течение нескольких месяцев 126 граждан Мемеля находились под следствием в военном суде Ковно по обвинению в заговоре и слушание дела подходило к концу.

Говоря более спокойно, Гитлер отказался от Восточного пакта по другим и более весомым причинам. «Вопрос о любых объединениях между национал-социализмом и большевизмом,? с жаром заявил он,? совершенно не подлежит обсуждению». Он добавил с почти страстным пылом: «Сотни моих товарищей по партии были убиты большевиками. Немецкие солдаты и гражданские лица вступили в борьбу против наступления большевиков. Между большевиками и нами всегда будут эти смерти, которые не допустят никакого соучастия в пакте или в другом соглашении». Кроме того, было и третье возражение против объединения в Восточный пакт? оправдывающее Германию недоверие ко всем коллективным соглашениям; «Они не предотвращают войну, но поощряют ее и способствуют ее распространению». Двусторонние договоры были предпочтительны, и Германия готовилась заключить такой пакт о ненападении со своими соседями. «За исключением Литвы, разумеется,? с силой сказал он, но добавил уже спокойнее:? Пока мемельский вопрос остается нерешенным».

Иден вставил еще слово о Восточном пакте, спросив, нельзя ли сочетать его с системой двусторонних пактов о ненападении или соглашений о взаимопомощи. Но Гитлер отклонил и это предложение, сказав, что нельзя иметь две разные группы членов в рамках общего соглашения. Он был совершенно не расположен к идее взаимопомощи. Существенно, что вместо этого он предлагал отдельным странам, граничащим между собой, договориться не помогать агрессору. «Это локализовало бы войны, не превращая их в более масштабные». Высказался он вполне логично? но это была логика человека, намеренного разделаться со своими оппонентами по одному и желающего избежать того, чтобы кто-то встал у него на пути. В то время мотив, скрывавшийся за его аргументами, не был очевиден, лишь позднее он проявился в его действиях.

С помощью нескольких ловко заданных вопросов Саймон перешел от Восточного к Дунайскому пакту, который должен был быть направлен против вмешательства во внутренние дела государств, расположенных по Дунаю. В основе этого предложения лежала французская схема, целью которой было предотвращение «аншлюса» Австрии и создание преграды в виде договоров против расширения влияния рейха на Балканах. В нашем министерстве иностранных дел мне говорили, что Гитлер особенно противился этой идее по очевидным причинам, и я, следовательно, ожидал, что он скажет англичанам категорическое «нет». Но, к моему удивлению, он так не сделал. «В принципе Германия не возражает против такого пакта»,? услышал я, как он заговорил с кажущимся согласием. Однако я навострил уши при слове «в принципе». В Женеве, когда какой-нибудь делегат соглашался «в принципе», было ясно, что он воспротивится предложению на практике. Пользовался ли Гитлер этим старым международным методом? Буквально следующие его слова подтвердили мою догадку, когда он заметил, почти мимоходом: «Но нужно было бы совершенно четко определить, как так называемое невмешательство в дела дунайских государств должно быть определено наиболее точным образом». Саймон и Иден обменялись быстрыми взглядами, когда я перевел эти слова, и я вдруг почувствовал себя так, будто снова нахожусь в Женеве.

В тот день англичане подняли также вопрос о Лиге Наций. «Окончательное решение европейских проблем,? спокойно, но с нажимом сказал Саймон,? немыслимо, пока Германия не станет снова членом Лиги Наций. Без возвращения рейха в Женеву не может быть восстановлено необходимое доверие между народами Европы». По этому вопросу Гитлер отнюдь не оказался таким непреклонным, как я ожидал. На самом деле он заявил, что

возвращение Германии в Лигу было бы вполне в пределах возможного. Идеалы Женевы в высшей степени достойны похвалы, но то, как до сих пор они претворялись в дело, дало повод для слишком многих оправданных жалоб Германии. Рейх хотел бы вернуться в Женеву только как во всех отношениях полноправный участник, а это было невозможно до тех пор, пока Версальский договор содержал статью об учреждении Лиги Наций. «Кроме того, нам следовало бы предоставить долю в системе колониальных мандатов, если мы действительно должны рассматривать себя как равноправную державу»,? быстро добавил он, но сразу же уклонился от любых дальнейших обсуждений колониального вопроса, заметив, что в настоящее время Германия не собирается выдвигать никаких колониальных требований.

Эта беседа продолжалась до семи часов вечера, половину времени занял, разумеется, мой перевод, и Гитлер, по своему желанию, постоянно повторялся в вопросах, в которых чувствовал себя уверенно. Более того, из-за отсутствия обоих председателей и повестки дня дискуссия имела тенденцию к расплывчатости. В целом, однако, она проходила лучше, чем я ожидал вначале, хотя после сердечной атмосферы утреннего заседания я почувствовал, что англичане немного остыли, без сомнения, ввиду того факта, что, несмотря на свое показное дружелюбие и искусное обращение к женевским формулировкам, Гитлер на самом деле ответил «нет» по всем пунктам.

Фон Нейрат дал ужин в честь британских официальных лиц, на котором присутствовало около восьмидесяти гостей, включая Гитлера, всех рейхсминистров, многих государственных секретарей, ведущих представителей нацистской партии, сэра Эрика Фиппса, посла Великобритании, и ответственных сотрудников его посольства.

Я сидел рядом с Гитлером, но вынужден был все время говорить, тогда как самые лакомые блюда уносили нетронутыми, и в результате я встал из-за стола голодным. Тогда я еще не овладел приемами, позволяющими одновременно есть и работать: когда мой клиент прекращал есть, чтобы дать мне свой текст, я должен был бы есть, а затем переводить, пока он ест. Такая процедура была признана chefs de protocole, начальниками протокола, изобретательным решением для переводчиков на банкетах.

Утро следующего дня было посвящено подробному обсуждению немецкого перевооружения. Вначале между Саймоном и Гитлером возникло некоторое напряжение, так как Саймон снова принялся излагать руководящие принципы британской позиции, особенно подчеркивая, что разговор об

уровне перевооружения Германии не предполагает отхода Британии от своей первоначальной позиции. Он четко придерживался мнения, что договоры можно менять только путем взаимного согласия, а не односторонним денонсированием.

Гитлер ответил своим хорошо известным тезисом, что не Германия, а другие державы первыми нарушили условия Версальского договора о разоружении, так как им не удалось выполнить ясно выраженное обязательство разоружиться самим. Он добавил со смешком: «Не задал ли Веллингтон, когда Блюхер пришел ему на помощь, первым делом вопрос своим юристам из британского министерства иностранных дел, соответствует ли мощь прусских военных сил существующим договорам?»

Обе стороны выдвинули свои аргументы без какой-либо резкости, англичане явно старались избежать любых неприятных столкновений по этому основополагающему вопросу. Таким было мое впечатление об очень осторожной, почти просительной манере, в которой Саймон выражал британскую сдержанность; Гитлер также придерживался чрезвычайно умеренного тона по сравнению с тоном его публичных заявлений о разоружении, хотя высказывался он достаточно ясно. «Мы не позволим посягнуть на воинскую повинность,? заявил он,? но мы готовы вести переговоры относительно мощи вооруженных сил. Наше единственное условие? равенство на суше и в воздухе с нашим наиболее сильно вооруженным соседом».

Когда Саймон спросил его, в каком объеме он оценивает требования Германии по вооружению, Гитлер ответил: «Мы могли бы удовлетвориться 36 дивизиями, то есть армией в 500 000 человек». Но в дополнение с одной дивизией СС и военной полицией это удовлетворило бы все его требования. Этот пункт был несколько спутан тем фактом, что Гитлер, называя СС, почти сразу же принялся отрицать, что партийные организации в целом имеют какое-либо военное значение, как сделал это до него Гейдрих в Женеве. Само собой разумеется, вспомнив женевскую дискуссию по этому вопросу, в которой он принимал участие как делегат от Британии, Иден выразил сомнение, можно ли рассматривать партийные организации как не имеющие военного значения, и сказал, что по крайней мере их следует считать резервами.

Желая избежать продолжительных дебатов по этому очень противоречивому пункту, Саймон сразу же перевел разговор на вопрос, больше всего интересовавший англичан в то время,? вопрос о германских военно-воздушных силах. «По Вашему мнению, господин рейхсканцлер,? спросил он,? какой должна быть мощь германских военно-воздушных сил?» Гитлер

уклонился от конкретного заявления. «Нам нужно равенство с Великобританией и Францией,? сказал он, сразу же добавив:? Разумеется, если бы Советский Союз увеличил свои военно-воздушные силы, Германия соответственно нарастила бы свой военно-воздушный флот».

Саймон хотел получить больше информации: «Могу я спросить, насколько велика мощь Германии в воздухе в настоящее время?». Гитлер поколебался, а потом сказал: «Мы уже достигли равенства с Великобританией». Саймон воздержался от комментариев. Некоторое время никто ничего не говорил. Я подумал, что оба англичанина, судя по их виду, относятся с удивлением, а также со скептицизмом к заявлению Гитлера. Это впечатление впоследствии подтвердил лорд Лондондерри, британский министр военно-воздушных сил, при разговорах которого с Герингом я почти всегда присутствовал в качестве переводчика. Тема немецкой мощи в воздухе в 1935 году возникала постоянно, так же как и вопрос, не допустил ли все же Гитлер преувеличения в своем заявлении по этому поводу.

Гитлер и Саймон также вкратце обсудили заключение пакта о военно-воздушных силах между державами в Локарно. По такому соглашению подписавшиеся под Локарнским договором немедленно оказали бы взаимную помощь своими воздушными силами в случае нападения. «Я готов присоединиться к такому пакту,? сказал Гитлер, подтверждая ранее данное согласие.? Но, конечно, я могу так поступить, только если Германия сама будет располагать необходимыми воздушными силами».

Сам Гитлер поднял вопрос о германских военно-морских силах на уровне, равном 35 % британского флота. Англичане не сказали, как относятся к этому предложению, но так как они не выдвинули возражений, вполне можно было предположить, что в глубине души они с этим согласны.

В полдень был прием в посольстве Великобритании, и Гитлер здесь появился; впервые его увидели в иностранном посольстве. Присутствовали Геринг и другие члены правительства.

Сразу после этого переговоры возобновились в Рейхсканцелярии, но при обсуждении основных тем новых вопросов не возникло. Гитлер занял много времени со своей любимой темой о Советской России. Он особенно негодовал по поводу советских попыток продвинуться на Запад и в этой связи назвал Чехословакию «стенобитным орудием России». Второй навязчивой идеей Гитлера было равенство прав Германии. Рейх, разумеется, должен иметь все классы вооружения, которыми обладают другие страны, но готов сотрудничать в соглашениях относительно наступательного оружия, определенного в Женеве

как запрещенное. Подобным образом Германия согласилась бы на контроль над вооружениями, но, разумеется, только на основе равенства прав и при условии, что все остальные страны, которых это касается, одновременно будут подвергаться такому контролю.

Саймон и Иден терпеливо все это выслушивали со всеми многочисленными повторениями. Я часто мысленно возвращался к переговорам о разоружении в Женеве. Всего лишь два года тому назад небеса разверзлись бы, если бы представители Германии выдвинули такие требования, какие предъявлял теперь Гитлер, причем так, как будто не было ничего естественнее на свете. Я не мог не задаваться вопросом, не пошел ли Гитлер дальше допустимого со своим методом «свершившегося факта», fait accompli, пренебрегая возможностью использовать метод переговоров. Я был особенно склонен так думать, наблюдая, как внимательно слушали его Саймон и Иден.

Эти знаменательные дни завершились вечерним приемом, который дал Гитлер для избранных лиц в старой канцелярии Брюнинга, меблированной в спокойной манере и со вкусом. Сам хозяин был ненавязчив, временами почти робок, хотя и не проявлял неловкости. Днем на нем был коричневый мундир с красной повязкой со свастикой. Теперь он надел фрак, в котором никогда не выглядел непринужденно. Лишь в очень редких случаях я видел его разодетым так «плутократически», и при этом создавалось впечатление, что он взял фрак напрокат специально для этого случая. В тот вечер, несмотря на непривычный костюм, Гитлер был очаровательным хозяином, лавируя между своими гостями так легко, как будто он вырос в атмосфере особняка. Во время концертных номеров у меня было предостаточно возможностей наблюдать за англичанами. Дружеский интерес Саймона к Гитлеру поразил меня еще больше, чем при переговорах; его взгляд часто с симпатией останавливался на Гитлере, затем он смотрел на картины, мебель, цветы. Казалось, он чувствовал себя счастливым в доме канцлера Германии.

Иден также оглядывал окружающую обстановку с нескрываемым интересом и не без симпатии, но выражение его лица свидетельствовало о трезвых, острых наблюдениях над людьми и обстановкой. Его скептицизм был явно заметен, за исключением музыкальных выступлений, за которыми он следил с восхищением неискушенного любителя.

Кроме Гитлера, из присутствовавших немцев лишь Нейрат вел себя естественно и без стеснения. Все остальные, особенно Риббентроп, были рассеянными и бесцветными, как вспомогательные фигуры, обозначенные художником на заднем фоне исторической картины.

К одиннадцати часам того же вечера Иден отъехал в Варшаву и Москву. В окружении Гитлера этот визит к Сталину вызвал большое замешательство, и один старый национал-социалист в рейхсканцелярии сказал мне: «Крайне нетактично со стороны Идена направляться к советскому руководителю сразу же после визита к фюреру». Немного позже Саймон вернулся в отель «Адлон» и на следующее утро улетел в Лондон.

Так как наутро я уехал на торговые переговоры в Рим, то ничего больше не узнал о непосредственном впечатлении, которое англичане произвели на Гитлера. Гитлер очень одобрительно говорил о Саймоне в коротких перерывах во время переговоров, и я слышал, как он сказал Риббентропу: «У меня складывается впечатление, что я хорошо поладил бы с ним, если бы мы вели серьезный разговор с англичанами». Его мнение об Идене было более сдержанным, в основном из-за вопросов, которые Иден задавал во время переговоров, стараясь добиться от Гитлера ответа на отдельные вопросы. Гитлер не любил конкретных вопросов, особенно на переговорах с иностранными политиками, как я часто имел случай замечать, когда работал с ним. Он предпочитал общие рассуждения на общие темы, исторические перспективы и философские умозаключения, избегая каких-либо конкретных деталей, которые могли бы слишком явно открыть его истинные намерения.

Мой портативный приемник, неразлучный спутник в моих поездках, сообщил мне, что Саймон заявил в Палате общин о значительных разногласиях, выявленных во время берлинских переговоров.

* * *

11 апреля в Отрезе на озере Маджоре состоялась конференция. В числе участников были британский и французский премьер-министры, Рамсей Макдональд и Лаваль, их министры иностранных дел, сэр Джон Саймон, Флэндин и Муссолини. В окончательной резолюции Великобритания, Франция и Италия заявили, что согласны «противостоять всеми соответствующими средствами любому одностороннему нарушению договоров». Это был ясный ответ трех великих держав Западной Европы на повторное допущение Гитлером возможности суверенитета германских вооруженных сил. Эта декларация на самом деле показалась бы нам гораздо менее угрожающей, если бы мы знали, как нам известно теперь из мемуаров Черчилля, что в самом начале переговоров британский министр иностранных

дел подчеркнул, что он не расположен рассматривать применение санкций к нарушителю договоров. В то время у нас лишь оптимисты предполагали, будто общий фронт против нас был таким шатким.

Несколько дней спустя, 17 апреля, последовал второй удар. Действия Германии подверглись осуждению со стороны Совета Лиги Наций. Своими «произвольными действиями» она «нарушила Версальский договор и создала угрозу безопасности Европы».

Третьим ударом был союз, 2 мая заключенный Лавалем с Советским Союзом. Когда я вернулся в Берлин, то обнаружил, что все в министерстве иностранных дел очень расстроены. Казалось, Германия полностью изолирована. В ответ на методы Гитлера в международной политике образовалась антигерманская коалиция всех великих европейских держав, включая Советский Союз. Однако я вскоре узнал в Польше и в Лондоне, что эта коалиция была не слишком прочной.

К моему удивлению, я получил указания отправиться с Герингом в Варшаву и Краков на похороны маршала Пилсудского, так как была возможность, что представится случай провести политические переговоры с Лавалем. Так вечером 16 мая я отъехал со станции Фридрихштрассе с Герингом и немногочисленной делегацией в его салон-вагоне. В то время будущий рейхсмаршал не путешествовал специальным поездом, а довольствовался тем, что его вагон прицепляли к обычному поезду. Только я удобно устроился в моем купе, чтобы послушать новости по моему портативному приемнику, как на пороге неожиданно появился Геринг. Я чрезвычайно удивился, когда он сказал: «Я должен извиниться перед Вами за то, что Вас разместили в этом тесном купе, обычно я более гостеприимный хозяин, но мои люди проявили небрежность. Виновный за это поплатится».

Я ответил, что не имею никаких жалоб относительно моего размещения и, разумеется, великолепно высплюсь. Но он со смешком указал, что меня поместили в кухонный отсек его вагона, искусно скрытый за задвигающейся панелью.

Фон Мольтке, посол Германии, рано утром встретил на вокзале и отвез нас в посольство, откуда мы поехали прямо на похоронную службу в Варшавский собор.

Собор с большим вкусом украсили польскими флагами. На окнах был креп, поэтому это большое строение казалось мрачным и плохо освещенным. Прожектор сверху освещал гроб польского национального героя, на котором лежал меч маршала и его знаменитая каска легионера. В полумраке можно было разглядеть

много блестящих мундиров; я заметил маршала Петена в полной парадной форме, сидевшего в первом ряду рядом с Лавалем, который только что вернулся из Москвы. Сразу позади него находился контингент британских офицеров, а затем стояла немецкая делегация с Герингом в мундире генерала военно-воздушных сил. Я отметил также присутствие советских представителей, униформа которых была самой простой в этом блестящем собрании.

Церемония продолжалась почти два часа, и я мысленно вернулся в Женеву, где познакомился с маршалом задолго до того, как в Совете Лиги возник спор между Польшей и Литвой. «Я приехал сюда, чтобы услышать здесь слово мира,? сказал он.? Все остальное чепуха, разбираться с которой я предоставляю моему министру иностранных дел».

После заупокойной службы гроб Пилсудского был установлен на лафет и провезен через всю Варшаву на Мокотовский плац. Похоронная процессия была очень впечатляющей, и потребовалось четыре часа, чтобы пройти по улицам польской столицы. Стоял месяц май, и было уже очень тепло, почти жарко, поэтому медленное продвижение с процессией и продолжительное стояние на мемориальном параде оказалось чрезвычайно суровым испытанием для гостей, не привыкших к таким церемониям. Тяжелые шаги Геринга раздавались за моей спиной, но он терпеливо вынес все до конца, тогда как престарелый маршал Петен через некоторое время сел в карету. Огромные толпы стояли по обе стороны улиц, по которым проходила процессия.

На следующее утро состоялась еще одна трехчасовая процессия в Кракове, завершившаяся окончательным опусканием гроба в могилу, подготовленную в Вавельском замке. Министр иностранных дел Бек дал завтрак для иностранных делегаций в «Отель де Франс», на котором я помогал Герингу в нескольких коротких беседах с Петеном, англичанами и Лавалем. Лаваль и Геринг договорились о продолжительном разговоре во второй половине дня.

Было очевидно, что не только Геринг желал этого разговора, но и Лаваль также с радостью воспользовался возможностью поговорить с нами. Беседа, продолжавшаяся более двух часов, была сокращенным вариантом разговоров между Гитлером и Саймоном. Поднимались точно такие же темы, и поэтому разница между англичанами и французами была наиболее очевидной.

Геринг, крупный и массивный, мало придерживался обдуманной тактики Гитлера. Он отличался прямолинейностью, не вдаваясь в дипломатические тонкости. «Я полагаю, Вы

поладили в Москве с большевиками, мсье Лаваль»,? сказал он, касаясь наиболее деликатной темы франко-российского пакта о взаимной помощи. «Мы в Германии знаем большевиков лучше, чем вы во Франции,? продолжал он.? Мы знаем, что ни при каких обстоятельствах нельзя иметь с ними никакого дела, если хотите избежать неприятностей. Вы столкнетесь с этим во Франции. Увидите, какие трудности создадут вам ваши парижские коммунисты». Последовала тирада против русских, в которой он использовал те же слова, которые использовал Гитлер в разговоре с Саймоном. Это был мой первый опыт того, что потом всегда меня поражало в ведущих деятелях национал-социализма в их разговорах с иностранцами,? повторение почти слово в слово аргументов Гитлера. Как переводчик я, естественно, должен был обращать самое пристальное внимание на индивидуальные фразы и, следовательно, мог убедиться, насколько близко приспешники Гитлера следовали за своим хозяином. Иногда казалось, будто проигрывали одну и ту же граммофонную запись, хотя голос и темперамент были разными.

Я заметил это и в других вопросах, затронутых Герингом: разоружение, или скорее перевооружение Германии; двусторонние пакты вместо коллективной безопасности; сдержанность по отношению к Лиге Наций, не исключая возможности повторного вхождения в нее Германии; пакт по воздушным силам и многое другое. За имевшееся короткое время Геринг, конечно, не мог вдаваться в подробности, даже в том объеме, как делал это Гитлер в Берлине. Он не делал этого и в представившихся позднее случаях, придерживаясь даже больше, чем Гитлер, обобщений и отвлеченных идей. Определенность нравилась ему еще меньше, чем Гитлеру. Тем не менее он нуждался в дипломатических изысках. Позднее я наблюдал его в очень деликатных ситуациях, где он проявлял тонкость, которую немецкая публика сочла бы невозможной в этом головорезе-тяжеловесе.

Это умение впервые проявилось в Кракове во время разговора о франко-германских отношениях (разумеется, это была основная тема беседы с Лавалем). Очень убедительными словами Геринг убеждал Лаваля в желании Германии достичь общего урегулирования отношений с Францией. Конкретные детали никогда не упоминались. Он использовал силу своей личности и красноречие, чтобы подавить Лаваля. Беспристрастного человека не могло не убедить то, что Геринг, только что выпустивший пар в адрес русских и Лиги Наций, пользуясь языком человека с улицы, был искренен, когда сказал: «Можете быть уверены, месье Лаваль, что у немецкого народа нет большего желания, чем

заключить, наконец, мир после столетней вражды с его французским соседом. Мы уважаем Ваших соотечественников как храбрых солдат, мы полны восхищения достижениями французского духа. Давнишнее яблоко раздора в Эльзас-Лотарингии больше не существует. Что же еще мешает нам стать действительно хорошими соседями?»

Эти слова не замедлили произвести должное впечатление на Лаваля, который подчеркнул, как настойчиво он всегда выступал за франко-немецкое сближение, и попросил меня свидетельствовать относительно его усилий в достижении франко-немецкого взаимопонимания на берлинских переговорах с Брюнингом в 1931 году. Я мог подтвердить это с чистой совестью, так как у меня создалось впечатление и во время конференции шести держав в Париже, и в Берлине осенью того же года, что намерения Лаваля были искренни и что он чистосердечно прилагал усилия для создания добрососедских отношений между двумя странами. Лаваль не вдавался в подробности относительно формы франко-германского урегулирования, хотя мне казалось, именно это и требовалось. По бесчисленным дискуссиям в Женеве и Париже я знал, как трудно было достичь результатов, когда действительно вдаются в подробности.

Мне было также интересно отметить, что Лаваль, как и Иден в Берлине, старался успокоить нас насчет намерений России. «В Москве я не обнаружил ничего,? сказал он в выражениях, почти идентичных словам лорда-канцлера Великобритании, – что могло бы подтвердить какие-либо враждебные намерения России по отношению к Германии». Он описал Сталина как человека, с которым легко договориться, человека, с которым можно было бы вести переговоры. Риббентроп в подобных выражениях описывал мне Сталина в августе 1939 года, когда я сопровождал его в Москву для заключения сенсационного русско-немецкого пакта незадолго до начала войны. Рузвельт тоже, после своей первой встречи со Сталиным в Ялте, высказывал подобное мнение своему сыну и позднее некоторым своим коллегам. Когда я размышляю о том, что говорили иностранцы, побеседовав с Гитлером и Сталиным, мне почти хочется верить, что диктаторы каким-то образом оказывают особое магическое воздействие на своих слушателей.

Лаваль тоже представил заключение франко-российского союза как необходимость, обусловленную международной политикой Франции. Он всегда был опытным, безупречным французским юристом. В Кракове мои прежние впечатления о Лавале подтвердились. Мне показалось, что он относится к

категории «людей доброй воли», hommes de bonne volonte, которые стояли за мир по своим убеждениям. В то время я без колебаний поставил бы его на одну доску с Эррио и Брианом.

Основное впечатление от этой беседы, с которым я вернулся в Берлин, состояло в том, что в любое время Германия могла бы, при условии ведения более или менее умной внешней политики, выйти из изоляции, куда загнали ее психологические ошибки Гитлера. Беседа между Герингом и Лавалем показалась мне определеным сдвигом по направлению к выходу из изоляции рейха, наметившейся ранее в апреле на встрече в Стрезе и в мае с заключением франко-советского пакта. В переговорах в Берлине и Кракове я увидел, наконец, явный признак того, что Англия и Франция хотели бы избежать окончательного разрыва с Германией, желая вывести ее из изоляции, вернув рейх в сообщество наций. Геринг, с которым у меня состоялась продолжительная беседа об общем положении по пути в Берлин, разделял это мнение. В отличие от Гитлера он прислушивался к предположениям и аргументам. Он подробно расспрашивал меня о моих прежних впечатлениях о Лавале. Спрашивал об отношениях между Брианом и Штреземаном и внимательно слушал, когда я доказывал, что Штреземан поставил дипломатический рекорд, освободив Рейнскую область от иностранных войск, не имея своей собственной армии. «Если так посмотреть на это,? задумчиво добавил он,? в ваших словах есть доля правды». Но он пренебрежительно относился к нашему министерству иностранных дел и его штату. «Утро они проводят за заточкой карандашей, а послеобеденное время за чаепитиями»,? съязвил он.

Сразу же по возвращении в Берлин я получил следующее задание. Хотя 17 апреля Совет Лиги Наций официально осудил Германию, месяц спустя англичане прислали приглашение нарушителю договора по военно-морскому флоту. Риббентроп был назначен «чрезвычайным послом», и Гитлер поручил ему вести эти переговоры. Я должен был ехать с ним в качестве переводчика. Мы прилетели в Лондон в начале июня специальным самолетом. Это был первый из многих перелетов, которые пришлось совершить в европейские столицы на том трехмоторном «юнкерсе». В последующие годы я так часто курсировал между Лондоном и Берлином, что мог бы пролететь на самолете до Лондона без карты.

Переговоры начались в министерстве иностранных дел. Присутствовал Саймон, и Риббентроп скоро выложил свои карты на стол. Германии было нужно право иметь флот, равный 35 % мощи британского военно-морского флота. С несколько

преувеличенной демонстрацией всесилия он заявил: «Если британское правительство не примет немедленно это условие, не стоит и продолжать эти переговоры. Мы настаиваем на немедленном решении». Если бы этому принципу последовали, то можно было бы легко уладить все технические подробности относительно программы строительства кораблей и классов судов.

Должен признаться, такую тактику я не считал разумной. Было очевидно, ввиду того факта, что рейх уже официально осудили за нарушения Версальского договора, что англичане не могли внезапно переменить свою позицию и официально одобрить нарушения условий этого же договора относительно военно-морского флота. В то время я еще не очень хорошо знал Риббентропа и удивлялся, почему с самого начала он так недипломатично выдвинул самый трудный вопрос, рискуя сорвать едва начавшиеся переговоры. Был ли это недостаток опыта международных конференций? Была ли это типичная попытка национал-социалиста любой ценой нарушать условности? Или же он слепо следовал инструкциям, не пользуясь собственным воображением? Потом я понял, что его поведение было поведением терьера из рекламных объявлений о граммофонах «Голос его хозяина». Так же как терьер завороженно слушает голос, доносящийся из граммофонной трубы, так и Риббентроп впитывал слова Гитлера, а потом повторял их. В этом отношении? и в Германии, и за границей? он производил впечатление глупого человека? впечатление, которое усиливалось его наглостью, тщеславием и крайней подозрительностью. Должен сказать, что на бесчисленных переговорах, на которых я переводил ему, он никогда не испытывал недостатка контраргументов. Он мог достаточно четко формулировать свои мысли, и в голове у него надежно хранились соответствующие факты и подробности, но мне никогда не приходило на ум считать его государственным деятелем или министром иностранных дел. Во время заседаний Нюрнбергского международного трибунала он называл себя политическим секретарем Гитлера по международным делам, что, я думаю, вполне соответствовало его положению. Он находился в крайней зависимости от Гитлера. Если Гитлер был им недоволен, он заболевал и укладывался в постель, как истеричная женщина. Он в самом деле был не чем иным, как голосом своего хозяина, и, следовательно, многим из нас казался опасным дураком.

Во время этого визита мое мнение, что Риббентроп сделал ошибку, использовав свою тактику «слона в посудной лавке», казалось, подтвердила реакция Саймона. В то время как я

переводил слова Риббентропа, Саймон вспыхнул от гнева. Он ответил с некоторой горячностью: «Обычно такие заявления не делают в самом начале переговоров». И резко сделал вывод, сказав: «Я могу, разумеется, не делать никакого заявления по этому вопросу». Затем, холодно поклонившись, он покинул заседание. Я уже подумывал, какой будет погода во время нашего полета обратно в Берлин. Я чувствовал полную уверенность, по своему предыдущему опыту, что даже если переговоры не прекратятся полностью, конференцию отложат на долгое время. Но я ошибался.

Один-два дня от англичан ничего не было слышно, а потом назначили очередное заседание, но не в министерстве иностранных дел, а в Адмиралтействе. Беседа состоялась в историческом Зале заседаний, где, как нам сказали, принимались многие важные решения о британском военно-морском флоте. Это была большая комната с панелями, в центре которой стоял длинный стол с красными кожаными стульями по обе стороны. Мое место переводчика находилось во главе стола, этот стул, который обычно занимал первый лорд Адмиралтейства, был особенно удобным. Если верно, что одежда определяет положение человека, то можно также сказать, что расположение стула определяет положение переводчика. В ходе переговоров по военно-морскому флоту я занимал доминирующее положение между двумя сторонами и благодаря выгодному пункту наблюдения ни разу не терял нить разговора даже в самых трудных технических вопросах, касавшихся типов судов, водоизмещения и так далее.

Слева от меня сидела немецкая делегация, возглавляемая Риббентропом и адмиралом Шустером; справа были сэр Роберт Крэджи, заместитель министра в министерстве иностранных дел, адмирал Литтл и капитан Данквертс. На стене позади британской делегации находился указатель направления ветра, соединенный с флюгером на крыше. «Когда британский военно-морской флот еще состоял из парусных судов,? объяснил нам адмирал Литтл,? направление ветра имело решающее значение для оперативных решений, принимавшихся в этой комнате». Показывая на особую отметку на указателе направления ветра, он со смехом добавил: «Когда ветер дул из этого сектора, французский флот не мог выйти из Бреста? и Ла-Манш был в нашем распоряжении». Времена парусного флота давно прошли, но в этом почитаемом зале указатель ветра все еще перемещался, подчиняясь переменчивым ветрам. Другой достопримечательностью была отметка на стене, которая, как любезно рассказал нам адмирал, обозначала рост Нельсона. Мы удивились, увидев, что герой

военно-морского флота Великобритании был таким невысоким человеком.

Несмотря на охлаждение, вызванное столкновением между Риббентропом и Саймоном в начале переговоров, теперь преобладала очень дружеская атмосфера. К моему удивлению, сэр Роберт Крэджи открыл заседание заявлением, что британское правительство готово согласиться на требование Риббентропа. Единственной оговоркой было то, что это будет возможным, только если и по всем остальным вопросам будет достигнуто соглашение. Я едва поверил своим ушам, когда услышал от Крэджи это совершенно неожиданное заявление. Мне пришлось с неохотой признать, что методы Риббентропа, как бы они мне не нравились и как бы их не критиковали, казалось, увенчались успехом. Должно быть, англичане были очень обеспокоены, раз за несколько дней пришли к такому полному соглашению. Впоследствии это заставило меня колебаться в оценках методов Гитлера. Я часто думал об этой сцене, когда позднее мне поручали переводить заявления Гитлера или Риббентропа, полностью противоречащие методам государственных деятелей Германии до 1933 года.

После этого в принципе вскоре было достигнуто и полное согласие. Риббентроп по праву гордился успехом своих переговоров. Его неловкость в общении с англичанами сменилась почти дружескими отношениями, к которым я привык на международных встречах. Комплекс неполноценности, который он пытался преодолеть нарочитой резкостью, теперь исчез, проявляясь лишь в ошибках. Например, к концу переговоров, когда англичане случайно спросили его, как долго продлится это соглашение, он напыжился и с самым торжественным выражением лица произнес только одно слово: «Ewig» (вечно).

Мой коллега Кордт усмехнулся, заметив мое изумление. Высказывание Риббентропа в переводе на английский можно было бы лишь пропеть под аккомпанемент церковного органа. Я задумался, как можно было бы перевести это, избежав комического эффекта. Но вскоре нашел выход. «Это будет постоянное соглашение», перевел я с облегчением, и эта фраза вошла в текст соглашения.

Когда я вернулся домой, меня часто спрашивали, почему Риббентропу, неплохо говорившему по-английски, приходилось все переводить. Я осторожно поднял этот вопрос в разговоре с ним как раз перед началом переговоров, предположив, что ему следовало бы написать по-английски основные пункты его заметок, если он желает говорить по-английски на переговорах.

«Я вполне мог бы сам вести переговоры на английском

языке,? ответил он,? но я хочу полностью сосредоточиться на главном и не отвлекаться на английский синтаксис или фразы».

Чудовищная подозрительность, свойственная Риббентропу, особенно поразила меня на этих переговорах. Во время обсуждения в его номере в «Карлтоне» мы, члены немецкой делегации, должны были толпиться вокруг него в центре комнаты и говорить шепотом, потому что хитрые англичане могли закрепить микрофон в стене, чтобы подслушать наши секреты. Иногда было трудно не разразиться смехом при виде военно-морской делегации, сгрудившейся в центре комнаты, как цыплята, вокруг Риббентропа и шепчущейся о подлодках, эсминцах и тоннах водоизмещения.

После обмена документами по военно-морскому соглашению между новым министром иностранных дел Великобритании сэром Сэмюэлем Хором и Риббентропом мы оставались в Лондоне еще несколько дней, чтобы покончить с техническими подробностями. Риббентроп триумфально вернулся в Германию как «великий государственный деятель». После этого сенсационного успеха Гитлер особо отличал его как искусного дипломата, тогда как весь мир протирал глаза, удивляясь тому, чего добился в Англии германский «специальный посол и специальный уполномоченный по вопросам вооружений». Французы направили англичанам недружелюбную ноту. «Вопрос, который касается всех подписавшихся под Версальским договором, рассматривался как более или менее частное дело между Германией и Великобританией… Франция сохраняет за собой свободу действий в военно-морских вопросах»,? сердито написал Лаваль британскому министру иностранных дел. Даже Италия отозвалась критически. Идена послали в Париж успокоить негодующих.

Гитлер, казалось, выигрывает по всем статьям.

* * *

В течение этого года англо-германского «сближения» мне снова довелось работать с Гитлером. 15 июля он принял в Канцелярии делегацию Британского легиона, беседовал почти два часа с майором Фезерстоном-Годли и пятью сопровождавшими его англичанами. Фюрер попросил каждого из них подробно рассказать, на каком участке фронта тот сражался, и поделился с гостями военными воспоминаниями. В отличие от прочих бесед, это могла бы быть типичная встреча старых боевых товарищей. В заключительной краткой речи Гитлера был намек на политику.

Выразив свое сердечное удовольствие от этого визита, он подчеркнул особое значение, которое придавал, в интересах мира, сотрудничеству между солдатами, сражавшимися в последнюю войну.

За завтраком, который был дан английским гостям перед приемом, майор Фезерстон-Годли сказал, что англичане лишь один раз сражались против немцев, и, по мнению Британского легиона, это была ошибка? ошибка, которая не должна повториться. Теперь он говорил словами, сходными со словами Гитлера.

Покидая Канцелярию, эти гости, несомненно, находились под впечатлением того, как принял их Гитлер, но теперь я заметил нечто, часто поражавшее меня в последующие годы.

Воздействие Гитлера на посетителей блекло по мере того, как проходило время. В течение следующих нескольких дней я сопровождал эту делегацию, показывал им достопримечательности и заметил, как все более критическим день ото дня становилось их отношение к Германии. То, что они сами видели в национал-социалистской Германии, казалось, подтверждало то, что они слышали о Германии в своей собственной стране, а не то, что так убедительно рассказывали им Гитлер и его коллеги.

В течение последних месяцев 1935 года конфликт между Италией и Лигой Наций, особенно Англией и Францией, постепенно вышел на передний план. Муссолини, который ожидал, что в ответ на его поддержку западных держав против Германии ему предоставят свободу действий в Абиссинии, теперь вдруг столкнулся с непредвиденными трудностями, в значительной степени обусловленными британской политикой в Лиге Наций. Он автоматически отошел от «союза» Отрезы и перешел на сторону Гитлера.

Вместе с тем 1935-й был для Гитлера годом триумфов в области внешней политики. Удачно завершились англо-германские мартовские переговоры, майская встреча Геринга и Лаваля, и было достигнуто июньское соглашение по военно-морскому флоту. Важнее всего, поскольку это касалось большинства немцев, было достижение военного паритета. В результате этих успехов многие совершенно неправильно судили о дипломатических методах Гитлера. В то время невозможно было понять, что своими успехами он был обязан не столько своему собственному государственному уму, сколько отсутствию решимости и единства среди его оппонентов. И пока события следующего года не подтвердили многократно эту нерешительность великих держав, те, кто пристально следил за

событиями, не увидели истинного объяснения никак иначе не объяснимых триумфов германского диктатора.

Глава вторая
1936 г

Когда в марте 1946 года я давал свидетельские показания перед Нюрнбергским судом и смотрел на длинный ряд обвиняемых справа от меня, мой взгляд невольно скользнул по едва узнаваемому лицу Риббентропа. Мысли мои обратились к другому трибуналу, перед которым почти ровно десять лет тому назад стоял Риббентроп. Этим трибуналом был Совет Лиги Наций, созванный на специальное заседание в Лондон, а Риббентроп как представитель Германии был вызван на него для отчета относительно разрыва Локарнского соглашения 1925 года вследствие ремилитаризации Гитлером Рейнской области.

То была действительно полная противоположность строгой и по-американски деловой обстановке в зале большого суда в Нюрнберге, где голубоватое неоновое освещение создавало атмосферу нереальности, и казалось, будто судьи, публика и обвиняемые выглядят давно умершими. Яркий дневной свет лился в окна Сент-Джеймского дворца, где заседал Совет. На стенах висели шелковые драпировки и впечатляющие старинные портреты. Огромное зеркало над камином создавало вместе с теплыми тонами ковров и портьер еще более дружелюбную обстановку. На камине стояли великолепные старинные часы, которые вместе с залом в целом живо напоминали Зал Часов на Ке Д'Орсэ[1] и полные самых больших надежд дни, когда Штреземан подписал здесь Келлогский пакт[2]. Единственными символами современности были стол Совета из Женевы и микрофон, перед которым я сидел рядом с Риббентропом.

Взоры всех присутствовавших были устремлены на представителя национал-социалистской Германии, ставшего сенсацией дня в этом старомодном дипломатическом окружении. Председательствовал делегат от Австралии Брюс? высокий темноволосый человек с типичными англо-саксонскими чертами лица и таким же типичным спокойствием. Справа от него сидел Фланден, который незадолго до этого стал министром иностранных дел Франции и которого я помнил по Парижу и Женеве. Рядом с ним сидел министр иностранных дел Италии Гранди. За столом Совета я увидел многих старых знакомых. Рядом с Риббентропом разместился Титулеску, самым дружелюбным образом постоянно пытавшийся вовлечь его в разговор по-немецки. Но Риббентроп держался отчужденно и на попытки сближения со стороны министра иностранных дел

Румынии отвечал с минимальной любезностью. По другую руку от Брюса сидели Иден и Литвинов. Советский Союз в Совете Лиги! Это и в самом деле было сенсацией и самым явным признаком того, как благодаря Гитлеру изменилась ситуация в этой высшей международной организации.

Было вполне естественно, что я узнал многих старых знакомых среди самых разных делегатов. Приветствуя их перед началом заседания, я почувствовал, что они так же, как и я, рады этой непредвиденной встрече. Риббентроп, однако, проявил некоторое недовольство. «Ну, Вы, кажется, весьма популярны здесь»,? заметил он. Может быть, он ожидал, что на причину нашего присутствия здесь? нарушение Гитлером Локарнского договора и ввод немецких войск в Рейнскую область? повлияют мои личные отношения с моими французскими и английскими коллегами и знакомыми.

Вследствие введения обязательной воинской службы в предыдущем году Германия сразу же оказалась полностью изолированной от всех остальных стран? больших и малых. 7 марта 1936 года, вскоре после ратификации франко-советского пакта о взаимопомощи, Гитлер оккупировал Рейнскую область. Он оправдал эту акцию заявлением, что пакт является настолько серьезным нарушением Локарнского соглашения, что оно перестало существовать и, следовательно, Германия больше не связана его условиями, касающимися демилитаризации Рейнской области. Мы были уверены? бумажная война почти наверняка приведет к настоящей войне. «Германия нарушила Локарнский договор»,? писали французы и бельгийцы. «Франция нарушила его первой»,? отвечал рейх, указывая на франко-советский пакт.

7 марта мой друг из министерства иностранных дел выразил мнение, которого придерживались многие в нашем департаменте: «Если Франция хоть немного дорожит своей безопасностью, она должна сейчас же войти в Рейнскую область». Не раз, даже во время войны, я слышал от Гитлера: «Сорок восемь часов после ввода войск в Рейнскую область были самыми тревожными в моей жизни». Он всегда добавлял: «Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, нам пришлось бы убраться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления».

По причинам, которые были все-таки непостижимыми для нас в министерстве иностранных дел, Франция удовлетворилась созывом Совета Лиги, на котором я присутствовал в качестве переводчика Риббентропа. «Я взял на себя эту миссию с большим личным удовлетворением,? сказал Риббентроп, обращаясь к

Совету,? будучи убежденным, что у меня никогда не было бы другого повода предстать перед этим Советом наций». Затем, сразу же переходя к новому франко-советскому военному союзу, сказал с особым значением: «Этот пакт касается двух государств, насчитывающих 275 миллионов человек. Обе стороны, заключившие договор, представляют самые мощные вооруженные силы в мире. Советская Россия, хоть и отдалена от Германии настолько, что, вероятно, Германия не может подвергнуться нападению с ее стороны, окольным путем приблизилась к германской границе посредством подобного военного союза с Чехословакией». Литвинов усердно делал заметки. «Франция и Россия,? продолжал Риббентроп,? могут, в силу соглашения между ними, начать войну против Германии по их собственному усмотрению». Литвинов гневно тряхнул головой, а Фланден раздраженно поджал губы. «Этот союз направлен исключительно против Германии,? продолжал я переводить, в то время как все присутствовавшие? делегаты, секретари, юрисконсульты и переводчики? с самым пристальным вниманием следили за моими словами.

Выдвинув аргументы в чисто юридическом аспекте, Риббентроп перешел к более ранним предложениям Гитлера относительно разоружения. «Предложение полного разоружения было отвергнуто. Предложение об армии, состоящей в целом из 200 000 человек, было отвергнуто. Предложение об армии в 300 000 человек было отвергнуто. Предложение о пакте по военно-воздушным силам было отвергнуто… Предложение об общеевропейском урегулировании, сделанное в мае 1935 года, просто оставили без внимания, за исключением предложения, которое впоследствии стало основой для англо-германского соглашения по военно-морскому флоту». Так он описывал мирные инициативы Гитлера в кратком изложении, которое, насколько я мог видеть, не замедлило произвести впечатление на некоторых делегатов и на нескольких представителей прессы. «Правительство германского рейха должно, следовательно, отбросить как несправедливые и необоснованные обвинения в одностороннем нарушении Локарнского договора»,? сделал вывод Риббентроп.

На одном из заседаний Совета, предшествовавшем нашему прибытию в Лондон, Фланден сказал: «Если французские контраргументы в вопросе о пакте с русскими не убедили немецкое правительство, то его долг состоял в том, чтобы посредством Договора об арбитраже, заключенного одновременно с Локарнским соглашением, передать дело в арбитраж. Но Франция никогда и не пыталась это сделать. Хотя сам я заявил в

Палате, что мы могли бы согласиться на обращение в Гаагский суд по этому вопросу, немецкое правительство игнорировало предложение. Не делалось и попытки обсудить вопрос на встрече держав Локарнского договора; Германия просто объявила аннулированным и недействительным договор, участники которого специально отказались от права расторгнуть его, с тем чтобы этот договор мог расторгать только Совет Лиги Наций по их заявлению». Гитлер, очевидно, дал Риббентропу указание следовать его любимой тактике? избегать конкретных вопросов, высказывая смутные и обобщенные уверения. «Немецкий народ,? с пафосом говорил министр,? который теперь, через семнадцать лет, наконец-то видит, как восстанавливаются его свобода и честь… искренне желает жить в мире и дружбе со своими соседями и впредь всячески сотрудничать в строительстве настоящей европейской солидарности… Он хочет покончить с долгим периодом франко-германской напряженности, кризисов и войн и помочь достижению лучшего понимания и дружбы между этими двумя великими нациями. Этого немецкий народ желает всем сердцем. В таком духе канцлер Германии сделал историческое и действительно уникальное и несравнимое ни с чем предложение всему миру объединить Европу и обеспечить мир на ближайшие двадцать пять лет… «Эта речь могла и не произвести большого впечатления на Совет, но оказала безусловное воздействие на прессу и задала тон дипломатической активности на последующие несколько недель…

После того как мой французский коллега Матье перевел мой английский вариант речи Риббентропа на французский язык, в заседании сделали перерыв на обед. Немецкому послу в Лондоне фон Хешу пришлось настойчиво просить Брюса сделать этот перерыв, так как Совет первоначально собирался вынести осуждающий вердикт сразу же после речи Риббентропа, безо всяких дальнейших обсуждений. Это было бы молчаливое прекращение прений, которое я часто наблюдал в Женеве и эффективность которого я почувствовал дома в подготовительной комиссии по разоружению. В то время самые красноречивые аргументы нашего представителя, графа Бернштorффа? бывшего немецкого посла в Вашингтоне, были встречены полным молчанием. Фактически в его случае ответа не могло быть. Усилия нашего посла в Лондоне и понимание, которое проявили Брюс и англичане, предотвратили такое проявление высокомерия, во всяком случае в его самой грубой форме. Постановление было вынесено во второй половине дня. Но было единогласно решено, что ни один член Совета не должен отвечать на доводы Риббентропа, которые, как показала реакция публики, не совсем

соответствовали сути дела.

Излагая речь по-английски, я заметил, что Литвинов усиленно делает какие-то заметки и покачивает головой, явно не одобряя многие пункты, отчего сидевший рядом с ним Иден бросал на него недовольные взгляды. Однако во время французского перевода я заметил, как высокий Фланден оживленно беседовал с низкорослым, полноватым Литвиновым. Нетрудно было догадаться, о чем шел этот оживленный разговор. Было ясно, что Литвинов как советский представитель хотел воспользоваться этой возможностью на самом деле публично выступить против национал-социалистской Германии, как потом Вышинский после 1945 года никогда не упускал возможности обрушиться на Америку на заседаниях Совета Безопасности. Наблюдая за горячей дискуссией Фландена и Литвинова, я ждал дуэли Литвинов? Риббентроп, которая казалась неизбежной. Ссоры легко переводить, и я был бы рад, если бы план действий Совета провалился и я снова мог бы переводить настоящие бурные дебаты. Но дело обернулось по-другому. На открытии послеобеденного заседания никто не изъявил желания выступить. Очевидно, Фланден убедил Литвинова своими аргументами. «Совет Лиги Наций заявляет, что немецкое правительство совершило нарушение статьи 43 Версальского договора тем, что 7 марта 1936 года ввело вооруженные силы в демилитаризованную зону, обозначенную в статье 42 и последующих статьях данного договора и в Локарнском договоре».

Это была франко-бельгийская резолюция, которую Совет принял единодушно, заклеймив таким образом Германию как нарушителя договора.

Но был и один большой сюрприз. Перед голосованием Председатель Совета Брюс, выступавший в качестве представителя от Австралии, сказал: «Работа Совета не завершается принятием этой резолюции… Державы, которых в основном касается ситуация, должны сами найти решение». Я, естественно, подумал, что он имел в виду державы Локарнского договора, за исключением Германии, нарушителя договора. Однако, к моему чрезвычайному удивлению, Брюс продолжал: «Сдержанность заявления Франции и Бельгии вызвала величайшее восхищение во всем мире. С другой стороны, рейхсканцлер Гитлер часто высказывал свое желание сотрудничать; сегодня утром немецкий представитель снова сделал это».

Это напомнило мне о том, что случилось год назад, когда англичане, после протеста по поводу нарушения Версальского договора Германией, вводившей у себя в стране обязательную

воинскую повинность, обратились с вопросом, будет ли уместным приезд Саймона и Идена в Берлин.

Произошло то, чего я менее всего ожидал после чрезвычайного волнения, вызванного вводом Германией войск в Рейнскую область. «При этих обстоятельствах,? услышал я, как продолжал Брюс,? я определенно надеюсь, что решение будет возможно».

Я был слишком озабочен реакцией Франции и Бельгии, чтобы оценить гротескное противоречие в этой последней фразе. Никто не возразил мнению Председателя Совета, что теперь переговоры с нами можно продолжить. Риббентроп снова коротко выразил протест против «резолюции, которую недавно принял Совет и которой история вынесет обвинительный приговор». Затем Фланден снова предложил решить юридические вопросы в Постоянной Палате Международного Правосудия. На этом закрылось одно из самых примечательных заседаний Совета.

Переговоры между Иденом и Риббентропом велись, как будто ничего не случилось. Тогда как с точки зрения Германии Локарнское соглашение больше не существовало, другие державы, подписавшие Локарнский договор, заявили, что для них обязательства по этому договору все еще имели силу. Они пообещали Франции и Бельгии прийти им на помощь в случае нападения со стороны Германии. При таких обстоятельствах англичане в течение последующих дней вели с Риббентропом переговоры о том, как увязать с Локарнским договором предложение Гитлера о мире на двадцать пять лет, выдвинутое одновременно с вводом войск в Рейнскую область! Гитлер, казалось, определенно произвел желаемый эффект на англичан своим мирным предложением, смягчив их реакцию на его односторонний отказ от Локарнского договора.

Иден попытался получить от Риббентропа, по крайней мере, подтверждение, что в Рейнской области не будет возводиться никаких укреплений, хотя бы какое-то время. Риббентроп противился, возражая против предлагавшихся англо-французских переговоров между штабами, которые должны были решить, какие действия следует предпринять, если Франция и Бельгия действительно подвергнутся нападению. Фраза «переговоры штабов» в то время действовала на Риббентропа, как красная тряпка на быка. Он инстинктивно чувствовал, что конкретные военные соглашения между Англией и Францией были бы очень высокой ценой за военный захват Рейнской области. Он протестовал против этого в разговорах с Иденом и другими англичанами так же, как протестует теперь Сталин против военных соглашений в рамках Атлантического пакта.

Поразительный переход от осуждения к переговорам заставил меня все больше сомневаться в моей способности судить о международном положении. Я чувствовал себя весьма глупо, так же как мои друзья из министерства иностранных дел, когда не сбывались наши личные предсказания насчет последствий предпринятых Гитлером действий. Казалось, снова Гитлер оказался прав.

Теперь мы знаем, что стояли к войне ближе, чем думали. Французский посол Франсуа-Понсе пишет в своих мемуарах: «Очень серьезно рассматривалась возможность военного вмешательства. Предлагали ввести военные силы в виде одного армейского корпуса на территорию Саарской области… Однако гражданские министры возражали против этого. Генерал Гамелен высказал мнение, что даже ограниченная военная операция была бы рискованной и, следовательно, не могла быть предпринята без общей мобилизации… Правительство в ужасе отшатнулось от такой возможности… Мирные настроения еще очень сильны. Идея войны наталкивается на сильную оппозицию».

Мы знаем от Фландена, бывшего тогда министром иностранных дел Франции, какие усилия он приложил, чтобы заручиться поддержкой Великобритании. Черчилль в своей военной истории[3] пишет, что Фланден говорил ему о своем намерении предложить британскому правительству провести одновременную мобилизацию сухопутных, морских и воздушных военных сил обеих стран, подтверждая, что Франция уже заручилась обещанием поддержки от всех наций Малой Антанты[4]. Следующая дневниковая запись в биографии Невилла Чемберлена потрясающе проливает свет на британскую позицию: «12 марта. Говорил с Фланденом, подчеркивая, что здесь со стороны общественного мнения мы не найдем поддержки в санкциях какого-либо рода. По его мнению, если Франция и Англия будут держаться единым, стойким фронтом, Германия уступит без войны. Мы не можем принять это как достоверную оценку реакции сумасшедшего диктатора». «Весь мир, особенно небольшие страны, смотрят сегодня на Англию,? сказал однажды Фланден в присутствии Черчилля на встрече ведущих английских государственных деятелей.? Если Англия будет действовать сейчас, она поведет за собой всю Европу… это ее последний шанс; если вы не удержите Германию под контролем, все потеряно».

Черчилль в своей книге выразил мнение, что если бы Франция смогла справиться со своей задачей, то немедленно объявила бы всеобщую мобилизацию и при этом призвала бы остальных примкнуть к ней. Для Франции это был вопрос «быть или не быть». Любое французское правительство, достойное этого

названия, должно было бы действовать, взяв на себя ответственность и опираясь на договорные обязательства.

Тогда я ничего этого не знал. Помню только голос французского премьер-министра, как я услышал его в моем портативном радиоприемнике сразу же после ввода Германией войск в Рейнскую область, когда он говорил с большим волнением: «Франция никогда не будет вести переговоры, пока Страсбург находится под прицелом немецких ружей». Я услышал приговор Совета Лиги Наций? «виновен». И все же почти ежедневно встречал Идена с Риббентропом. Препирания на этих переговорах достигли наивысшего накала, когда стороны безуспешно пытались найти компромисс на основе принципа «никаких укреплений, никаких переговоров штабов». Но «виновная сторона» отказалась даже отложить на время строительство укреплений в Рейнской области.

* * *

На протяжении марта и апреля мы часто совершали полеты между Лондоном и Берлином на специальном самолете Риббентропа, знакомом «Юнкерсе-52», на который благожелательный английский народ взирал как на внушающий надежду символ переговоров. Гитлер увидел по реакции британских государственных деятелей и, прежде всего, общественного мнения, что тактика прикрытия рейнской авантюры мирными предложениями удалась, и стал следовать этому методу с еще большим усердием.

Однажды в конце апреля во второй половине дня мы отбыли из Темпльхофа на Ю-52 с крупномасштабным мирным планом Гитлера. По возможности его следовало передать англичанам тем же вечером, поэтому я должен был перевести его во время полета. Я договорился с нашим бюро переводов, что там сделают черновой перевод, последние листы которого мне передал специальный курьер как раз перед отлетом самолета. Я лихорадочно принялся за работу. Обычно полет из Берлина в Лондон длился около четырех часов? не слишком много времени для изучения такого важного дипломатического документа. Более того, во время полета секретарша Риббентропа должна была сделать хорошую копию для передачи британскому правительству. «Я надеюсь, ветер будет лобовым,? сказала она.? У нас будет немного больше времени».

Пока мы летели над Ваннзее, я прочел первое предложение этого документа, разумно выдержанное в «духе Лондона», как я

уловил его несколько дней тому назад: «Немецкое правительство искренне сходится во мнении в том, что узнало от своего посла Риббентропа относительно желания британского правительства и народа Великобритании? а именно: как можно раньше приступить к практической работе по установлению подлинного мира в Европе». Но было ясно, что Гитлер решил, что теперь он должен завладеть инициативой, и его язык иногда становился властным. «Германия,? писал он,? заключила перемирие в 1918 году на основе Четырнадцати пунктов Вильсона. Сама демилитаризованная зона возникла лишь вследствие предшествующих нарушений обязательств, которые также были обязательными для союзников. Немецкое правительство отвергает все предложения, которые в одностороннем порядке навязываются Германии и, следовательно, являются дискриминационными». По мере того как я просматривал английский текст, его передавали вперед, листок за листком, машинистке на машинку, которая была закреплена в передней части этого летающего кабинета. Лобовой ветер был слишком силен, чтобы можно было лететь с полным комфортом. Бумаги часто соскальзывали с моего импровизированного стола, и хорошо было, что пишущую машинку прочно закрепили. Но хорошо известно, что тот, кто занят делом, не страдает от морской болезни, и наше миниатюрное бюро переводов работало без неприятностей с желудком, пока мы не достигли сравнительно спокойного участка над Северным морем.

Тем временем я приступил к просмотру второй 58 части нашего документа, конкретным мирным предложениям Германии. Они состояли из 19 пунктов: «Равенство прав», «Отсутствие наращивания военных сил в Рейнской области», «Войска не должны подводиться к бельгийским и французским границам ближе, чем в настоящее время», «Контроль со стороны британских и итальянских военных атташе», «25-летний пакт о ненападении и безопасности между Францией, Бельгией и Германией», «Включение Нидерландов», «Воспитание молодежи в Германии и Франции», «Подготовка Германии к повторному вступлению в Лигу Наций», «Равенство статуса в колониальных вопросах», «Освобождение Лиги от всякой связи с Версальским договором», «Практические меры по предотвращению гонки вооружений».

Я не успел закончить перевод к тому времени, как мы приземлились, но, к моему облегчению, Иден не смог увидеться с нами до утра следующего дня. Это дало мне время для просмотра и перевода гитлеровских предложений по разоружению в его мирном плане. Таковыми являлись: «Запрещение применения

газа, яда и зажигательных бомб», «Запрещение бомбардировки открытой местности», «Запрещение бомбардировки открытой местности дальнобойными орудиями», «Отмена применения танков», «Отмена использования тяжелой артиллерии».

Документ, который я перевел в полете между Берлином и Лондоном, несомненно, производил впечатление и содержал некоторые интересные предложения. Он показался мне также более конкретным и точным, чем те документы, исходившие от Гитлера, к которым я привык. Однако в нем не было ни слова о вопросе, который подняли державы Локарнского договора? Англия, Франция, Италия и Бельгия. Иден заговорил об этом с Риббентропом сразу же после нашего обсуждения: «(Четыре державы) требуют, чтобы немецкое правительство подало на рассмотрение в Постоянную Палату Международного Правосудия в Гааге вопрос о том, можно ли пакт о взаимопомощи между Францией и Россией привести в соответствие с Локарнским договором и чтобы оно приняло на себя обязательство признать окончательным решение этого Суда».

Ничего не было сказано и о военных укреплениях в Рейнской области? вопрос, постоянно поднимавшийся Иденом в предыдущих дискуссиях.

Беседы, состоявшиеся между Иденом и Риббентропом, не дали результатов. Риббентроп особенно злился из-за того, что не смог предотвратить ненавистные переговоры штабов между Англией, Францией и Бельгией. «Контакты между Главными штабами наших двух государств,? писал Иден 1 апреля в официальной ноте французскому послу,? будут упрочиваться и поддерживаться». Именно утром того дня Риббентроп вручил ему мирный план.

Несколько дней спустя мы летели обратно в Германию, не выполнив нашей миссии. Всеобщее недоверие к гитлеровской тактике сюрпризов во внешнеполитических делах с самого начала заблокировало наше мирное наступление.

7 апреля французы подали контрпредложения, в которых еще раз проявились все шаблонные уловки Конференции по разоружению, такие как коллективная безопасность, и так далее. 7 мая сэр Эрик Фиппс, посол Великобритании в Берлине, подал знаменитый список вопросов, так взбесивший Гитлера, который всегда терпеть не мог никаких конкретных формулировок, что он оставил его без ответа. Таким образом, дипломатическая инициатива Германии зашла в тупик.

В британском перечне вопросов, после выражения сожаления по поводу того, что немецкое правительство не смогло внести какого-либо реального вклада в восстановление доверия,

имеющего такое большое значение для всесторонних переговоров, задавался вопрос: «Рассматривает ли себя теперь Германия как страну, имеющую право заключать истинные договоры? Разумеется, ясно, что переговоры по договору будут бесполезными, если одна из сторон чувствует себя в праве пренебрегать своими обязательствами на том основании, что эта сторона в свое время была не в состоянии заключать обязывающий договор». Далее в ноте говорилось: «На самом деле вопрос состоит в том, считает ли Германия сейчас, что был достигнут предел, при котором она может показать, что признает и собирается соблюдать существующий территориальный и политический статус Европы». Читая этот список вопросов, я осознал, что мы напрасно так лихорадочно работали в нашем самолете. В конце концов потерпела неудачу попытка Гитлера с помощью грандиозных обобщенных предложений отвлечь внимание от его совершенно бесполезного метода обращения со срочными, особыми вопросами? по крайней мере в том, что касалось министерств иностранных дел других держав.

* * *

Тем не менее отвлекающие маневры Гитлера имели временный успех в деле введения мирового общественного мнения в заблуждение. Я обратил на это особое внимание в августе 1936 года на Олимпийских играх, которые проходили в Берлине. Потребовалась бы целая книга, чтобы записать сотни бесед, на которых я переводил для Гитлера, Геринга, Геббельса и других руководителей, когда они разговаривали с важными иностранными представителями? королями, бесспорными наследниками династий, политиками, интеллигенцией и простыми людьми почти из всех стран мира.

В начале того года я работал так же много и сделал такие же наблюдения при подобном же плотном рабочем графике во время зимней Олимпиады в Гармише. Теперь, в августе, беспокойство, охватившее людей после ввода Германией войск в Рейнскую область, ослабло; угроза войны, казавшаяся неминуемой в марте, отступила, а со стороны Германии было произнесено много красноречивых доводов в пользу мира. Ни один из иностранных гостей, чьи слова я переводил, не мог удержаться от изъявлений радости по поводу того счастливого оборота, который, казалось, принимали события. Многие особо подчеркивали свое восхищение Гитлером и его мирными инициативами, а также достижениями национал-социалистской Германии. Те дни

показались мне апофеозом Гитлера и Третьего рейха. Во время бесед, которые обычно были довольно короткими, я отметил, что почти всегда иностранные гости смотрели на Гитлера с большим интересом, а нередко и с настоящим восхищением. Лишь изредка проскальзывал определенный скептицизм, как в разговоре Гитлера с лордом Ванситтартом. При той встрече он произнес в разговоре со мной фразу, о которой я часто думал во время войны и которая сейчас кажется мне особенно справедливой. «Следующая война,? сказал Ванситтарт,? не будет проходить в пределах государственных границ. Фронты разделят отдельные народы, потому что это будет война не наций, а идеологий».

Много писалось о грандиозных декорациях, на фоне которых Германия провела ту Олимпиаду. Это фантастическое шоу было проведено первоклассно, и те, кто видел его, будь они потом друзьями или врагами, навсегда его запомнили.

Как я уже говорил, мне пришлось участвовать в переводческом марафоне. В самом начале адъютант Геринга сказал адъютанту Гитлера: «Геринг склоняется к тому, чтобы пригласить Олимпийский комитет в Старый музей, только если заручится услугами старшего переводчика министерства иностранных дел». «Шмидт нужен самому Гитлеру, поэтому он не может работать с Герингом»,? последовал ответ. «Я дам Вам полицейскую машину, которая пройдет без задержек повсюду,? сказал Майснер, который всегда находил выход из положения.? Тогда Вы вовремя вернетесь в Канцелярию».

В одиннадцать часов я произнес в микрофон заключительные слова приветствия Олимпийскому комитету в Старом музее. Как только я оказался вне поля зрения этого торжественного собрания, так перешел на несолидную рысь, устремившись к полицейской машине, и добрался до Канцелярии, как раз когда последняя из иностранных делегаций, приглашенных на прием к Гитлеру, входила в его кабинет. Майснер был прав, я успел как раз вовремя.

Одним из многочисленных праздников был прием, который дал Риббентроп на своей вилле в Далеме. Но хозяин был в очень плохом настроении. В тот день его назначили послом в Лондоне, а не министром иностранных дел, что являлось большой целью его тщеславных устремлений. Теперь ненавистный Нейрат должен был остаться на своем посту в Берлине, а сам он в Лондоне, вдали от его Фюрера, и соперник мог бы украсть благосклонность Гитлера. Это злило его сверх всякой меры, и по этой причине, против всех правил международного этикета, он так долго не принимал назначение в Лондон, а затем наносил обиду англичанам своими частыми и продолжительными

отлучками из Лондона. В обычное время посол, который так пренебрегает своим долгом, потому что подобно разобиженной примадонне хотел получить другую роль, был бы быстро отозван. Но по какой-то необъяснимой причине в этом и других случаях Гитлер прощал Риббентропу серьезные нарушения дисциплины.

На следующий день я ехал с красочного вечернего приема в замке Шарлоттенбург на «Итальянскую ночь» на Павлиньем острове. Геббельс пригласил около ста человек, из которых более половины были иностранцы, на ужин на открытом воздухе. Над большим лугом в центре острова горели бесчисленные китайские фонарики. Ужин, танцы… и перевод. Речи после ужина, тосты и личные просьбы, вопросы: «О, герр Шмидт, помогите мне, я хотел бы поговорить с лордом Лондондерри», «Месье Шмидт, всего два слова с доктором Геббельсом», «Вы не знаете, где Геринг?» Один за другим. Я не охрип, так как не было недостатка в «подходящем лекарстве», чтобы смочить горло, но проспал два дня после того, как погасли олимпийские огни.

У меня сложилось впечатление, что я принимал участие в большом событии, объединяющем людей, а для переводчика это всегда очень приятное чувство. Я увидел большой талант вождей национал-социализма в организации постановок и убедился, каким мощным было воздействие этого поистине великолепного спектакля на международную публику, расположившуюся и в ложах, и на галереях. Лишь позднее я осознал, вместе с зачарованными зрителями, что мастерство постановки и мастерство в управлении государством разные вещи.

Не только по случаю этих празднеств замечал я острый интерес к Гитлеру и Герингу со стороны иностранных гостей, для которых я переводил. То же самое было и в частных разговорах. Лорд Лондондерри, бывший министр военно-воздушных сил Великобритании, был частым гостем Геринга, который нередко приглашал его поохотиться. Обычно он прилетал в Берлин с женой и дочерью на своем личном самолете и проводил в столице несколько дней. Впервые я переводил для него в феврале 1936 года и тогда же впервые побывал в знаменитом Каринхалле, загородном имении Геринга, в сорока милях севернее Берлина.

В то время Каринхалле был просто длинным бревенчатым домом в скандинавском стиле, где имелось только несколько комнат. Это был всего лишь очень комфортабельный охотничий домик, построенный из необтесанных бревен, но снабженный самым современным оборудованием для освещения, отопления и подачи воды,? комфортабельный дом вдали от шумной столицы в огромном лесу на берегу озера. В центральной части дома была длинная комната с грубым деревянным столом и массивными

деревянными стульями для нескольких человек. Сидя за этим столом, Лондондерри и Геринг обсуждали политическую ситуацию. Это был, конечно, не тот род дипломатической или политической дискуссии, с которыми я обычно имел дело, а скорее нечто вроде приятной беседы. Чаще обсуждались общие вопросы и личные мнения, чем конкретные проблемы. Большей частью эти беседы на самом деле касались охоты, для чего мне потребовалось освоить новую лексику, чтобы переводить разговор о зубрах, лосях и оленях. Второй большой темой были, естественно, вооруженные силы, о которых они говорили на техническом «жаргоне», так что моя работа в Комитете военно-воздушных сил на конференции по разоружению (квадратный корень лошадиной силы, помноженный на несущую поверхность крыла) а также мой опыт заинтересованного пассажира сослужили мне хорошую службу. Геринг часто был удивительно откровенен, когда гордо повествовал о самых последних достижениях Люфтваффе. Лорд Лондондерри часто ссылался на переговоры Гитлера с Саймоном, спрашивая, действительно ли в то время Германия достигла равенства военно-воздушных сил с Англией. Судя по настойчивости лорда Лондондерри в этом вопросе, было ясно, что, будучи министром военно-воздушных сил в то время, он не мог не испытывать большой тревоги по поводу заявления Гитлера о равенстве сил.

Когда обсуждались англо-германские отношения, Геринг с удивительным мастерством создавал впечатление, что Германия ничего больше не желает, кроме как быть в дружеских отношениях с Англией. «Если Германия и Англия будут держаться вместе,? не раз подчеркивал Геринг,? никакие альянсы в мире не смогут противостоять нам». Лондондерри высказывался более сдержанно. «Мы должны прежде всего создать отношения доверия в мире»,? несколько уклончиво отвечал он на геринговские заявления о державной политике. Но он тоже был приверженцем англо-германской дружбы. Не раз он отмечал тесное родство двух народов, многие общие черты, а значит, и благоприятные условия для общей политической деятельности. Слушая этого высокого, худощавого англичанина, слегка напоминавшего короля Швеции, наблюдая, как он порой медлит, подыскивая нужные слова, сразу же можно было понять, что этот человек искренне хочет взаимопонимания с Германией.

У Геринга, должно быть, тоже часто создавалось такое впечатление. В конце концов между этими двумя людьми возникло взаимное доверие, которому, естественно, способствовала деревенская атмосфера Каринхалле, трапезы по-семейному и долгие совместные прогулки.

Министр военно-воздушных сил Германии, премьер-министр Пруссии, шагал сквозь чащу в огромной охотничьей шляпе, кожаной куртке вроде камзола с широкими рукавами и со старинным германским копьем в руках в сопровождении английского лорда и его леди, а иногда и их дочери. Возле загона для бизонов он трубил в рог. При звуке рога все эти огромные животные подходили, и создавалось впечатление, что они знают Геринга лично. Но их маленькие глазки сердито поблескивали в то время, как они приближались, а рога упирались в загородку, едва не ломая ее. Властелин Шорфхайде громко смеялся, гордо поворачиваясь к своим английским гостям, которые, вежливо улыбаясь, смотрели этот любопытный спектакль. Очевидно, они не видели ничего подобного в Англии, и поведение и костюм хозяина их явно забавляли. Но в их смехе не было ни снисходительности, ни презрения. Им явно нравился этот человек в камзоле со странным копьем и почти ребяческим восторгом, который он и не делал попытки скрыть. Они смотрели на него с симпатией и пониманием, с которыми англичане обычно относятся к оригинальным, эксцентричным людям.

Несомненно, семья Лондондерри сознавала, что есть и другой Геринг, кроме этого жизнерадостного хозяина Карингхолла,? человек, который может действовать с сокрушительной энергией и жестокостью. Это проявлялось в различных замечаниях, которые высказывали порой мать и дочь во время трапез. «Наверное, довольно приятно жить на высших уровнях национал-социалистской Германии,? сказала мне однажды леди Лондондерри,? но горе бедному народу, который не принадлежит к высшим слоям общества». Она без колебаний высказывала такие же критические замечания и Герингу, который не пропускал их мимо ушей, как Гитлер, а обычно отвечал каким-нибудь остроумным замечанием. В целом, казалось, он достаточно хорошо понимает такое критическое отношение.

Эмми Геринг вполне справлялась со своей ролью хозяйки. Спокойная и скромная, она создавала атмосферу гостеприимства в лучшем смысле этого слова, временами укоризненно улыбаясь, когда ее Германа слишком заносило и он переходил на грубый язык. Сама она говорила очень мало, просто ненавязчиво внося свой вклад в приятную семейную атмосферу тех англо-германских бесед в Шорфхайде.

Во время этого февральского визита, первого из целого ряда встреч между Герингом и Лондондерри, последнего принял в Рейхсканцелярии Гитлер. Гитлер говорил о политической ситуации и англо-германских отношениях в точности, как Геринг, с тем исключением, что Геринг был более эмоционален и

прямолинеен, а следовательно, и более убедителен, Вне всякого сомнения, Геринг получил указания от Гитлера, В то время политика состояла в концентрации усилий на взаимопонимание с Великобританией. Гитлер как будто едва ли не преклонялся перед застенчивой Британией. Это было особенно заметно во время разговора с Лондондерри. «Как часто во время войны,? говорил он,? когда мы противостояли британским войскам, я говорил сам себе, что просто безумие сражаться против этих людей, которые вполне могли бы принадлежать к нашему народу! Это никогда не должно произойти снова».

Лондондерри слушал с дружеским и сочувственным интересом и искал верные фразы, чтобы выразить как можно более убедительно подобные же надежды. Красноречивые речи Гитлера насчет англо-германских отношений произвели на него заметное впечатление. Снова я отметил, какое сильное влияние на иностранных гостей оказывал Гитлер во время таких бесед.

Я переводил на целом ряде встреч с иностранцами, которые приезжали повидаться с Гитлером в течение этого 1936 года. Среди них были и французы, например Лабейри, директор Французского банка, и Бастид, министр торговли. Это были не очень важные встречи, но они подтвердили мое впечатление, что иностранные государства, в той степени, в какой их посланцы в Германию их представляли, смотрели на Гитлера в то время с чрезвычайно пристальным и отнюдь не недружелюбным интересом. «Гитлер произвел впечатление на Европу как исключительная личность. „Он внушает не только опасения, но и любопытство, а также завоевывает симпатии. Его репутация повышается. Сила притягательности, которой он обладает, выходит за пределы его страны. Короли, князья и всевозможные знаменитости приезжают в столицу, чтобы встретиться с этим выдающимся человеком, который, кажется, держит в своих руках судьбу континента, а также чтобы увидеть эту Германию, которая изменилась и укрепилась под его сокрушительным натиском“. Этими очень точными словами Франсуа-Понсе описал то, что я испытывал на всех встречах.

Одной из наиболее примечательных встреч была встреча Ллойда Джорджа и Гитлера в Оберзальцберге недалеко от Берхтесгадена в начале сентября. «Я чрезвычайно рад,? сказал Гитлер, идя с протянутой для пожатия рукой навстречу бывшему премьер-министру Великобритании,? приветствовать в моем доме человека, которого мы в Германии всегда считали настоящим победителем в мировой войне». Ллойд Джордж с улыбкой отрицательно махнул рукой, но мне показалось, что он испытывает некоторое удовлетворение от этого комплимента

бывшего ефрейтора немецкой армии. «А я считаю, мне посчастливилось,? с готовностью ответил Ллойд Джордж,? встретиться с человеком, который после поражения объединил весь немецкий народ и повел за собой к восстановлению». Глядя из большого окна на солнечный пейзаж Берхтесгадена, он сказал: «Какое замечательное здесь у вас место».

Мы сели за стол возле окна? Гитлер, Ллойд Джордж, Риббентроп и я. Риббентроп был похож на тень; в течение всего разговора он едва вымолвил одно слово.

Седые прямые волосы Ллойд Джорджа создавали резкий контраст с его молодым выразительным лицом и веселыми проницательными глазами. В его движениях также проявлялась почти юношеская гибкость, когда он оживлял беседу энергичными жестами рук, небольших, красивой формы. Победитель первой мировой войны! А напротив него сидел человек, который, как потом оказалось, был на верном пути к тому, чтобы свести на нет труды Ллойд Джорджа.

Это был один из лучших дней Гитлера. Посвежевший после пребывания в горах, слегка загоревший, явно радующийся признанию, которое означал этот визит всемирно известного государственного деятеля, он начал с воодушевлением говорить о своем опыте простого солдата на фронте. «Я часто сталкивался с англичанами»,? сказал он, перечисляя многие хорошо известные места на Западном фронте. Он похвалил английских солдат и углубился в подробности их оснащения и тактики. Ллойд Джордж оказался удивительно сведущим во всех этих вопросах. Он смог точно сказать Гитлеру, почему какое-либо отдельное наступление было предпринято в определенный день.

После продолжительного разговора на эту тему они стали обсуждать политические дела. «Союзы всегда опасны,? сказал Ллойд Джордж.? В последнюю войну они способствовали распространению враждебности, как пожар в прерии. Если бы не они, конфликт можно было бы локализовать». Сознательно или невольно, он в точности выразил мнение Гитлера о коллективной безопасности. Одним из любимых лозунгов Гитлера был: «Никаких многосторонних обязательств, только взаимные пакты о ненападении между соседями». Гитлер развил эту тему, как будто только и ждал сигнала, подробно рассказав о мирном плане, который я переводил в самолете по пути в Лондон в марте и который с тех пор был предан забвению. Ллойд Джордж воспользовался этой возможностью, чтобы выразиться очень определенно, хоть и в общих словах, об усилиях Германии по мирному урегулированию, которые, сказал он, «к сожалению были сорваны переговорами штабов». Преднамеренно или нет, но

он снова затронул любимую тему Гитлера.

Довольно резко Ллойд Джордж затем перевел разговор от политики к социальным мерам, «которыми Германия всегда отличалась. Национал-социализм начал в этой сфере проведение экспериментов, которые особенно интересуют Англию». «Это не эксперименты, а хорошо разработанные планы»,? возразил Гитлер, который подумал, что слово «эксперимент» подразумевает какую-то критику. Но Ллойд Джордж был далек от того, чтобы подразумевать что-либо подобное. С красноречивым энтузиазмом он говорил о мерах Германии по ликвидации безработицы, о медицинском страховании, благосостоянии общества и об отпусках. Он уже разузнал о многом из того, что делалось на трудовом фронте, и, казалось, увиденное произвело на него глубокое впечатление.

Гитлер был весьма очарован своим гостем. Впоследствии он постоянно ссылался на беседу «с великим английским государственным деятелем Ллойд Джорджем». Он настойчиво приглашал его посетить предстоящий съезд в Нюрнберге, но Ллойд Джордж очень категорично отказался. «Я приехал в Германию не ради политики,? сказал он.? Я хотел лишь изучить ваши социальные мероприятия и прежде всего ваше решение проблемы безработицы, которая является такой большой угрозой и в Англии тоже». Если бы он поехал в Нюрнберг, сказал он, это было бы неверно истолковано в Англии. Понадобилось некоторое время, чтобы беседа вошла в прежнее русло после охлаждения, вызванного этим замечанием.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда после почти трехчасовой беседы закончилась эта примечательная встреча. Старый победитель первой войны тепло попрощался с молодым диктатором. Они договорились, что на следующий день Ллойд Джордж придет на чай со своей дочерью Меган и сыном Гуилимом, которые приехали вместе с ним. «В Германию с ним приехала вся либеральная партия»,? злобно писали газеты в Англии.

Риббентроп оставался с Гитлером, пока я уходил с Ллойдом Джорджем. Он пребывал в самом добродушном настроении, спросив меня, где я находился во время войны. Я рассказал ему о моей службе в качестве артиллериста рядом с Реймсом и о первом значительном повороте событий, когда Фош начал контрнаступление в июле 1918 года. Он подробно расспросил меня, какие позиции мы оставили и какое воздействие на моральное состояние армии произвело контрнаступление союзников, дотошно экзаменуя меня.

Я осмелился задать ему несколько вопросов и попросил

подтвердить следующую историю. Бриан однажды рассказывал Штреземану в моем присутствии, что Ллойд Джордж поздравил его с особенно отважным поведением Бретонского полка из его родной провинции. «Вы знаете, мистер Ллойд Джордж,? ответил Бриан,? мы, бретонцы, с трудом приспосабливаемся к новым взаимоотношениям. Посему этим войскам перед боем сказали, что их противниками будут англичане, и поэтому они сражались так храбро». Ллойд Джордж от души рассмеялся и сказал: «Я помню это очень хорошо. Старик Бриан всегда был неисправимым шутником».

Я попросил его также подтвердить вторую историю, и он ответил: «Разумеется? если она такая же забавная». В мемуарах Клемансо я прочел, что на обеде в день заключения перемирия он и Ллойд Джордж обсуждали будущее Германии, и мнение Ллойд Джорджа совершенно расходилось с мнением Клемансо. «Что это с Вами?? удивленно спросил Клемансо.? Кажется, Вы совершенно изменились». «Да, разве Вы не слышали, что я стал прогерманцем?» Ллойд Джордж подтвердил и этот случай. Когда наша машина остановилась у отеля, его дочь шутя приветствовала отца нацистским приветствием «Хайль Гитлер!» При этом престарелый Ллойд Джордж посерьезнел и ответил со спокойной решимостью: «Разумеется, хайль Гитлер! Я тоже произношу эти слова, потому что он действительно великий человек».

В своей военной истории Черчилль пишет: «Никто не заблуждался так глубоко, как господин Ллойд Джордж, чьи восторженные отзывы о его беседах странно читать сегодня».

Глава третья
1937 г

«Период сюрпризов закончился. Теперь мир является нашей высочайшей целью»,? перевело наше бюро отрывок из речи Гитлера 30 января 1937 года. Я больше чем верил, что он считал это заявление серьезным.

В ходе его бесед с иностранцами, которые все еще происходили часто в течение 1937 года, я отметил, что Гитлер становился все более жестким в своем отношении к остальному миру. Частично это могло быть вызвано тем, что он достиг такой широкой известности, но, несомненно, он стал более бескомпромиссным и потому, что слабела антигитлеровская коалиция. Если на переговорах в Отрезе Муссолини занимал противоположную позицию вместе с Францией и Великобританией, то теперь, в результате Абиссинского конфликта, он попал в объятия Германии.

Я с живым интересом наблюдал со стороны за развитием конфликта с Абиссинией. Основываясь на своем женевском опыте, я не считал возможным, что вся Лига Наций выступит единым фронтом против Италии и попытается с помощью экономических санкций воспрепятствовать осуществлению ее плана агрессии. И все же в глубине души я надеялся, что Лиге это удастся, так как считал, что ничто не окажет более отрезвляющего воздействия на Гитлера, чем крушение планов Муссолини. В 1938 году, накануне Мюнхенской конференции, Муссолини признался, что Лига Наций почти преуспела в предотвращении нападения посредством коллективной защиты. «Если бы Лига Наций последовала совету Идена в абиссинском споре,? сказал он Гитлеру,? и распространила экономические санкции на нефть, мне пришлось бы убраться из Абиссинии через неделю. Это было бы для меня непредвиденным бедствием».

Весьма странно, что именно вследствие противодействия французского правительства, поборника коллективной безопасности, не были применены санкции по нефти. Лаваль не хотел открытого разрыва с Италией. Когда во время войны он неоднократно жаловался мне на трудности, причиненные Франции Италией, я смог при случае возразить довольно резонно; «Как неблагодарно со стороны Муссолини, премьер-министр, ведь Вы спасли ему жизнь в абиссинском споре. Он признал это в Мюнхене в моем присутствии». Всегда такой быстрый на ответ, Лаваль не смог парировать. Насколько иной могла бы быть

история, если бы Лиге Наций удалось призвать Муссолини к порядку!

Как и объявил Гитлер в своей речи в январе 1937 года, больше не было сюрпризов? в том году. Теперь, оглядываясь назад, можно назвать его годом спокойствия перед бурей. Тем не менее я был занят выполнением самых разных заданий. Коронация в Лондоне, Международная выставка в Париже, партийный съезд в Нюрнберге и государственный визит Муссолини в Германию? самые примечательные события. Но моя разнообразная программа включала в себя и следующее: встреча между Гитлером и бывшим лидером британской лейбористской партии, пожилым Ленсбери, в марте; беседы Геринга с Муссолини в Риме в апреле; визит герцога Виндзорского в Оберзальцберг; переговоры между Гитлером и лордом Галифаксом в Берхтесгадене и между Герингом и Галифаксом в Берлине; визиты Ага-хана, британского лидера фашистов сэра Освальда Мосли и потомка Конфуция, зятя Чан Кайши, министра финансов Кунга. Незадолго до дня рождения Гитлера я переводил беседу, которую он вел с Ленсбери. Всемирно известный борец за мир, «патриарх достойных чувств», как назвала его одна немецкая газета, развернул перед Гитлером план мирной конференции, которую должен был созвать президент Соединенных Штатов. Это была чисто личная инициатива Ленсбери и благонамеренных пацифистских кругов в Англии, и план обсуждался лишь в общих чертах и очень поверхностно. По красноречивому объяснению Ленсбери можно было судить, насколько он был увлечен этой идеей. Однако я заметил, что большей частью мысли Гитлера были далеко. Тогда впервые я увидел другого Гитлера? бледного от бессонницы, с почти серым, каким-то опухшим лицом, отсутствующее выражение которого ясно свидетельствовало о том, что он размышляет о другом. Лишь однажды он вник в то, что говорил Ленсбери, и сделал какое-то неопределенное, уклончивое замечание об участии Германии в мирной конференции или о мирной политике, которой он сам хотел бы следовать. Мне стало почти жалко старого джентльмена из Англии. Снова и снова он излагал свои пацифистские планы с большим энтузиазмом и настойчивостью. Казалось, он совсем не осознает отсутствия интереса со стороны Гитлера, будучи явно рад его репликам, какими бы туманными они ни были. Он откровенно смотрел на человека, который сидел перед ним, погрузившись в мечты, как на одного из пацифистов-идеалистов, которых он так часто встречал на международных встречах. Чем дольше продолжалась беседа, чем односложнее становились ответы Гитлера, тем более горячо относился Ленсбери к своей

теме. Наконец, Гитлер согласился, что будет присутствовать на мирной конференции и произнес слово «свобода» с соответствующим воодушевлением!

Фюрер довольно резко оборвал надоевший ему разговор. Едва ли можно было ожидать, что практикующий пацифист может произвести на него впечатление. Что показалось мне необычным, так это то, что Ленсбери покинул Канцелярию весьма удовлетворенным, а его заявление в прессе было полно уверенности в успехе. «Я возвращаюсь в Англию,? сказал он,? с убеждением, что катастрофы войны удастся избежать».

Несколько дней спустя я удивился, получив указание ехать в Рим на переговоры между Герингом и Муссолини. На следующее утро после нашего прибытия я отправился с Герингом в палаццо Киджи, итальянское министерство иностранных дел, на короткую встречу с графом Чиано. Основной темой беседы была гражданская война в Испании, затем на едином дыхании перешли к оказанию военной помощи Франко со стороны Италии и Германии.

После обеда вместе с Герингом я впервые вошел в знаменитый дворец Венеция. Небольшой лифт, предназначенный лишь для двоих, забрал Геринга и итальянского начальника протокольного отдела, chef de protocole, на второй этаж, так что мне пришлось поспешно подняться по исторической лестнице, шагая через две ступеньки, чтобы, запыхавшись, встретить своего начальника у двери лифта. Это представление мне потом пришлось повторять часто. Нас провели по коридорам, украшенным средневековыми доспехами и другими военными трофеями в зал Высшего фашистского совета, мрачную комнату средних размеров. Длинные столы и возвышение для Муссолини, а также стулья? все было обтянуто темно-синим бархатом. Мы прошли в приемную Муссолини, где нас приветствовал Чиано. Затем открылась дверь в столь часто описываемый кабинет итальянского диктатора. У меня создалось впечатление огромной, аскетически голой комнаты. На значительном расстоянии у стены напротив нас находилось несколько разрозненных предметов мебели и глобус. Комната с ее холодным мраморным полом и серыми стенами поразила меня своим непривлекательным, недружелюбным и неприветливым видом.

Когда мы вошли, в дальнем конце комнаты поднялся какой-то человек, и, приглядевшись, я увидел длинный гладкий стол и несколько простых стульев в венецианском стиле. Это был Муссолини, который шел через всю комнату нам навстречу. Он поднял руку в фашистском приветствии, обменялся рукопожатием с Герингом и дружелюбно кивнул мне.

Отличительной чертой его кабинета была обнаженность. Здесь было несколько книг, но нигде никаких бумаг.

Мы сели? Муссолини за своим письменным столом, а я и Геринг напротив него на стульях для посетителей. Чиано, которому его тесть не уделил много внимания, устроился на стуле рядом с нами. Положение в Испании обсуждалось в первую очередь. Различными техническими подробностями обменивались в некоторой степени осторожно, обе стороны притворялись, даже друг перед другом, что немцы и итальянцы, сражавшиеся на стороне Франко, добровольцы, не имеющие официального отношения к правительству. В ходе беседы Геринг стал откровеннее, с явным удовлетворением приводя подробности того, как в начале гражданской войны в Испании марокканские войска Франко были переброшены в Испанию с помощью немецких транспортных самолетов «Юнкерс 52». «Франко должен быть нам за это благодарен,? сказал Геринг, задумчиво добавив:? Надеюсь, он потом об этом вспомнит».

Оба ожесточенно критиковали испанскую стратегию и тактику, хотя храбрость испанцев, в том числе и противников Франко, так называемых «красных», полностью признавали и Геринг, и Муссолини. Оба пренебрежительно отзывались о военном снаряжении, поставляемом республиканцам Россией, особенно о самолетах, и были полностью уверены в их собственном превосходстве над Красной Армией.

Они перешли к обсуждению общей политической ситуации в Европе, и Муссолини воспользовался сильными выражениями, осуждая Лигу Наций и политику санкций, которую проводили Англия и Франция. Слушая его, никто никогда и не подумал бы, что всего два года тому назад в Стрезе он вместе с Англией и Францией осудил введение воинской повинности в Германии или что лишь годом ранее послал итальянские дивизии на пограничный пункт Бреннер, когда в Австрии был убит Дольфус во время национал-социалистского путча. Времена изменились, и само обсуждение австрийского вопроса показало, как основательно изменилась позиция самого Муссолини. Геринг был очень откровенен в этом вопросе, прямо сказав Муссолини, что аншлюс произойдет и что это событие ближайшего будущего.

Муссолини, который хорошо говорил по-немецки, внимательно слушал Геринга, но, очевидно, не смог понять это высказывание, потому что только после моего перевода энергично покачал головой. Это был единственный знак несогласия с его стороны в тот день? как раз за год до того, как аншлюс Австрии стал фактом. Его молчание было явным свидетельством того, что хоть он и продолжал относиться к аншлюсу со смешанным

чувством, он сознавал, что это произойдет. Я, разумеется, не знал, какие указания дал Гитлер Герингу насчет Рима, но на основании разговора с Муссолини у меня сложилось впечатление, что основной целью визита было прощупать отношение итальянцев к вопросу об аншлюсе.

Я был скорее заинтересован, чем удивлен, увидев, насколько далеко Муссолини уже отошел от западных держав и как он теперь разделял взгляды Германии на основные вопросы европейской политики. Этот человек с коротким коренастым телом, очень прямым, выразительным взглядом и скупыми жестами высказывал свое мнение с лаконичной латинской ясностью. Когда он проницательно смотрел на меня и Геринга своими большими карими глазами, я чувствовал, что это политик, отнюдь не питающий иллюзий на свой счет, трезвомыслящий, прозаичный римлянин, стоящий обеими ногами на земле, который точно знает, чего хочет. В беседах, которые впоследствии имели место между ним и Гитлером, меня всегда поражало ясное, четкое и реалистичное построение фраз Муссолини по контрасту с размытыми обобщениями Гитлера. В этом состояло большое различие между двумя диктаторами? во всяком случае, пока Муссолини мог принимать в Италии более или менее самостоятельные решения. По мере того как итальянец все больше оказывался в положении вассала Гитлера, он становился все более молчаливым. Когда я оглядываюсь назад, вспоминая постепенное изменение в его поведении на протяжении множества бесед, я склонен думать, что Муссолини осознал раньше многих других, куда приведет их этот путь, и, разумеется, предвидел зловещее зарево катастрофы задолго до своего немецкого соратника. Но к тому времени он уже потерял свободу действий.

* * *

Еще одна быстрая смена декораций для меня. Из скудно обставленного кабинета итальянского диктатора в палаццо Венеция я несколько дней спустя полетел домой по воздушной оси Рим? Берлин, чтобы сразу же снова отправиться в полет по гораздо более знакомому воздушному пути в Лондон на торжества по случаю коронации короля Георга VI. В Лондоне мне предстояло переводить во время политических бесед для министра обороны фон Бломберга? главы немецкой делегации. Третий рейх еще надеялся на соглашение Берлин? Лондон, хотя зазор между двумя столицами увеличивался в той же пропорции,

в какой сужался между Римом и Берлином.

На следующее утро после прибытия в Лондон я был разбужен в семь часов утра военным оркестром, проходившим мимо немецкого посольства. Моя комната выходила на улицу Мэлл, по которой должна была пройти коронационная процессия. С восьми часов утра эта комната с террасой перед ней уже не была моей. Посол фон Риббентроп позаботился о размещении всей немецкой колонии в комнатах посольства, и у меня собралось множество приглашенных. Но даже при этом у меня был отличный вид на процессию.

Первым ехал лорд-мэр Лондона в стеклянной карете. Это традиционное средство передвижения, казалось, взято прямо из сказок братьев Гримм? мне хотелось протереть глаза, чтобы убедиться, что я не сплю. Члены королевской семьи, каждый с эскортом в роскошной форме, замыкали процессию. Уже издали была видна медленно приближавшаяся золотая королевская карета, в которую запрягли восемь лошадей серой масти. В этой карете находилась королевская чета. На фоне пышного зрелища, насчитывавшего столетия, король и королева, символы величайшей в мире империи, произвели на меня незабываемое впечатление. Я не мог не завидовать тому, что обычный англичанин воспринимает как должное эту манифестацию мощи Британского Содружества. В этом не было ничего экстравагантного или преувеличенного. Одобрительные возгласы не были истерическими, а возникали естественно и спонтанно из глубины души простого человека. Здесь церемониальные костюмы не казались неуместными. Они явно имели неразрывную связь со старинной традицией.

Риббентроп пригласил нескольких видных членов партии в Лондон на коронацию, и мне была интересна их реакция. Зрелище не заслужило их одобрения, в основном потому, что было слишком «историческим». «Мы, национал-социалисты, делаем такие вещи гораздо лучше,? сказал мне один из партийцев.? Мы обходимся безо всякой этой традиционной чепухи и идолопоклонства. Среди нас не так много седоголовых. Мы отдаем предпочтение юности и современной униформе в виде коричневой рубашки, а не возрасту и исторической традиции». В свете того памятного события Британия показалась мне покореженным непогодой дубом, сучковатым и искривленным, но еще жизнеспособным. Наши национал-социалистские шествия представали в сравнении яркими оранжерейными растениями, красивыми соцветиями, выращенными с помощью всевозможных ухищрений современного садоводства, в стойкости которых можно было сильно сомневаться. На следующий день после

коронации я сопровождал нашего министра обороны фон Бломберга на встречу с премьер-министром господином Болдуином на Даунинг-стрит, 10, где я впервые побывал со Штреземаном в 1924 году. Казалось, ничто здесь не изменилось, и сам Болдуин производил такое впечатление, будто уже давно составляет часть этого дома. Невысокий, крепкого сложения человек, похожий на английского бульдога, сидел, покуривая трубку, за письменным столом. Из всего, что он говорил, я вынес впечатление, что он высказывал тщательно взвешенное мнение, которого придерживался давно. Каждое его движение выражало непоколебимое спокойствие и самоуверенность.

Мы уже знали, что вскоре его должен был заменить канцлер Казначейства Невилл Чемберлен, и нам было также известно, что Болдуин никогда особо не интересовался вопросами внешней политики. При таких обстоятельствах вряд ли что-нибудь могло быть сказано об отношениях между Германией и Англией. Обе стороны ограничились выражением пожелания, чтобы существующие трудности были преодолены. Бломберг указал, что позиция британской прессы вызывает большое недовольство в национал-социалистских кругах Германии, не выразив, впрочем, никаких особых пожеланий на этот счет. Болдуин ограничился ответом, который часто потом получал Гитлер и другие немцы, которые жаловались на британскую прессу: «Англия страна свободной прессы, и британское правительство не имеет возможности влиять на газеты».

Во второй половине дня я отправился к Невилу Чемберлену? который в следующем году должен был сыграть такую важную роль в Мюнхенском кризисе. Разница между ним и Болдуином была поразительной. По сравнению с почти флегматичным Болдуином Чемберлен казался? для англичанина? чуть ли не оживленным. Он не был человеком неколебимых, устоявшихся мнений. Явно интересовался развитием последних событий в Германии и расспрашивал о различных подробностях административной системы Третьего рейха. Хоть и выражал он свой интерес с определенной сдержанностью, его желание установить дружеские отношения между Германией и Англией было более чем очевидным. Несомненно, он был сдержан, но к сдержанности его, разумеется, обязывал и тот факт, что официально он был еще лишь канцлером Казначейства, т. е. министром финансов. Это был немного больше, чем визит вежливости.

Вместе с Бломбергом я нанес также краткий визит Идену в министерство иностранных дел. Иден вел себя очень сдержанно, я приписал это тому, что англичанин предпочел бы, чтобы

Германию на коронации представлял министр иностранных дел Нейрат. Мне рассказывали, что на такое пожелание намекнули, но Риббентроп был полон решимости подтвердить свою роль политического представителя Германии и, следовательно, преуспел в интригах, не допустив, чтобы министра иностранных дел послали в Великобританию по этому случаю.

* * *

После возвращения я был чрезвычайно занят в Германии. Фон Нейрат, как Штреземан и Куртиус в предыдущие годы, направлял меня переводчиком к другим видным деятелям, в том числе к членам кабинета министров и главным фигурам Третьего рейха.

Мне довелось переводить также и для Геббельса на официальных пресс-конференциях и в личных беседах. В этих случаях он вел себя, как волк в исключительно хорошо подогнанной овечьей шкуре.

Один очевидец рассказывал мне, что перед его самоубийством в 1945 году, когда национал-социалистский рейх лежал вокруг него в руинах, он сдернул маску и сказал своим самым преданным коллегам: «Вот видите, что вы получили, работая на нас. Теперь вы погибнете, а весь немецкий народ получит то, чего заслуживает». Но в те первые годы, когда я переводил на встречах Геббельса с иностранными гостями, он неизменно оставался образованным интеллектуалом, любезным, хорошо воспитанным и улыбающимся? полная противоположность разъяренному демагогу, каким он часто оказывался в своих речах по радио и выступлениях на предвыборных митингах. Может быть, контраст был слишком велик, чтобы произвести на его иностранных гостей впечатление, запоминающееся надолго. Единственным, кого ему не удалось обмануть, был будущий премьер-министр Франции Поль Рейно. Однажды я переводил на их встрече в Берлине, и было ясно, что, при всем своем умении, Геббельс встретил равного себе в этом проницательном и умном французе.

Одним из многих заданий, быстро следовавших одно за другим, было присутствие на Нюрнбергском партийном съезде в качестве переводчика при многочисленных высокопоставленных иностранных гостях. Не впервые я выполнял такую работу, а это было ответственным делом. Отель, где меня поселили, был полон английских и французских приглашенных, которые не скрывали своего восторженного отношения к Гитлеру.

Одной из моих обязанностей было ехать в открытой машине в

нескольких метрах от машины Гитлера вместе с самыми известными французскими и английскими гостями в день проезда Гитлера и его эскорта по Нюрнбергу. Несомненно, это была триумфальная процессия. Огромная толпа, в экстазе приветствующая Гитлера, производила ошеломляющее впечатление. При виде Гитлера на всем его пути неисчислимые тысячи людей словно оказывались охваченными массовым психозом. Они приветствовали его восторженно, вытягивая руки с криком «Хайль!» Вести машину среди этого безумного ликования было физически тяжело. Чувствовалось, что нужно держать себя в руках, чтобы не поддаться всеобщему восторгу. К счастью, мне приходилось отвлекаться на перевод, и внимание рассеивалось, но я видел, что англичане и французы растрогались до слез при виде таких сцен, и даже некоторые искушенные иностранные журналисты были потрясены до глубины души.

По окончании процессии Гитлер с несколькими партийными вождями устроил банкет для иностранцев. После выматывающих утренних впечатлений едва ли кто-то из гостей был способен вести разумную беседу»

На Нюрнбергском партийном съезде, впервые созванном в 1937 году, дипломатический корпус был представлен в полном составе. Присутствовали послы Франции и Великобритании, а также поверенный в делах (а не посол) США. Послов Аргентины, Бразилии, Чили, Китая, Франции, Великобритании, Италии, Японии, Польши, Испании и Турции доставили в Нюрнберг двумя длинными поездами, составленными из спальных вагонов, а в другом поезде следовали министры меньших стран, а также поверенные в делах США, Южной Африки, Чехословакии, Литвы, Афганистана и Ирана.

В один из дней на Нюрнбергской неделе Гитлер имел обыкновение давать прием в Дойче Хоф, где мне обычно приходилось переводить его речь на французский язык. Франсуа-Понсе, который отлично говорил по-немецки, отвечал как старший посол и редко упускал случай вставить одно из своих знаменитых остроумных замечаний, которыми прославился в дипломатических кругах Берлина. «Вы так хорошо говорите,? однажды сказал ему Гитлер,? что я хотел бы, чтобы Вы были у меня государственным спикером». «Я бы охотно согласился на этот пост, но только как чрезвычайный спикер»,? с готовностью ответил Франсуа-Понсе, намекая на широко распространенное в третьем рейхе маниакальное пристрастие к «z.b. V».? обозначению чрезвычайных послов, чрезвычайных уполномоченных и т. д. В связи с происходившими событиями Франсуа-Понсе тоже смог внести серьезную ноту. «Самый лучшим

лавровым венком,? с медлительностью подчеркивая слова, сказал он год спустя, когда Судет-ский кризис угрожал войной,? всегда будет тот, который можно сплести так, чтобы ни одна мать не пролила слез».

* * *

Моим следующим значительным политическим заданием был государственный визит Муссолини в Германию? тщательно разработанная и поставленная демонстрация все возрастающей солидарности двух стран. Вместе с германским почетным эскортом на небольшой пограничной немецкой станции 25 сентября я ждал прибытия специального поезда Муссолини и Чиано. Тогда впервые мне довелось путешествовать в одном из знаменитых специальных поездов, которые Гитлер и Муссолини использовали для своих политических поездок. В итальянском поезде было десять больших салонов, спальные вагоны и вагоны-рестораны, а для нас были прицеплены два спальных вагона Митропа. Муссолини и Чиано сердечно приветствовали меня, потому что я был одним из немногих со стороны Германии, кого они уже знали. Я выделялся среди окружающих, так как единственный во всем поезде был в штатском. И немцы, и итальянцы? все были в роскошных мундирах, расшитых золотом и серебром. Беседы между итальянскими гостями и немецким комитетом по приемам, куда входили рейхсминистры Гесс и Франк, не отличались большой сердечностью. В качающемся вагоне Муссолини немцы и итальянцы довольствовались обменом кислыми улыбками, в то время как члены почетного эскорта старались, как туристические гиды, обратить их внимание даже на самые мелкие и незначительные подробности пейзажа, чтобы создать какую-то видимость разговора. В Мюнхене пытка подошла к концу.

На Центральном вокзале, совершенно преображенном праздничными флагами и гирляндами, Гитлер стоял в окружении многочисленных сопровождающих, где все без исключения были в мундирах. Он протянул обе руки к Муссолини, стоявшему у окна вагона. Музыка оркестров, раскаты барабанной дроби и возгласы «Хайль!» и «Дуче!» перекатывались эхом под сводами вокзала; шум и крики не прекращались, пока мы продвигались к выходу по красной ковровой дорожке, расстеленной прямо через центральный зал. Переводить мне не пришлось не только потому, что Муссолини отлично говорил по-немецки, но и потому, что никто не услышал бы друг друга в том грохоте.

Во время нашего проезда по оцепленным улицам я заметил явную разницу по сравнению с проездом кортежа по Мюнхену несколькими днями ранее. Приветствия публики были весьма прохладными? никто здесь не растрогался до слез. «Во всем этом виноват начальник полиции!»? слышал я, как кричал немного позже Гитлер на своих помощников.

Переговоры двух диктаторов, проходившие в пятикомнатных апартаментах Гитлера, были первыми за пять лет после их последней встречи в Венеции. Так как они говорили по-немецки, у меня было предостаточно возможности наблюдать и сравнивать их. В Гитлере мало что совпадало с общепринятым представлением о типичном немце. Когда он приходил в возбуждение, многократно использованная в карикатурах прядь черных волос падала на узкий лоб, придавая ему неряшливый богемный вид. Я заметил его крупный нос и неприметный рот с маленькими усиками. Голос у него был хрипловатый и часто грубый, когда он выкрикивал мне или Муссолини свои сентенции, раскатывая «р». Иногда глаза его вдруг загорались, а потом так же внезапно тускнели, как будто в припадке безумия.

Сидевший напротив Муссолини относился к совсем другому типу. Крепко сбитая фигура, колышущаяся от бедер, когда он говорил; его патрицианская голова могла бы быть слепком с голов древних римлян, с мощным лбом и широкой квадратной челюстью, выдающейся вперед под большим ртом. Его лицо было гораздо более живым и выразительным, чем у Гитлера, когда он принимался метать громы и молнии в адрес большевиков и Лиги Наций. Возмущение, презрение, решимость и хитрость попеременно отражались на его чрезвычайно подвижном лице, и он обладал актерскими способностями, что свойственно латинским народам. При особенно красноречивых пассажах его блестящие темные глаза, казалось, чуть не выкатывались из орбит. Он никогда не говорил лишних слов, и все его высказывания можно было бы сразу печатать. Интересна была и разница в их смехе. В смехе Гитлера всегда чувствовались насмешка и сарказм, проявлялись следы былых разочарований и подавленных амбиций, тогда как Муссолини смеялся открыто и чистосердечно, что свидетельствовало о наличии у него чувства юмора. Беседа началась с забавной, на мой взгляд, церемонии? Муссолини назначил Гитлера почетным капралом фашистской милицейской гвардии.

Сам разговор длился всего лишь чуть больше часа и касался скорее общих, чем отдельных тем, как было потом в дальнейших беседах. Гитлер рассуждал пространно и неопределенно, тогда как Муссолини говорил коротко и ясно, однако не выдавая ничего

секретного.

Из этой беседы вытекало, что обе страны были вполне единодушны в дружеском отношении к Японии, наиболее возможной опоре Франко, и в презрении к западным демократическим государствам Великобритании и Франции. Фактически это была единственная политическая беседа Гитлера и Муссолини в течение всего визита. «Праздничная программа» едва ли оставила хоть один спокойный момент для действительно серьезной дискуссии. Парады в Мюнхене, маневры в Мекленбурге, посещение заводов Круппа в Эссене и другие мероприятия такого же рода следовали одно за другим без перерыва.

Я путешествовал по всей Германии с Муссолини в его специальном поезде. Гитлер всегда провожал его на вокзале, потом отъезжал вслед на своем специальном новом поезде, обгоняя нас по пути, чтобы снова встретить гостя в месте назначения, совсем как в сказке о соревновании между зайцем и черепахой.

Несомненно, самой великолепной церемонией визита Муссолини в Германию был его триумфальный въезд в Берлин. Поезд Гитлера неожиданно расположился вдоль поезда Муссолини на параллельном пути станции Шпандау-Вест и находился на одном уровне с нашим? шедевр вождения поездов. Каждый из тяжелых поездов тащили два локомотива, и позднее я узнал, что машинисты несколько дней отрабатывали этот маневр. Так в течение четверти часа поезда шли бок о бок, и мы могли с удобством вести беседу с теми, кто находился в другом поезде. Прямо перед станцией Хеерштрассе немецкий поезд начал почти неощутимо набирать скорость и достиг вокзальной платформы на несколько секунд раньше нашего итальянского поезда. Железнодорожники так тщательно все рассчитали, что Гитлер успел пройти несколько шагов вдоль платформы и протянуть руку Муссолини в тот момент, когда остановился поезд последнего.

Позднее, когда мы ехали по Берлину, моя машина заслужила особые овации, потому что я единственный среди присутствовавших немцев и итальянцев был в штатском, и моя шляпа привлекла особое внимание. Берлинцы любят шутку? им хотелось громко выразить одобрение, и они были рады, что я невольно предоставил им такую возможность. На следующий день были парады, банкеты, посещение Каринхалле, а вечером большой митинг на Олимпийском стадионе. «Италия, фашистская Италия, не принимает участия в унижении нашего народа»,? сказал Гитлер массам. Эта речь транслировалась для «115

миллионов граждан наших двух стран, которые с глубоким волнением наблюдают за этим историческим событием». Он говорил об «общности не только мнений, но и действий. Германия снова стала мировой державой. Мощь наших двух наций составляет… самую прочную гарантию сохранения цивилизованной Европы, верной своей культурной миссии и вооруженной против разрушительных сил». Внезапный ливень обрушился на «один миллион людей», собравшихся на стадионе и вокруг него, когда Муссолини подошел к микрофону. «Ось Берлин? Рим сформировалась в 1935 году и в течение двух последних лет великолепно работала для еще более тесного сотрудничества наших двух народов и для мира в Европе»,? сказал он. «Мой визит не следует расценивать по тем же стандартам, по которым судят об обычных дипломатических или политических визитах. Я не собираюсь отправиться завтра куда-то еще» (явный намек на поездку Идена от Гитлера к Сталину). «Самые великие и подлинно демократические государства, которые сегодня известны миру, это Германия и Италия». Несмотря на проливной дождь, обратно машины шли все так же с откинутым верхом? по этому поводу были даны специальные указания.

Когда все было позади, буря другого рода разразилась в Канцелярии над моей невинной головой.

Я, с моей «плутократической» шляпой и макинтошем, привлек неблагосклонное внимание Гитлера как единственный штатский среди официальных представителей «Оси», облаченных в мундиры. Этот факт он отметил, увидев тем вечером фотографии прессы, сделанные в Мюнхене. Мой костюм не причинял мне никаких неудобств, и я давно уже привык к намекам членов партии вроде: «Вы похожи на президента республики» или к саркастическим замечаниям кадровых офицеров на маневрах: «Если Вы выглядите в точности, как джентльмен в штатском, то обнаружьте приближающиеся танки», или: «Вы похожи на владельца поля боя, оценивающего нанесенный его земле ущерб». Но теперь мне, наконец, сказали, что мой костюм «невозможен» и с этих пор я должен появляться в форме, когда перевожу для Гитлера в присутствии публики. Гитлер снабдил меня мундиром СС, а Геринг? униформой военно-воздушных сил.

Некоторое время спустя смущенный директор по личному составу министерства военно-воздушных сил спросил меня: «О чем только думал фельдмаршал, когда давал Вам униформу военно-воздушных сил? Официально это не разрешается». Однако на ближайшем большом представлении, каковым явился

ответный визит Гитлера в Италию, я не надел ни один из этих мундиров, а выглядел скорее, как адмирал, в новой темно-синей форме министерства иностранных дел, сшитой специально для такого случая. И в самом деле, когда итальянцы видели меня, то кричали: «А вот идет Amiranti!».

Как я и ожидал, программа визита Муссолини в Германию не оставила времени для серьезной политической дискуссии. Не было составлено даже официальное завершающее коммюнике, и только в тостах, которыми обменивались Гитлер и Муссолини на банкетах в Канцелярии, затрагивались серьезные вопросы. Гитлер говорил о том, что общая политическая цель связывает Италию и Германию искренней дружбой, добавив, что они должны «бороться за прочный мир и всеобщее международное взаимопонимание». Муссолини ответил: «Немецко-итальянская солидарность является солидарностью живой и активной… Италия и Германия готовы работать вместе со всеми другими народами… Они неуязвимы для любых попыток разлучить их».

Днем 29 сентября я отъехал от станции Лертер в поезде Муссолини. Гитлер проводил дуче. Закончились напряженные дни этой первой «беседы держав „Оси“.

* * *

Как только я вернулся в Берлин в начале октября, меня вызвали переводить по случаю визита герцога и герцогини Виндзорских к Герингу в Каринхалле. В то время они знакомились с нашей социальной системой.

Каринхалле был значительно расширен со времени посещения лорда Лондондерри. Геринг с ребяческой гордостью показывал герцогу и герцогине весь дом, в том числе свой гимнастический зал в подвальном помещении со сложным массажным аппаратом. Со всеми орденами, звякавшими на мундире, он втиснул свое щедро скроенное природой тело между двумя роликами, чтобы показать улыбающейся герцогине, как они работают. Просторный чердак был полностью занят большой моделью железной дороги на радость одному из племянников Геринга. Геринг включил электричество, и скоро двое мужчин были полностью поглощены занимательной игрушкой. В конце Геринг запустил игрушечный аэроплан, прикрепленный к проволоке и летавший через всю комнату. Пролетая над железной дорогой, он бросил несколько маленьких деревянных бомб. Потом за чаем мне не пришлось переводить для герцога, который довольно хорошо говорил по-немецки, но по ходу дела я давал

пояснения герцогине.

Два дня спустя Гитлер принял Виндзоров в Оберзальцберге. Герцог выразил восхищение промышленными достижениями, которые он видел, особенно на заводах Крупна в Эссене. Социальный прогресс в Германии был основной темой разговора между Гитлером и Виндзорами на протяжении дня. Очевидно, Гитлер сделал над собой усилие, чтобы быть любезным с герцогом, которого он считал другом Германии, особенно памятуя о речи, произнесенной герцогом несколькими годами ранее, в которой тот протянул руку дружбы немецким ассоциациям бывших военных. В этих беседах, насколько я понял, ничто не указывало на то, что герцог Виндзорский действительно симпатизирует идеологии и практике Третьего рейха, как казалось Гитлеру. За исключением нескольких одобрительных слов о мерах, принимаемых Германией в области социального благосостояния, герцог не обсуждал политические вопросы. Он был искренен и дружелюбен с Гитлером и выказывал светский шарм, которым славился во всем мире. Герцогиня лишь изредка присоединялась к беседе, и то с большой сдержанностью, когда возникал какой-либо социальный вопрос, представлявший особый интерес для женщины. Она была просто и подобающе случаю одета и произвела на Гитлера большое впечатление. «Она была бы хорошей королевой»,? сказал он, когда гости уехали.

Моим следующим заданием был перевод во время широко освещавшегося в прессе визита лорда Галифакса. Считалось, что это всего лишь частный визит и что лорд Галифакс прибыл на международную охотничью выставку, старательно организованную Герингом. Берлинцы сразу же прозвали гостя «лорд Галалифакс» («Галали»? Halali? немецкий эквивалент охотничьего клича «ату»!). На самом деле поездка Галифакса являлась составной частью тех усилий, которые предпринимал Чемберлен, чтобы установить хорошие или, по крайней мере, терпимые отношения с Германией. Галифаксу поручили разузнать, как относятся к этому Геринг и Гитлер. Проведя несколько дней в Берлине, вечером 18 ноября он уехал в Берхтесгаден с Нейратом и со мной, а на следующий день у него состоялась довольно продолжительная беседа с Гитлером.

Гитлер с дружеской улыбкой встретил его на ступеньках у входа, показал весь дом, после чего мы расположились за непривычно низким столом в его кабинете. «Я не привез из Лондона никаких новых предложений,? была первая фраза Галифакса.? Я в основном приехал, чтобы выяснить, каковы взгляды правительства Германии на существующую политическую обстановку, и посмотреть, какие могут быть

возможности для поиска решения».

Это было опасное напоминание о списке вопросов Идена, который когда-то так рассердил Гитлера, и он реагировал соответственно. Пока я переводил слова Галифакса, он сердито хмурился, и я подумал, что он надуется и откажется говорить. Но Гитлеру было трудно долго сидеть молча. Поэтому, несмотря на досаду, он пустился в длинные рассуждения и представил пожелания Германии в виде весьма категоричных требований. Этот сердитый Гитлер очень отличался от того спокойного, дружелюбного Канцлера, с которым говорили Саймон и Иден два года тому назад. Он уже не прощупывал осторожно свой путь, как в 1935 году, а явно уверовал в свои силы и в слабость других людей.

Он начал с горьких жалоб на британскую прессу, которая, как он выразился, попыталась торпедировать визит Галифакса, публикуя домыслы о требованиях Германии. Галифакс, к еще большему недовольству Гитлера, прибегнул в ответ к стереотипному оправданию насчет свободы британской прессы. Затем Гитлер стал говорить об отношениях Германии с Юго-Восточной Европой. Тесный союз между Австрией и рейхом был абсолютно необходим, и народ Австрии стремился к этому с 1919 года. Нельзя было больше допускать и притеснения судетских немцев со стороны чехов. И наконец, Германия должна иметь возможность свободно расширять свои экономические связи с Юго-Восточной и Западной Европой, так как эти регионы составляли естественное дополнение немецкой экономики. Германия была главным европейским импортером продукции из этих стран. «Западные державы постоянно ставят на моем пути преграды в Юго-Восточной Европе!? выкрикнул Гитлер.? И мне приписываются политические амбиции, которых у меня никогда не было».

Галифакс заметил, что Англия готова рассматривать любое решение при условии, что оно не базируется на силе. «Это же относится и к Австрии»,? многозначительно добавил он.

Гитлер снова пришел в возбуждение. Вопрос о применении силы в случае Австрии не может возникнуть, совершенно очевидны пожелания народов. Затем он перешел к Данцигу и Польскому коридору. И здесь Галифакс снова заявил, что готов обсуждать любое решение, не предполагающее применение силы. Гитлер постоянно подчеркивал стремление Германии к миру, и я чувствовал, что на Галифакса произвело впечатление то, как он обосновывал потребность Германии в мире для программы ее внутреннего развития. Однако в целом эта встреча не была благоприятной. Едва ли можно было представить больший

контраст между двумя людьми. Галифакс, глубоко религиозный представитель йоркширской знати, восторженный приверженец мира, и Гитлер, своевольный и бескомпромиссный по характеру, а теперь еще более утвердившийся в этих склонностях своей натуры благодаря недавним успехам и уже явно проявившейся слабости его противников.

Когда разговор коснулся основополагающих идей, оба они оказались на совершенно противоположных позициях. Расовые теории Гитлера оказались так же чужды Галифаксу, как и религиозные концепции последнего насчет любви к ближнему? Гитлеру. Впоследствии он иногда вскользь говорил о нем как об «английском проповеднике». Когда около полудня беседа закончилась, у меня появилось чувство, что битва за мир проиграна. Нейрат тоже был задумчив.

Разговор за обедом не принес ничего нового, хотя Гитлер подавил свое раздражение и снова был любезным и приветливым хозяином, которого я так хорошо знал. Галифакс не выказывал признаков волнения или разочарования. Он все время оставался типичным спокойным, флегматичным англичанином и попрощался с Гитлером, не проявляя никакой досады.

Мы вернулись в Берлин ночным поездом, и на следующее утро я поехал на машине в Каринхалле по указанию Гитлера, чтобы дать Герингу отчет о встрече в Берхтесгадене до прибытия Галифакса. Я не скрывал, насколько плохо идут дела, и выразил опасение, что Галифакс вернется в Англию с очень плохим мнением о шансах достижения соглашения с Германией. Геринг выслушал меня очень внимательно, но не сделал никаких комментариев.

Из беседы Геринга с Галифаксом во второй половине того же дня я понял, что он, должно быть, получил от Гитлера четкие инструкции. Он касался тех же самых вопросов, что и Гитлер, но с неизмеримо большей дипломатичностью. Он оставался очень спокойным, даже в вопросе об Австрии, и обсуждал все темы так, будто решения, которые ищет Германия, неизбежны и неоспоримы. «Ни при каких обстоятельствах мы не применим силу»,? успокаивающе говорил он. По этому вопросу он, казалось, тоже получил намек то ли от Гитлера, то ли от Нейрата, потому что добавил: «В этом не будет никакой надобности».

Все можно было бы вполне хорошо уладить путем переговоров. Из последующих разговоров я понял, что фактически это было глубокое внутреннее убеждение Геринга, и оно постоянно проявлялось в его разговорах с Галифаксом. Мы знаем из дневника Чемберлена, что Галифакс вернулся с благоприятными впечатлениями, и я убежден, что это было в

основном обусловлено его беседой с Герингом в Каринхалле.

Гитлер сдержал слово в 1937 году? сюрпризов не было. Но он провел подготовку? и военную, и политическую? для грядущих событий. За этим годом мира последовал год, когда Германия находилась на волосок от мировой войны.

Глава четвертая
1938 г

Уже с самого начала 1938 года стало ясно, несмотря на то, что сказал Гитлер в 1937 году, что период сюрпризов еще не закончился. Сначала в феврале возник внутриполитический кризис, в ходе которого Нейрат был смещен и заменен Риббентропом в министерстве иностранных дел. Затем ввод немецких войск в Австрию и, наконец, Чешский кризис в сентябре, когда в течение многих дней Европа стояла на краю пропасти под угрозой войны.

Государственный визит Гитлера к Муссолини в первой половине мая среди всех этих бурь показался передышкой, словно бабье лето в преддверии зимы, напомнив мне торжества 1936 и 1937 годов. Муссолини в моем присутствии пригласил Гитлера нанести этот визит, находясь под впечатлением от великолепно организованного приема, оказанного ему в Германии. То, что это приглашение было бы таким сердечным, если бы аншлюс являлся уже свершившимся фактом, казалось мне сомнительным ввиду того, как категорично Муссолини покачал головой, когда Геринг прощупывал его по этому вопросу в апреле 1937 года. С тех пор при мне эта тема больше не упоминалась в беседах с Муссолини.

Только перед самым вводом войск в Австрию Гитлер послал принца Филиппа Гесского, зятя короля Италии, с письмом к итальянскому диктатору, в котором излагал мотивы своего поступка. «Бледный, но решительный принц Гесский отбыл рано утром самолетом на встречу с Муссолини»,? стало затем почти рутинной шуткой в министерстве иностранных дел, когда бы Гитлер ни направлял посланца сообщить Муссолини в последний момент о каком-либо новом потрясающем действии, о котором он принял решение. Однажды я был отозван из отпуска, потому что бюро переводов не успевало закончить перевод на итальянский, чтобы Муссолини как можно быстрее получил документ. В конце концов для таких срочных случаев мне пришлось найти годного к полетам переводчика с итальянского, который мог бы переводить письма Гитлера во время полета, как я сам переводил его мирный план между Берлином и Лондоном.

Несмотря на намек Геринга, Муссолини был некоторым образом удивлен, но проглотил «свершившийся факт» аншлюса с хорошей миной и уверил Гитлера, что понимает необходимость этого шага. «Дуче, я никогда не забуду этого»,? телеграфировал Гитлер в ответ. И держал свое слово до 1945 года. Если кто-

нибудь из его окружения хотя бы вскользь высказывался против Муссолини лично, Гитлер всегда упоминал о его поведении по поводу аншлюса. Из этого я сделал вывод, что Гитлер рассматривал «возвращение Австрии домой» в рейх как большой риск в его внешней политике. Только облегчение, которое принесло ему то, что Италия не изменила своего отношения к Германии, может, по-моему, объяснить его неизменную благодарность. Более тесные отношения между Италией и Англией, установившиеся после аншлюса, показали, что Гитлер был прав в своих опасениях, что Италия может отвернуться от Германии в сторону европейского антинацистского фронта. Это сближение в такой степени поощрялось Чемберленом, что Иден в знак протеста подал в отставку и был заменен Галифаксом. 16 апреля это привело к целому ряду соглашений между двумя странами, важнейшим из которых являлось признание Великобританией аннексии Абиссинии. Теперь нам известно, что вскоре после бурной встречи Гитлера с австрийским канцлером Шушнигом Чиано рассказывал лорду Перту (британскому послу в Риме), что он дал указание Гранди (итальянскому послу в Лондоне) ускорить начало переговоров в предвидении «возможных будущих событий».

Таким был «второй» план немецкого государственного визита в Италию, полностью скрытый от широкой публики.

Все работники министерства иностранных дел, включенные в делегацию, проводили много времени у портных, примеряя свою «адмиральскую» униформу, фасон которой был одобрен фрау фон Риббентроп. В действительности эта униформа выглядела не более помпезно, чем традиционная форма, которую носили французские или британские дипломаты в официальной обстановке. Но в республиканской Германии мы, официальные лица министерства иностранных дел, как и американцы, привыкли носить смокинги.

В этой униформе я и отправился 2 мая в Италию вместе с Гитлером и Риббентропом. Наша делегация, состоявшая примерно из пятисот человек, путешествовала в трех специальных поездах. В этом «вторжении в Италию», как некоторые из нас его называли, приняли участие половина членов правительства, большинство партийных лидеров, известные журналисты, жены министров, включая фрау фон Риббентроп. У каждого из нас было купе, в котором висели наготове несколько униформ. Кроме моего «адмиральского» обмундирования, я взял с собой полную форму военно-воздушных сил на случай, если придется работать только для одного Геринга.

Начальник по протоколу заранее расписал нам, какой костюм следует надевать в определенный час дня. На протяжении всего путешествия от одного итальянского города до другого нам приходилось постоянно менять форму на гражданскую одежду, потом на смокинги, затем на другую униформу с саблей или кинжалом в зависимости от ситуации, так что наши купе походили на актерские гримуборные. Самым изнурительным было надевание и стаскивание тяжелых сапог для верховой езды. «Никогда не думал, что придется путешествовать по Италии в гардеробе»,? заметил один из моих коллег. «Вы неправильно надели ремень»,? сказал один из адъютантов Гитлера, на которого я наткнулся на платформе.

На каждой украшенной станции вплоть до Лейпцига, где нас застала ночь, нас приветствовали толпы, восторженно кричавшие «Хайль!»

Цветы и знамена приветствовали нас и на станции Бреннер, где платформа была покрыта ковром, вдоль края которого выстроились формирования итальянской армии и фашистской партии. Пока наш поезд замедлял ход, звучали национальные гимны, и герцог Пистойя, представитель короля Италии, в сопровождении большой делегации в роскошных мундирах подошел к поезду, чтобы встретить нас. Во время нашего путешествия по Южному Тиролю жители приходили на станции посмотреть на нас, но вели себя довольно спокойно. Не было фашистских приветствий, и едва ли можно было заметить взмах одинокого носового платка или какое-либо другое приветствие. Эти великолепные немцы Южного Тироля выглядели задумчивыми и серьезными. Мне казалось, на их лицах я читаю беспокойный вопрос: «Не собираетесь ли вы предать нас в Риме?» Когда мы подъехали к Больцано, атмосфера отрешенной меланхолии вдруг развеялась, и на всем остатке пути до Рима нас приветствовали с безудержным энтузиазмом.

В Рим приехали вечером. Король Виктор Эммануил и Муссолини с главами государства и партии и сопровождающие их лица встретили нас на железнодорожном вокзале, специально построенном для этого случая. В город мы въехали в карете, запряженной четверкой лошадей, и я подумал, когда нас встречал принц Колонна, губернатор Рима, возле древних городских ворот: «Теперь я сам сижу в сказочной карете, которой так восхищался в прошлом году на коронации в Лондоне». Мимо огромных фонтанов с иллюминацией мы двинулись древним триумфальным путем римлян. Муссолини расширил его, чтобы получилась настоящая Виа Триумфалис вдоль подножия Палатинского холма. До самой арки императора Константина

бесчисленные огни освещали дорогу так ярко, что было светло как днем. По обе стороны дороги в специальных металлических контейнерах сверкало пламя, ярко освещавшее пилоны, стяги и радостные толпы людей. Гитлер должен был расположиться в «Ройял Паласе». Мы, младшие, к счастью, смогли сойти со сцены и разместиться в «Гранд Отеле», где итальянское гостеприимство простиралось до такой степени, что во всех комнатах поставили замечательные корзины с фруктами и бутылки граппы.

Программа, представлявшая редкое сочетание хорошего вкуса и роскоши, не разочаровала нас. В Неаполе состоялся морской парад, где с крейсера «Юлий Цезарь» я видел, как одновременно сотня подводных лодок[5] погрузилась в воду и через несколько минут с точностью часового механизма дала залп. Я пользовался свободой, чтобы насладиться зрелищем, так как Гитлер, Муссолини, король и наиболее важные персоны находились на крейсере «Кавур».

Торжественное представление «Аиды» в театре Сан-Карло в тот вечер казалось почти скучным и обыденным, а музыка Верди серой и слабой по сравнению с фантастическими сценами, бравурными звуками и красками предыдущих дней.

Лишь один человек был не рад этому вечеру? несчастный начальник протокольной службы фон Бюлов-Шванте. Этот неудачник рекомендовал Гитлеру присутствовать на вечере без головного убора в вечернем костюме, чтобы пройти мимо почетного караула при выходе из театра, тогда как король Италии великолепно выглядел в полной униформе. Гитлер был вне себя, и Бюлов-Шванте лишился работы.

На этой неделе дворцовых приемов, официальных банкетов и других церемониальных мероприятий, следовавших непрерывной чередой, мне пришлось переводить сравнительно мало. Хотя мы привезли с собой двоих специалистов по итальянскому языку, праздничная программа практически не оставляла времени для настоящих дискуссий или переговоров. Я уже заметил это во время визита Муссолини в Германию, и позднее у меня сложилось впечатление, что это было характерно для всех встреч диктаторов. Главной трудностью для меня и всех остальных была постоянная смена униформы. К концу поездки любой из нас мог бы получить работу в каком-нибудь среднего уровня мюзик-холле в качестве артиста жанра быстрого переодевания. Очень изнурительной была также необходимость по десять-двенадцать часов в день сохранять подобающее случаю торжественное, величественное или радостное выражение лица. При прохождении помпезных процессий по густонаселенным итальянским городам мы находились перед глазами

внимательной публики, а на приемах элита критически поглядывала на «варваров с севера».

Основной причиной, почему для меня как для переводчика наступила легкая пора, было то, что Муссолини и граф Чиано явно старались избежать любой серьезной политической дискуссии? хотя Гитлер и особенно Риббентроп постоянно стремились к ней. Программа была специально построена таким образом, что не осталось времени для серьезной беседы, но даже во время различных светских встреч, на которых Гитлер и Риббентроп были всегда готовы для дискуссий, Муссолини и Чиано вполне явно давали понять, что сами они не готовы. Это впечатление подтвердилось, оставив позади все сомнения, когда мы передали Чиано договор об итало-германском союзе? несмотря на все красивые речи, мы еще не стали официальными союзниками. Гитлер, несомненно, рассматривал этот договор как жизненно необходимый для своих планов безоговорочно привязать к себе Италию. Несколько дней спустя Чиано передал нам «проект договора с поправками». Этот документ оказался совершенно бессмысленным, а пустота его приравнивалась к полному отказу. В краткой беседе у Риббентропа с Чиано был на этот счет ожесточенный спор? гротескный контраст тому, что представлялось миру на публичных подмостках. Основными чертами характера Риббентропа были настойчивость и упрямство, с помощью которых он и пытался пробить себе дорогу. Впоследствии я часто наблюдал, как долго он придерживается этой линии поведения, без оглядки на тактичность или вежливость, что доводило противоположную сторону до полного изнеможения. Он испробовал эту тактику на Чиано, но безуспешно. «Солидарность, существующая между нашими двумя правительствами,? сказал Чиано с улыбкой, показавшейся мне саркастической,? в течение этих дней была выказана так явно, что формальный договор о союзе является излишним». В то время я сделал из этих слов вывод, что итальянцы, несомненно, переживали потрясение от австрийского аншлюса и в особенности от гитлеровских методов его осуществления и что взоры их все еще были устремлены на Запад. Но внешне, однако, это никак не проявлялось.

«Моим неколебимым желанием и завещанием немецкому народу является то, что граница в виде Альп, возведенная самой природой, провидением и историей между нами и Италией, будет рассматриваться как навеки нерушимая»,? сказал Гитлер, обращаясь к Муссолини, поднимая тост на официальном банкете. Он также без сомнения заметил, что австрийская афера все еще вызывает неловкость, и хотел этой гарантией нерушимости

границы ослабить беспокойство итальянцев, которые с марта имели могущественную Германию в качестве непосредственного соседа. Это был единственный политический результат в вихре празднеств.

* * *

21 мая я переводил на бурной встрече Риббентропа и сэра Невила Гендерсона, на которой обсуждался чехословацкий вопрос. «Вы действовали за моей спиной, посол, и спрашивали генерала Кейтеля о передвижениях немецких войск близ чехословацкой границы,? яростно обращался Риббентроп к Гендерсону, который сидел напротив него в историческом кабинете Бисмарка на Вильгельмштрассе.? Я постараюсь, чтобы в будущем Вы не получали никакой информации о военных делах». «Я доложу об этом моему правительству,? ответил Гендерсон с необычной теплотой.? Из Вашего замечания я могу лишь сделать вывод, что заявление, которое сделал мне генерал Кейтель, было неверным».

Причина такого волнения заключалась в возрастающем напряжении в Судетской области, для которой проживавшие там немцы требовали автономии в составе Чехословакии. Ситуация на территории Судет ухудшалась день ото дня, инцидентов становилось все больше, они должным образом эксплуатировались и преувеличивались немецкой прессой. За границей ходило много слухов, что германские войска скапливаются на чехословацкой границе, готовые войти на территорию Судет, как это было сделано в марте в Австрии. На самом деле такие слухи были или чистейшей выдумкой, или распространялись самими чехами по политическим причинам. Гендерсон спросил об этом Кейтеля и получил резко отрицательный ответ.

Уже давно между Кейтелем и Риббентропом существовала сильная личная антипатия, и это, естественно, способствовало раздражению Риббентропа против Гендерсона. Кроме того, Риббентроп вообще недолюбливал англичан с того времени, как был послом в Лондоне, где не раз получал отпор в ответ на свое наглое поведение. Теперь он срывал злость на Гендерсоне, который был утонченным англичанином старой школы и порой терялся, сталкиваясь с грубостью нашего министра иностранных дел.

Риббентроп исходил злостью из-за чехов. Когда по поводу смерти двух судетских немцев Гендерсон успокаивающе заметил,

что было бы хуже, если бы сотни тысяч людей погибли на войне, Риббентроп театрально заявил, что каждый немец готов умереть за свою страну. Эти реплики с обеих сторон в той беседе говорят гораздо больше, чем длинное описание о царившей атмосфере напряженности и раздражения.

Гендерсон зашел даже настолько далеко, что высказал совершенно неприкрытое предупреждение. Он напомнил Риббентропу, что Франция имеет обязательства перед Чехословакией. «Британское правительство,? сказал он,? не может гарантировать, что не вступит в конфликт, который может разразиться».

«Если в результате начнется всеобщая война, со значением ответил Риббентроп,? это будет агрессивная война, спровоцированная Францией, и Германия будет сражаться, как сражалась в 1914 году».

В тот день, 21 мая, Гендерсон дважды виделся с Риббентропом и каждый раз говорил одинаково напористо, в действительности почти угрожающе. В следующее воскресенье он передал специальное личное предупреждение Галифакса, который привлек внимание к опасности какой-либо поспешности, которая легко могла бы привести ко всеобщей войне, способной повлечь за собой разрушение европейской цивилизации.

Судя по всему, англичане привлекли очень тяжелую артиллерию. В то время это было весьма неуместно. Я знал из надежного источника, что на самом деле не было ни слова правды в обвинениях против Германии. Когда я услышал, как британский посол с такой горячностью обращается к Риббентропу, я поверил, что он убежден в том, что Гитлер готовит удар против Чехословакии и что этим объясняется возбуждение Риббентропа. Из мемуаров Гендерсона мы теперь знаем, что британский военный атташе и его помощник после проведения усиленных расследований в Саксонии и Силезии доложили, что нет никаких признаков необычных перемещений войск и что другие военные атташе пришли к такому же выводу. Я до сих пор не понимаю, почему при этих обстоятельствах он встал на позицию силы. Из бесчисленного количества других примеров я знаю, что он не был агитатором и, конечно, всегда старался разъяснить разногласия и сохранить мир. Я могу только предположить, что с самого начала разговора его смутили именно нападки Риббентропа. Более того, я замечал и до и после, что способ Гендерсона излагать идеи своего правительства в типичной манере западноевропейских дипломатов и все его поведение, отличавшее безупречного английского джентльмена, всегда раздражали и Гитлера, и Риббентропа, которые терпеть не

могли «утонченных людей». Насколько я могу припомнить, только раз Гитлер проявил открытость и дружелюбие по отношению к Гендерсону. Это было в 1937 году на партийном съезде, когда Гитлер предположил, что присутствие дипломатического корпуса во всей его мощи, особенно представителей великих держав, было обеспечено благодаря британскому послу. Во всех остальных случаях при виде Гендерсона у Гитлера, казалось, возникало чувство антагонизма.

Этот антагонизм особенно поразил меня во время беседы в Канцелярии в начале марта 1938 года, в ходе которой Гендерсон сделал от имени своего правительства очень важное замечание относительно колониального вопроса. Если бы оно получило развитие, Германия обрела бы колониальные территории в Центральной Африке. Предложение состояло в том, чтобы объединить европейские владения в Центральной Африке, а затем распределить их заново; Германия при этом получала свою долю. И снова именно манера изложения послом этого проекта вызвала сильное раздражение у Гитлера.

Вместо того чтобы выступить с сенсационным заявлением, что Германии предлагают территории в Центральной Африке в качестве колоний, Гендерсон начал с ряда оговорок. Он сказал, что британское правительство еще не обсуждало его предложение во всех подробностях с правительствами тех стран, которых это касается, и не достигло каких-либо определенных соглашений в этом плане, поэтому данный шаг является совершенно неофициальным. Как посол Великобритании он хотел удостовериться, какой будет реакция немецкого правительства. Усугубляя ситуацию, он упомянул также, что передача колониальных территорий предполагает некоторые условия. Например, спросил, будет ли немецкое правительство придерживаться условий Соглашения по Конго относительно запрещения военного обучения туземцев, строительства фортификационных сооружений, а также соблюдения определенных гуманитарных принципов в обращении с туземцами.

Когда Гендерсон закончил свое весьма пространное изложение, Гитлер не выказал ни малейшего интереса, сказав, что нет никакой спешки в колониальном вопросе. Но его досада проявилась во взволнованных ответах на другие замечания Гендерсона. Австрийский вопрос остро стоял в то время? всего несколько дней спустя германские войска вошли в Австрию, а судетская проблема активно дебатировалась в немецкой прессе. Гендерсон выразил отношение британского правительства, как и Галифакс позднее, сказав, что по обоим вопросам возможны

изменения, но только если они произойдут мирным путем.

В ответной речи Гитлер дал выход своей ярости, но не обрушился лично на Гендерсона, как сделал это Риббентроп 21 мая в уже приводившемся разговоре. Он раздраженно заявил, что лишь небольшой процент австрийцев поддерживает Шушнига, и если Англия вмешается в «семейные немецкие дела», которые ее не касаются, то Германия будет сражаться. Гитлер пространно и с большим негодованием углубился в эту тему о «вмешательстве Англии в дела, которые ее не касаются». Он употребил особенно жесткие выражения в своих высказываниях против прессы и религиозных кругов Англии за их вмешательство в диспут немецкой церкви. Продолжая говорить, он приходил во все большее волнение, как будто долго сдерживаемая неприязнь к Англии вдруг хлынула, словно прорвавшись сквозь шлюзы. Касаясь судетского вопроса, он особенно яростно обрушился на чехословацко-советский договор, выпалив, что европейские страны совершили преступление, пустив Россию в Центральную Европу.

Имея все это в виду, я вполне мог представить себе, какой гнев вызвал у Гитлера отчет Риббентропа о его разговоре с британским послом 21 мая и о высказанном в ходе разговора предупреждении. После той встречи Риббентроп сразу же улетел в Мюнхен. На следующий день, в воскресенье 22 мая, было получено личное предупреждение Галифакса. Барометр определенно указывал на шторм.

Более того, учитывая предполагаемую концентрацию германских войск на границе, чехи произвели 20 мая частичную мобилизацию, и когда Германия ничего не предприняла, мировая пресса торжествующе заявила, что немецкий диктатор отступил. Достаточно лишь показать ему свое противостояние, как сделали это чехи, писали газеты, чтобы заставить его образумиться. И нарочно нельзя было придумать лучшего способа привести Гитлера в бешенство. Открыто обвинить диктатора в слабости? это меньше всего могло бы заставить его образумиться, особенно если, как в том случае, дело касалось чистого вымысла. Последствия не замедлили сказаться.

Летом моя переводческая активность резко пошла на убыль. Тон немецкой прессы в отношении Чехословакии становился все более яростным. Я дважды работал с Герингом? в форме военно-воздушных сил, потому что речь шла о чисто военно-воздушных делах. Первый случай представился, когда приехал с визитом Бальбо, итальянский министр авиации, второй по случаю приезда генерала Вюилемена, возглавлявшего французские военно-воздушные силы, который прибыл в Германию с группой

французских летчиков по приглашению Геринга. Из-за моей униформы итальянцы всегда обращались ко мне как к «Colonello» (полковник). Французские офицеры произвели очень хорошее впечатление на всех немцев, с которыми встречались, и я отметил, какой большой эффект оказало на них состояние немецкого авиационного вооружения. Французы навестили Геринга в Каринхалле. «Что будет делать Франция,? спросил Геринг Вюилемена,? если между Германией и Чехословакией разразится война?» Вюилемен без промедления ответил: «Франция сдержит слово».

На обратном пути из Каринхалле, как написано в мемуарах Франсуа-Понсе, генерал сказал французскому послу: «Если, как Вы считаете, в конце сентября начнется война, то через две недели у Франции не останется ни одного самолета».

В начале сентября я снова находился при исполнении обязанностей на партийном съезде. Зарубежные страны были представлены еще больше, чем в предыдущем году. Посол Великобритании, который на последнем съезде пробыл в Нюрнберге лишь два дня, теперь оставался почти до конца, а среди британских гостей были лорды Стэмп, Клайв, Холленден, Брокет и Макгоуен, а также Норман Хальберт. Франция и другие страны были представлены не менее внушительно. В разговорах, которые мне довелось переводить, я уловил с каждым днем возраставшее напряжение, преобладавшее в Европе в сентябре 1938 года. Мне редко приходилось так много переводить о войне и угрозе войны, как в те дни. Примечательно, что одним из тех, кто рассматривал ситуацию с наибольшим беспокойством, был посол Испании, который открыто выражал свои опасения, что в случае войны французское правительство при поддержке испанских левых свергнет режим Франко.

Новости, приходившие в Нюрнберг из-за границы, также были тревожными. До сих пор у меня перед глазами взволнованные лица моих коллег, когда они принесли мне на перевод для Гитлера заявление британского правительства о том, что нападение Германии на Чехословакию будет основанием для вмешательства западных держав. Почти в то же время я переводил для Гитлера сообщение из Лондона, в котором утверждалось, что может случиться так, что Великобритания будет готова оказать военную помощь Чехословакии. Это было 11 сентября.

«Я могу лишь сказать представителям этих демократических государств, что если эти угнетенные существа (судетские немцы) не могут сами добиться справедливости и помощи, они получат и то и другое от нас!»? выкрикнул Гитлер в своей речи, полной

угроз в адрес Чехии, 12 сентября, в последний день партийного съезда. «Немцы в Чехословакии не беззащитны и не покинуты!»? донеслось до меня из громкоговорителя в аэропорту, когда я покидал Нюрнберг.

Угрозы Гитлера еще звучали у меня в ушах по пути в Берлин, где я нашел в глубоком унынии по поводу носившейся в воздухе угрозы войны не только министерство иностранных дел, но и своих друзей и знакомых. Я услышал немало резких слов в адрес Гитлера и узнал также о плане оппозиции арестовать его силами армии, как только он объявит о всеобщей мобилизации. 13 сентября напряжение стало почти невыносимым.

Утром 14 сентября события приняли драматический и сенсационный оборот. Я должен был перевести для Гитлера сообщение из семи строк: «Ввиду усиливающейся критической ситуации предлагаю немедленно нанести Вам визит, чтобы сделать попытку найти мирное решение. Я мог бы прилететь к Вам самолетом и готов отбыть завтра. Пожалуйста, сообщите мне о ближайшем времени, когда Вы можете принять меня, и о месте встречи. Я был бы благодарен за очень скорый ответ. Невилл Чемберлен».

В тот же вечер я отъезжал в Мюнхен в специальном поезде, без униформ, чувствуя, что на этот раз мне не придется выступать в качестве звезды в международном шоу, а нужно будет играть скромную, хоть и не незначительную роль в настоящей исторической драме. «Сохраняйте ясность ума,? сказал мне в поезде фон Вайцзеккер.? Завтра в Берхтесгадене будет решаться вопрос о войне и мире».

На следующий день я встречал Чемберлена в Мюнхенском аэропорту вместе с Риббентропом, которого Гитлер послал для этой цели. Выходя из самолета, Чемберлен сказал Риббентропу: «Я перенес полет очень хорошо, хотя на части пути была плохая погода, а я никогда раньше не летал на аэроплане».

Чемберлена сопровождали сэр Гораций Уилсон, ближайший советник премьер-министра по всем политическим вопросам, и сэр Уильям Странг, глава Центрально-европейского отдела министерства иностранных дел. Когда мы ехали в открытых автомобилях по Мюнхену к вокзалу, народ очень тепло приветствовал Чемберлена? гораздо теплее, как мне показалось, чем приветствовали Муссолини год тому назад.

Мы пообедали в вагоне-ресторане Гитлера по пути в Берхтесгаден. Эта сцена до сих пор жива в моей памяти. На протяжении почти всей трехчасовой поездки мимо проезжали армейские транспорты, с солдатами в новой форме, со стволами винтовок, нацеленными в небо, что создавало драматический

фон. «Посланец мира Чемберлен», как прозвали его потом в Германии, составлял любопытный контраст с этой воинственной картиной.

Когда мы подъезжали к Берхтесгадену, начался дождь, а когда направились вместе с Чемберленом в машине в Бергхоф, небо потемнело и облака закрыли горы. Гитлер принял гостей у подножия лестницы, ведущей вверх к дому. После приветствий, рукопожатий, представлений все мы расселись вокруг чайного стола в большой комнате с видом на гору Унтерсберг, в которой Гитлер принимал Ллойд Джорджа и герцога Виндзорского. Угрожающей была не только погода, в комнате ощущалась напряженность. Противники, а это были явно противники, примеривались друг к другу, прежде чем начать разговор, результат которого означал бы войну или мир.

После обычных замечаний о погоде Чемберлен задал вопрос, желает ли Гитлер говорить с ним наедине или хочет воспользоваться поддержкой своих советников. «Разумеется, герр Шмидт должен присутствовать как переводчик,? сказал Гитлер,? но как переводчик он нейтрален и не входит ни в какую группу». Я уже знал, что Чемберлен изъявит желание говорить с Гитлером наедине. С ведома Гитлера между англичанами и немцами заранее была достигнута такая договоренность за спиной Риббентропа. Обе стороны чувствовали, что наш министр окажется помехой в любой попытке достичь дружеской договоренности между Англией и Германией. Гитлер также заметил, что англичане нанесли рану тщеславию его бывшего посла в Лондоне. Поэтому он одобрил план исключить его участие, одобренный Гендерсоном и Вайцзеккером и поддержанный Герингом.

Так рассерженный Риббентроп остался на заднем плане, в то время как я прошел с Гитлером и Чемберленом в кабинет на первом этаже. Это была та же простая, почти лишенная мебели комната, в которой так не поладили год тому назад Гитлер и Галифакс. И теперь беседа, в которой тоже решался вопрос мира или войны, проходила отнюдь не в безмятежной обстановке и иногда становилась довольно бурной. Она продолжалась около трех часов. Так как только что закончился партийный съезд, Гитлер был явно настроен на продолжительные речи, и время от времени он так далеко заходил в своем гневе против Бенеша и Чехословакии, что его разглагольствования продолжались до бесконечности. Начал Гитлер довольно спокойно, представив полный список жалоб на соседей Германии, который он всегда выдвигал в первую очередь. Подробно обсудили Версальский договор, Лигу Наций и разоружение, а также экономические

трудности, безработицу и национал-социалистскую реконструкцию. Чемберлена в повышенном тоне упрекнули за позицию британской прессы, за «вмешательство» Великобритании в немецкие дела и в отношения рейха с Юго-Западной Европой, включая Австрию.

Чемберлен внимательно слушал, открыто глядя на Гитлера. Ничто в его лице с правильными, типично английскими чертами, с кустистыми бровями, заостренным носом и сильным ртом не выдавало, что происходило за его высоким лбом. Его брат, сэр Остин, сидевший напротив Штреземана в Локарно, всегда так выглядел, но в Невилле Чемберлене не было ничего от отрешенной холодности брата. Напротив, он живо реагировал на отдельные пункты, выдвинутые Гитлером, с дружеской, почти заговорщической улыбкой дав заготовленный ответ насчет свободы прессы. Затем, глядя Гитлеру прямо в лицо, он подчеркнул, что готов обсуждать любую возможность исправления несправедливостей в отношении Германии, но что при любых обстоятельствах использование силы следует исключить.

«Силы!? воскликнул Гитлер.? Кто говорит о силе? Герр Бенеш применяет силу к моим соотечественникам в Судетской области, герр Бенеш провел мобилизацию в мае, а не я». Снаружи лил дождь, завывал ветер. «Я больше этого не потерплю. Я решу этот вопрос тем или иным образом. Я возьму дело в свои руки!» Тогда впервые в разговоре с зарубежным государственным деятелем была использована фраза «тем или иным образом»? фраза, которая, как я заметил тогда и позднее, являлась сигналом крайней опасности. Я правильно перевел ее «тем или иным образом», но смысл ее теперь и в последующих случаях заключался вот в чем: «Или противоположная сторона соглашается и участвует, или решение будет найдено посредством применения силы, вторжения или войны».

Теперь Чемберлен, который до сих пор выслушивал все, что говорилось, с серьезным спокойствием, тоже пришел в волнение. «Если я Вас правильно понял,? сказал он,? Вы в любом случае готовы выступить против Чехословакии». После секундной паузы он добавил: «Если это так, то зачем Вы пригласили меня в Берхтесгаден? В таком случае мне лучше немедленно вернуться. Теперь что-либо иное кажется бессмысленным».

Гитлер заколебался. Если он действительно хочет довести дело до войны, подумал я, сейчас самый подходящий момент; и я посмотрел на него в мучительном напряжении. В тот момент вопрос о мире и войне действительно находился на лезвии бритвы. Но произошло нечто удивительное: Гитлер отступил.

«Если при рассмотрении судетского вопроса Вы готовы признать право народов на самоопределение,? сказал он в один из своих внезапных переходов от ярости к полному спокойствию и собранности,? то мы можем продолжить дискуссию, чтобы посмотреть, как этот принцип можно применить на практике».

Я подумал, что Чемберлен сразу же согласится. Принцип самоопределения всегда играл важную роль в английской политической мысли, и британская пресса и выдающиеся британские деятели, приезжавшие в Германию, в целом подтверждали, что этот принцип имеет отношение к судетскому вопросу. Но Чемберлен сразу же выдвинул возражение или потому, что его рассердила агрессивная манера Гитлера, или потому, что как практичный руководитель он осознал сложности в применении данного принципа к Чехословакии, трудно сказать.

«Если проводить плебисцит относительно применения права на самоопределение в Чехословакии среди судетских немцев, на практике возникнут огромные трудности»,? ответил он. Но даже тогда Гитлер не возмутился. Испугала ли его угроза Чемберлена вернуться домой? Действительно ли он отказался от перспективы ведения войны?

«Если я должен дать Вам ответ на вопрос о самоопределении,? сказал Чемберлен,? то мне нужно сначала проконсультироваться с моими коллегами. Следовательно, предлагаю на этом вопросе сделать перерыв в нашей беседе, чтобы я мог немедленно вернуться в Англию для консультаций, а затем снова встретиться с Вами». Когда я перевел эти слова насчет перерыва в дискуссии, Гитлер поднял глаза в тревоге, но когда понял, что Чемберлен собирается встретиться с ним снова, согласился с явным облегчением. Атмосфера вдруг снова стала дружеской, и Чемберлен сразу же воспользовался этой переменой, чтобы заручиться согласием Гитлера, что за этот промежуток времени против Чехословакии не будет предпринято никаких враждебных действий. Гитлер без колебаний дал такую гарантию, но добавил, что она потеряет силу, если произойдет какой-нибудь особенно ужасный инцидент.

Так окончилась эта дискуссия. После того как Гитлер сменил тактику, перспективы сохранения мира стали казаться более обнадеживающими. Вместе с англичанином я поехал на машине в отель Берхтесгадена, где мы поужинали и провели ночь.

Как всегда после таких дискуссий, тем же вечером я продиктовал отчет. Гендерсон постоянно наведывался в мой номер и спрашивал, как идут дела, потому что Чемберлен хотел получить документ по возможности в ту же ночь, чтобы подробно отчитаться перед своим правительством на следующий день. В

подобных случаях, само собой разумеется, я всегда давал второй стороне, участвовавшей в переговорах, копию отчета, если она этого хотела. Впервые я сделал это на Гаагской конференции 1929 года, когда передал Артуру Гендерсону английский перевод моего отчета о переговорах между министрами иностранных дел Германии, Франции, Великобритании и Бельгии. Меня всегда интересовали дополнения, которые пожелали бы сделать иностранцы? иногда чисто стилистического характера. Никто никогда не высказывал возражений по существу вопроса. Исправления, вносимые Гитлером и Риббентропом, обычно состояли в устранении некоторых абзацев их заявлений, но их корректировка также никогда не вносила никаких существенных изменений.

Но в тот вечер, кроме Гендерсона, в моем номере неожиданно появился рассерженный Риббентроп. «Вы все еще думаете, что находитесь в Женеве!? заявил он после того, как Гендерсон вышел из комнаты.? Тогда любые секретные документы свободно раздавались всем подряд. У нас в национал-социалистской Германии так не делается. Этот отчет предназначен только для одного фюрера. Пожалуйста, возьмите себе на заметку».

Теперь передо мной встала крайне неприятная задача сообщить Гендерсону и Чемберлену, что я не смогу дать им мой отчет. Я вспомнил, как Гитлер уже высказывал мнение в ходе других переговоров, что предоставление письменного отчета будет противоречить конфиденциальному характеру этих бесед. Само по себе это было логичным объяснением, но так как перед началом последней встречи ничего подобного не было сказано, для Чемберлена это было бы весьма неубедительным. В самом деле, он подчеркнуто выразил свое недовольство, заявив, что в таком случае на следующую встречу ему нужно будет привезти своего собственного переводчика или по крайней мере того, кто составит для него отчет. Впервые я оценил, каким знаком доверия было то, что никто из иностранцев, для которых я переводил, от Эррио и Бриана до Гендерсона, Макдональда и Лаваля, за все эти годы ни разу не привез своего переводчика, всегда пользовались моими услугами. Тем более я сожалел об этом досадном недоразумении, что понимал: это было сделано Риббентропом из чистой злобы в отместку за отстранение от участия в беседе с Чемберленом.

Впоследствии у меня постоянно возникали трудности с Риббентропом относительно передачи моих отчетов о таких беседах иностранцам. Даже Муссолини каждый раз приходилось выпрашивать мои отчеты. Дуче никогда не находил огрехов в моей работе? даже часто поздравлял меня с тем, как точно мне

удалось передать его слова.

На следующее утро мы поехали с Чемберленом на машине в Мюнхен, где он сел на самолет ровно через двадцать четыре часа после того, как приехал. В тот же вечер я вернулся в Берлин.

Чем больше я размышлял о жизненно важной беседе в Берхтесгадене и вспоминал, как Гитлер удержался от рокового шага, тем больше питал надежд. Однако в Берлине еще преобладали глубоко пессимистические настроения из-за печатавшихся в газетах историй о конфликтах между немцами и чехами на судетской территории. Геббельс день ото дня задавал прессе все более высокий тон. Он уже почти достиг предела негодующей брани, когда пять дней спустя ночным поездом я отъехал в Кельн. В полдень 22 сентября прибыл Чемберлен. Мы проводили его до его отеля на берегу Рейна, напротив Годесберга, и в тот же день состоялся его первый разговор с Гитлером в отеле «Дреезен» в Годесберге.

Гитлер встретил Чемберлена у входа в отель весьма дружескими расспросами о его путешествии и размещении в отеле «Петерсберг». Из конференц-зала открывался величественный вид на Рейн и Зибенгебирге. Но государственные деятели не обращали внимания на декорации природы и, не бросив ни одного взгляда из окна, расселись на конце длинного стола для совещаний. Памятуя об инциденте с моим отчетом, Чемберлен привез с собой сэра Айвона Киркпатрика, который теперь являлся специальным представителем Великобритании в Германии и отлично говорил по-немецки.

Чемберлен открыл заседание информацией о совещании в Лондоне с целью узнать мнение кабинета министров по вопросу о признании права Судетской области на самоопределение. С принципом самоопределения согласился кабинет, а также французские министры, прибывшие в Лондон по его приглашению. Даже чехословацкое правительство выразило свое согласие. Вместе с французами он выработал в Лондоне план, по которому территории, где живут судетские немцы, передаются Германии. В этом плане были предусмотрены даже подробности новой границы. В заключение он объявил о гарантиях, которые Франция и Великобритания собирались дать по новой германо-чехословацкой границе. Германия, со своей стороны, должна была заключить пакт о ненападении с Чехословакией.

После этого разъяснения Чемберлен откинулся на спинку стула с выражением удовлетворения на лице, как бы говоря: «Разве не великолепно я потрудился за эти пять дней?» У меня тоже сложилось такое впечатление, когда я услышал о соглашении с французами, а согласие Чехословакии отдать часть

своей территории показалось мне необычайной уступкой. Тем более я был удивлен, когда Гитлер спокойно заявил, почти сожалея, но вполне твердо: «Мне очень жаль, мистер Чемберлен, но я не могу больше обсуждать эти вопросы. После событий последних дней это решение уже не имеет практического смысла».

Чемберлен удивленно выпрямился. Он вспыхнул от гнева, осознав отношение Гитлера, его неблагодарность за все его труды. Я заметил, что его добрые глаза гневно блеснули из-под кустистых бровей. Чемберлен был очень удивлен и возмущен: он сказал, что не понимает, почему теперь Гитлер вдруг заявляет, будто это решение больше не имеет практического смысла, если удовлетворяются все его пожелания, высказанные в Берхтесгадене.

Гитлер сначала уклонился от прямого ответа, сказав, что он не может заключить пакт о ненападении с Чехословакией, в то время как остаются неудовлетворенными претензии Польши и Венгрии к этой стране. Потом, говоря сравнительно спокойно, он подверг критике отдельные пункты разработанного Чемберленом плана. Прежде всего, слишком долгим представлялся ему период передачи. «Оккупация той территории Судет, которая отходит Германии, должна произойти немедленно!»? заявил он.

Чемберлен резонно указал, что это является совершенно новым требованием, значительно превышающим запросы, выдвинутые в Берхтесгадене, но Гитлер продолжал требовать незамедлительной оккупации судетских территорий. По ходу разговора он приходил во все большее возбуждение, все более яростно обрушивался на Бенеша и Чехословакию, Чемберлен становился все сдержаннее и отрешеннее.

«Притеснение судетских немцев и террор, развязанный Бенешем, не допускают промедления»,? хриплым голосом заявил Гитлер и выдвинул на обсуждение свой собственный план урегулирования.

Это приравнивалось к почти безоговорочной капитуляции Чехословакии.

Такой была эта первая встреча в конференц-зале Годесберга. Чемберлен вернулся в свой отель очень рассерженный. Единственным лучом надежды являлось то, что на следующее утро была назначена еще одна встреча, и Гитлер, по настоятельному требованию Чемберлена, вновь повторил данное им в Берхтесгадене обещание не предпринимать никаких действий против Чехословакии, пока длятся эти переговоры.

Однако наутро мы получили от Чемберлена письмо, которое фактически отвергало идеи Гитлера. «Думаю,? писал он,? Вы не

сознаете невозможность моего согласия на принятие такого плана, поскольку я полагаю, общественное мнение в моей стране, во Франции и во всем мире сочтет его нарушающим принципы, уже согласованные ранее и не предусматривающие угрозу применения силы… В случае, если немецкие войска войдут на эту территорию, как Вы предлагаете, нет никакого сомнения, что у чехословацкого правительства не будет другого выбора, кроме как отдать приказ своим вооруженным силам оказать сопротивление».

Хотя письмо было изложено во вполне дружелюбной форме и начиналось словами «Мой дорогой Рейхсканцлер», впечатление, произведенное им, было подобно взрыву. Казалось, переговоры с первого же дня зашли в тупик. Между Гитлером, Риббентропом и их советниками развернулись лихорадочные дискуссии. Наконец, Гитлер продиктовал ответ, сводившийся к пространному, далеко не дружелюбному повторению того, что было им сказано накануне. «Когда Вы, Ваше Превосходительство, сообщаете мне, что передача рейху судетских территорий была признана в принципе, я должен с сожалением указать, что теоретическое признание принципов в отношении Германии было уже согласовано ранее». Он напомнил Чемберлену о четырнадцати пунктах Вильсона, обещания которого были самым постыдным образом нарушены. «Я заинтересован, Ваше Превосходительство,? писал он,? не в признании принципа, а единственно в его реализации и, таким образом, в том, чтобы в возможно более короткое время страдания несчастных жертв чешской тирании закончились, а достоинству великой державы воздалось должное». Так он продолжал на четырех или пяти страницах, и так как не было времени для письменного перевода, Гитлер дал мне указание вручить это письмо лично Чемберлену и перевести его устно.

Взоры всего мира были устремлены на Годесберг. С каждым часом нарастало напряжение, вызванное заминкой в переговорах. Представители прессы со всего мира постоянно получали все более требовательные запросы от своих изданий в Европе и Америке. Были ли прерваны переговоры? Разразится ли война над Чехословакией? Такими были заголовки газет и тревожные предположения, высказывавшиеся по радио. Журналисты в Петерсберге и, вероятно, также британская делегация во главе с Чемберленом со все возрастающей тревогой смотрели на отель «Дреезен» на противоположном берегу Рейна. Там, однако, не замечалось никакого оживления. Паром, предназначенный исключительно для переправки машин делегации с берега на берег, оставался на приколе.

Я в полной мере сознавал все это, когда примерно в три часа дня покинул отель «Дреезен» с большим коричневым конвертом под мышкой. Я понимал, что все бинокли в Петерсберге будут направлены на мою машину и снова разочарованно опустятся, когда станет ясно, что я один с водителем. Приближаясь к отелю, я знал, что они, должно быть, заметили коричневый конверт; издалека я видел, что журналисты толпятся у входа в отель. Я торопливо пересек вестибюль с не располагающим к расспросам выражением лица, отвечая на все вопросы, что должен немедленно попасть к Чемберлену.

«Вы несете мир или войну?»? крикнул мне один американец, которого я очень хорошо знал по кафе «Бавария» в Женеве. Я не осмелился даже пожать плечами, так как самый незначительный жест мог быть неправильно истолкован. Я был рад, когда один из членов британской делегации встретил меня на лестнице и сразу же проводил к Чемберлену. Он стоял на балконе. Вне всякого сомнения, Чемберлен тоже беспокойно поглядывал на тот берег Рейна.

Но он показался мне нисколько не взволнованным, когда, поздоровавшись так, будто случайно встретил знакомого, пригласил меня в свой кабинет, где я перевел письмо в присутствии Горация Вильсона, Гендерсона и Киркпатрика. Это заняло некоторое время, и мне пришлось добавить устно несколько разъяснений, поэтому номер Чемберлена я покинул лишь через час. Чтобы избежать расспросов журналистов, осаждавших вестибюль, я вызвал нашего начальника протокольной службы Фрайхерра фон Дернберга и подкрепился несколькими каплями «верного средства», чтобы устоять при «прорыве» внизу. Потом приступил к тому, что скоро превратилось в настоящее бегство. У меня было так много друзей среди журналистов, что ускользнуть от их вопросов я мог, только побежав так, что только пятки сверкали.

«Что он сказал? Как он воспринял мое письмо?»? нетерпеливо спросил меня Гитлер, когда я вернулся. Я передал мои впечатления, и, казалось, он испытал некоторое разочарование, когда я рассказал, что Чемберлен не проявил никакого волнения, а просто сказал, что ответит письменно в этот же день. Час спустя после моего возвращения Гендерсон и Вильсон вручили ответ Риббентропу, и состоялся несколько путанный разговор о том, что делать дальше.

В своем письме Чемберлен снова проявил свою склонность к примирению, говоря, что готов «как посредник» передать предложения, «на которых Вы, Ваше Превосходительство, категорически настаиваете, как это было вчера вечером»,

чехословацкому правительству. Поэтому он попросил Гитлера позволить передать ему эти предложения в форме меморандума и объявил, что предполагает вернуться в Лондон и приступить к необходимым приготовлениям для передачи меморандума.

В разговоре с Риббентропом было решено попросить Чемберлена снова приехать вечером, чтобы получить меморандум и выслушать разъяснения Гитлера.

Беседа с Чемберленом, начавшаяся незадолго до одиннадцати часов вечера 23 сентября, была одной из самых драматичных за всю историю судетского кризиса. Так как присутствующих было больше, чем раньше, встреча состоялась в небольшом обеденном зале отеля. «Приглашены все лучшие люди»,? сказал один коллега насчет слуха о том, что Риббентроп на этот раз постарался избежать отстранения. Присутствовали также Вильсон, Гендерсон, Вайцзеккер и начальник юридического отдела министерства иностранных дел. Они непринужденно расселись полукругом вокруг Гитлера и Чемберлена. Я открыл заседание, зачитав перевод меморандума. «Известия о ежечасно возрастающем числе инцидентов в Судетской области свидетельствуют о том, что положение судетских немцев становится невыносимым и, следовательно, представляет опасность для европейского мира»,? прочел я. Основным требованием было: отвод всех вооруженных сил Чехословакии с территории, обозначенной на прилагаемой карте, «эвакуация с которой должна начаться 26 сентября, а передача Германии 28 сентября. Освобождаемая территория должна быть передана в ее настоящем состоянии».

«Чешское правительство должно освободить всех заключенных немецкого происхождения, арестованных за политические преступления», «провести выборы (в некоторых районах) под наблюдением Международной комиссии»? такими были некоторые другие пункты этого лаконичного документа.

На Чемберлена и остальных англичан документ произвел сокрушительное впечатление. «Но это же ультиматум!»? воскликнул Чемберлен, возмущенно вздымая руки. «Diktat», вставил Гендерсон, который всегда любил ввернуть в разговор немецкое слово. Чемберлен веско заявил, что не может быть и речи о том, чтобы он передал такой ультиматум чехословацкому правительству. Не только содержание, но и тон этого документа, как только он будет обнародован, вызовет яростное возмущение в нейтральных странах. «С чувством глубочайшего сожаления и разочарования, Канцлер, я должен констатировать, что Вы не приложили никакого усилия, чтобы поддержать мои попытки спасти мир».

Гитлер, казалось, был удивлен такой бурной реакцией. Он занял оборонительную позицию. Он неуклюже попытался отвести упрек в предъявлении ультиматума, возразив, что документ озаглавлен как «меморандум», а не «ультиматум». Чемберлен, Вильсон и Гендерсон снова пошли в атаку, указав, что его предложения, несомненно, невыполнимы, хотя бы из-за предложенных им сроков. Чехословацкому правительству остается едва лишь сорок восемь часов на формулирование необходимых приказов, а вся территория должна быть эвакуирована за четыре дня. При таких обстоятельствах чрезвычайно возрастает опасность насилия. Последствия вражды между Германией и Чехословакией непредсказуемы. В результате, конечно, может возникнуть война в Европе.

Таким образом, переговоры зашли в абсолютный тупик. В этот момент открылась дверь, и адъютант протянул Гитлеру записку. Прочитав, он передал ее мне со словами: «Прочтите это мистеру Чемберлену».

Я перевел: «Бенеш только что объявил по радио о всеобщей мобилизации чехословацких вооруженных сил».

В комнате наступила глубокая тишина. «Теперь война неизбежна»,? подумал я, и у всех тогда, вероятно, возникла такая же мысль. Хотя Гитлер и обещал Чемберлену ничего не предпринимать против Чехословакии, но всегда добавлял оговорку: «Если только какая-нибудь чрезвычайная акция чехословацких вооруженных сил не вынудит меня к действию». Не возникла ли сейчас такая опасность?

Впоследствии, рассказывая друзьям об этой драматической сцене, я часто пользовался сравнением с ударом в литавры в симфонии. После литавр «чешской мобилизации» несколько тактов держалась тишина, затем скрипки тихо подхватили мелодию. Едва слышным голосом Гитлер сказал оцепеневшему Чемберлену: «Несмотря на эту неслыханную провокацию, я, разумеется, сдержу слово ничего не предпринимать против Чехословакии, пока продолжаются переговоры,? во всяком случае, мистер Чемберлен, пока Вы находитесь на земле Германии».

Напряжение начало спадать. Возобновилось обсуждение? в более сдержанном, спокойном тоне. Казалось, все испытали некоторое облегчение от того, что катастрофа отодвинута на какое-то время. Переговоры продолжались. Это было большим достижением.

Гитлер вдруг изъявил готовность обсуждать вопрос о датах эвакуации, о которых Чемберлен отозвался как о самой большой трудности. «Ради Вас, мистер Чемберлен,? сказал он,? я пойду на уступки относительно сроков. Вы один из немногих, для которых

я когда-либо делал подобное. Я соглашусь на 1 октября как день начала эвакуации». Он внес соответствующее исправление в меморандум, добавив еще несколько других мелких изменений, которые, насколько я помню, касались скорее формы, чем содержания документа, который затем отослали на перепечатывание.

В ходе последующей дискуссии Гитлер указал, что поддерживает усилия Чемберлена по поддержанию мира, хотя границы передаваемой по его предложению территории весьма отличаются от границ тех территорий, которые он захватил бы, если бы использовал против Чехословакии силу. В конце концов Чемберлен сказал, что готов передать немецкий меморандум чехословацкому правительству. Кризис очистил воздух, как гроза, и в два часа ночи Гитлер и Чемберлен расстались в исключительно дружелюбной атмосфере, недолго поговорив наедине с моей помощью. В ходе этой беседы Гитлер поблагодарил Чемберлена в выражениях, которые показались искренними, за его труды во имя мира и сказал, что судетский вопрос был последней большой проблемой, которая, по его мнению, требовала решения. Он говорил также о более тесных отношениях между Германией и Англией и о сотрудничестве двух стран. Было очевидно, как сильно он стремится установить хорошие отношения с Англией. Он вернулся к своей старой теме. «Между нами не должно быть разногласий,? сказал он.? Мы не собираемся препятствовать вашим интересам за пределами Европы, а вы можете без ущерба предоставить нам свободу действий в Центральной и Юго-Восточной Европе». Через некоторое время нужно будет также урегулировать колониальный вопрос, но он не такой срочный и нет нужды воевать из-за него. Позднее, тем же утром Чемберлен вернулся в Лондон.

Два дня спустя, 26 сентября, сэр Гораций Вильсон прибыл в Берлин с персональным письмом от Чемберлена Гитлеру. Гитлер принял Вильсона и сопровождавших его Гендерсона и Киркпатрика в Канцелярии. На этом совещании Гитлер в первый и единственный раз в моем присутствии полностью потерял самообладание.

Не помню, привезли ли англичане перевод письма Чемберлена с собой или я должен был перевести его. Во всяком случае, письмо вызвало одну из самых бурных реакций, которые мне доводилось наблюдать. «Правительство Чехословакии только что сообщило мне,? писал Чемберлен,? что оно расценивает содержащиеся в Вашем Меморандуме условия как полностью неприемлемые».

В письме Чемберлена содержался намек вроде «я же Вам

говорил», и, казалось, он поддерживает позицию чехословаков. Гитлер, слушавший со все возрастающим беспокойством, вдруг вскочил с криком: «Здесь не о чем вести переговоры!» и кинулся к двери. Это была чрезвычайно неприятная сцена, особенно когда Гитлер вроде бы осознал, оказавшись у двери, насколько недопустимым было его поведение, и вернулся на место, как непослушный мальчишка. Теперь он взял себя в руки, и я смог продолжить чтение письма вслух. Однако, когда я закончил, он позволил себе впасть в еще большую ярость, чем я когда-либо мог наблюдать во время дипломатических встреч.

Последовал бессвязный разговор, где каждый говорил, не слушая другого, за исключением Киркпатрика и меня самого. Это был один из редких случаев, когда я не смог отстоять у Гитлера свои права переводчика. На других бурных встречах, особенно во время конференции «Большой четверки», состоявшейся в Мюнхене несколько дней спустя, мне удавалось восстанавливать порядок, указывая Гитлеру или какому-нибудь другому оратору, в запальчивости прерывавшему меня, что я еще не закончил перевод. Спокойные попытки сэра Горация Вильсона призвать Гитлера к благоразумию лишь усиливали его ярость; Гендерсон бился с Риббентропом, возбужденно толковавшем о Бенеше как о террористе, а о чехах как о поджигателях войны.

Пребывая именно в таком расположении духа, Гитлер произнес свою знаменитую речь во Дворце спорта несколько часов спустя. «Вопрос, который волнует нас больше всего в эти последние несколько недель, известен всем нам,? сказал он.? Он называется не столько Чехословакия, сколько герр Бенеш. В этом имени сконцентрированы сегодня чувства миллионов людей, оно заставляет их отчаиваться или наполняет их фанатичной решимостью!.. Теперь он выдворяет немцев! Но на этом его мелкие игры прекратятся… Теперь решение остается за ним. Мир или война! Или он принимает наше предложение и, наконец, предоставляет свободу немцам, или мы придем и возьмем эту свободу сами!»

Но в этой речи были и другие тона. Гитлер дружелюбно отзывался о Чемберлене и добавил часто цитируемую многозначительную фразу: «Я заверил мистера Чемберлена, что как только чехи урегулируют вопрос со своими меньшинствами… у меня больше не будет интересов в чешском государстве. Я ему это гарантирую. Нам чехи не нужны».

На следующий день меня снова вызвали в Канцелярию. Там я встретился с Вильсоном, который ночью получил от Чемберлена новое послание для Гитлера. Премьер-министр предлагал гарантию Великобритании, что эвакуация чехов будет

осуществлена, если Германия, со своей стороны, воздержится от применения силы.

Гитлер отказался обсуждать это предложение, даже когда Вильсон спросил, что сообщить Чемберлену в ответ. Гитлер продолжал твердить, что теперь у чехословацкого правительства есть только две возможности? принять предложения Германии или отказаться от них. «И если они предпочтут отказаться, я раздавлю Чехословакию!? сердито выкрикнул он.? Если чехи не согласятся на мои требования до 14 часов 28 сентября, в октябре я введу немецкие войска на территорию Судет». В то утро было невозможно серьезно разговаривать с Гитлером. Обвинения в злоупотреблениях чехов и мрачные угрозы? вот все, что он был в состоянии высказать. Вильсон и его помощники сидели беспомощно: они ничего не могли противопоставить такой ярости.

Неожиданно Вильсон поднялся. Твердым голосом, медленно взвешивая каждое слово, он сказал: «При таких обстоятельствах я должен выполнить еще одно поручение моего премьер-министра. Я должен просить Вас, Канцлер, принять к сведению следующее сообщение». Потом он зачитал короткое, но впечатляющее послание, которое я перевел Гитлеру как можно медленнее и внушительнее, чтобы он смог оценить его значимость. «Если Франция, выполняя свои обязательства, будет активно вовлечена во враждебные действия против Германии, Соединенное Королевство сочтет необходимым для себя поддержать Францию».

Гитлер гневно ответил, что принял сообщение к сведению. «Это значит,? добавил он,? что если Франция сделает свой выбор, напав на Германию, Англия сочтет своим долгом тоже напасть на Германию». Повысив голос, он продолжал: «Если Франция и Англия хотят развязать войну, они могут сделать это. Мне это совершенно безразлично. Я готов ко всем случайностям. Я могу лишь учесть эту позицию. Таким образом? на следующей неделе мы окажемся в состоянии войны друг с другом». Это были его последние слова Вильсону и ответ Чемберлену.

В тот же вечер мне пришлось переводить письмо Чемберлену, которое Гитлер составил в более примирительных выражениях. Во второй раз за эти решающие дни у меня сложилось впечатление, что Гитлер удержался от крайнего шага. Заставило ли его сменить курс это последнее заявление Вильсона? Я до сих пор помню, в частности, как немецкий диктатор сказал в том письме, что готов участвовать в обеспечении международной гарантии относительно оставшейся части Чехословакии, как только будет решен вопрос о меньшинствах.

Перемена тона Гитлера от восклицания «война на следующей

неделе» до написания примирительного письма была, может быть, вызвана многозначительным зрелищем, которое он наблюдал в тот день ближе к вечеру. При сумрачной осенней погоде моторизованная колонна проехала по Вильгельмштрассе. Совершенно безразличное и меланхоличное поведение населения Берлина, которое Гитлер мог наблюдать из окна Канцелярии, произвело на него глубокое впечатление. Адъютанты говорили мне тогда, что это зрелище очень его разочаровало.

На следующий день, 28 сентября, наблюдалось почти непрерывное хождение послов. Франсуа-Понсе, Гендерсон и итальянский посол Аттолико проходили один за другим в кабинет Гитлера, а в соседних комнатах и коридорах наблюдалась кипучая активность кризисного периода. Министры и генералы с толпой членов партии, офицеры и главы департаментов, торопившиеся проконсультироваться с Гитлером, сидели и стояли повсюду. Ни одно из этих обсуждений не включалось в перечень официальных встреч. Гитлер бродил по комнатам, говоря то с одним, то с другим. Кто бы ни оказался поблизости, мог бы обратиться к нему, но на самом деле никто не мог вставить и слова. Любому, кто хотел или не хотел слушать, Гитлер пространно излагал свое видение ситуации. Это был просто ряд коротких речей для Дворца спорта. Лишь время от времени Гитлер удалялся в свой кабинет для более долгих дискуссий с Риббентропом, Герингом или одним из генералов? Кейтелем, в частности.

Первым из послов появился в то утро Франсуа-Пенсе. Он отлично говорил по-немецки, но меня позвали «на всякий случай». Так как делать мне было нечего, я мог спокойно слушать разговор, который в последующие годы часто вспоминал как пример мудрости государственного человека и необычайной дипломатической ловкости, с которой Франсуа-Понсе вел ту беседу. Французский посол боролся за мир. «Вы обманываетесь, Канцлер,? сказал он,? если думаете, что можете ограничить конфликт Чехословакией. Если Вы нападете на эту страну, то ввергнете в огонь всю Европу». Он тщательно подбирал слова с характерной для него вдумчивостью и говорил на грамматически безупречном немецком языке, а легкий французский акцент придавал особую выразительность тому, что он говорил. «Вы, конечно, уверены, что выиграете эту войну,? продолжал он,? точно так же, как мы верим, что разобьем вас. Но зачем Вам идти на такой риск, если Ваши основные требования могут быть выполнены и без войны?»

Гитлер ничем не проявил своего согласия, снова обвиняя Бенеша, подчеркивая свое стремление к миру и решительно

заявляя, что не может больше ждать. Франсуа-Понсе не относился к тем, кого можно было сбить с толку: он продолжал с большим дипломатическим искусством демонстрировать бессмысленность действий, предлагаемых Гитлером.

Из своего угла комнаты я пристально наблюдал за действующими лицами в этой напряженной битве. По реакции Гитлера я видел, как постепенно чаша весов склонялась в сторону мира. Он больше не разражался гневом и с величайшим трудом находил, что сказать в ответ на аргументы, которые Франсуа-Понсе выдвигал с сокрушительной французской логикой. Гитлер явно начинал задумываться. Риббентроп попробовал вмешаться раз-другой? явно не в пользу компромисса. Франсуа-Понсе, полностью сознававший опасность даже одного-единственного неверного слова в такой ситуации, резко, со сдерживаемым раздражением призвал его к порядку. Очевидно, это понравилось Гитлеру: на него всегда производило впечатление, когда кто-то, кроме него самого, мог смело выступить против кого-либо.

Другим успешным дипломатическим шагом со стороны французского посла было представление четко нарисованной карты с обозначением отдельных фаз эвакуации. Впоследствии, говоря о Судетском кризисе, Гитлер часто признавался: «Франсуа-Понсе был единственным, кто внес разумное предложение. Из этой карты сразу же было видно, что это была работа военных, разбирающихся в своем деле».

Снова открылась дверь, и вошел адъютант. Я подумал, не будет ли еще одного поразительного объявления. Может быть, чехи сами начали действовать? Я лишь уловил имя Аттолико и сразу же почувствовал облегчение, зная, что итальянский посол был одним из друзей мира. Он входил в группу, к которой в то время принадлежали Геринг, Нейрат и Вайцзеккер, делавшие все возможное, чтобы отвратить Гитлера от его военных планов. Аттолико хотел немедленно поговорить с Гитлером «по срочному делу». Я вышел из комнаты вместе с Гитлером, так как Аттолико плохо говорил по-немецки.

Слегка сутулый Аттолико задыхался от волнения, его лицо пылало возбуждением. «У меня для Вас срочное сообщение от дуче, Фюрер!»? безо всяких церемоний воскликнул он, еще не успев подойти к Гитлеру. Затем я перевел его сообщение: «Британское правительство только что дало мне знать через посла в Риме, что оно согласно с посредничеством дуче в судетском вопросе. Оно считает область расхождений сравнительно узкой». И сделал интересное дополнение: «Дуче сообщает Вам, что каким бы ни было Ваше решение, Фюрер, фашистская Италия стоит позади Вас». И быстро продолжил: «Однако дуче придерживается

мнения, что было бы разумно принять британское предложение, и просит Вас воздержаться от мобилизации». Гитлер, уже призадумавшийся после разговора с Франсуа-Понсе, находился явно под впечатлением от сообщения Муссолини. Аттолико напряженно смотрел на него.

Именно в этот момент было принято решение в пользу мира. Это произошло как раз незадолго до полудня 28 сентября, за два часа до истечения гитлеровского ультиматума. Гитлер ответил: «Скажите Дуче, что я принимаю его предложение».

В тот раз совет Муссолини еще имел большой вес для Гитлера; кроме того, я сам уже два раза видел, как он отшатнулся от края пропасти. После этого его согласие с предложением Муссолини убедило меня, что он отказался от войны.

Мы вернулись в его кабинет, где вместе с Риббентропом все еще ждал Франсуа-Понсе. «Муссолини только что спросил, не приму ли я его посредничество»,? отрывисто сказал Гитлер. Он продолжил разговор с Франсуа-Понсе, но мысли его были далеко. Он уже больше думал о сообщении Муссолини, чем о том, что хотел сказать ему Франсуа-Понсе, и поэтому беседа резко закончилась вскоре после этого.

Едва ушел Франсуа-Понсе, как появился Гендерсон. У него было еще одно известие от Чемберлена, которое я перевел. «Прочитав Ваше письмо,? писал он,? я чувствую уверенность, что Вы можете получить главное без войны и незамедлительно. Я готов сразу же приехать в Берлин, чтобы обсудить условия передачи территорий с Вами и с представителями чехословацкого правительства вместе с представителями Франции и Италии, если Вы пожелаете… Я не могу поверить, что Вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может стать концом цивилизации из-за нескольких дней промедления при решении этой давнишней проблемы». Гитлер ответил, что должен связаться с Муссолини относительно этого предложения. «Я отложил мобилизацию в Германии на двадцать четыре часа, идя навстречу пожеланиям моего великого итальянского союзника»,? сказал Гитлер Гендерсону. Последний откланялся после исключительно дружелюбного разговора.

В тот же день Гитлер позвонил Муссолини, и эта беседа привела к самой большой сенсации периода между двумя войнами? к решению, что Гитлер пригласит Чемберлена, Даладье и Муссолини на конференцию в Мюнхен. Той же ночью я отправился на юг специальным поездом.

Мюнхенская конференция рассматривалась в то время как решающая поворотная точка в Судетском кризисе. На самом деле это случилось на день раньше? во время разговора Гитлера с

Аттолико, после жизненно важной подготовительной работы, которую провел Франсуа-Понсе. Конечно, это намечалось в Берхтесгадене, когда Гитлер впервые подал надежду Чемберлену, и в Годесберге, где он сделал это же во второй раз после поразительного известия о чешской мобилизации.

Ход Мюнхенской конференции, состоявшейся в новом здании на Кенингсплац, описывался в свое время с такими подробностями, что было бы излишне с моей стороны долго писать об этом. В любом случае на самом деле это не был пик кризиса.

Вскоре после моего прибытия в Мюнхен я поехал на машине с Гитлером в Куфштайн. Там он сел на специальный итальянский поезд и говорил с Муссолини на протяжении всего пути? этот разговор подтвердил мое предположение, что мир был обеспечен. Муссолини в выражениях, похожих на выражения, использованные Франсуа-Понсе, настойчиво выступал за мирное решение.

Незадолго до двух часов я занял свое место за круглым столом в резиденции фюрера в Мюнхене (теперь Америка-Хаус) вместе с Большой четверкой? Гитлером, Чемберленом, Муссолини и Даладье. Риббентроп, Чиано, Вильсон и Алексис Леже, возглавлявший французское министерство иностранных дел, тоже были там. Началась историческая Мюнхенская конференция. Ход этой конференции был далеко не столь сенсационным, как ожидалось, потому что, как я уже сказал, настоящее решение было уже принято.

Четверо главных участников прежде всего кратко изложили позиции своих стран. Все высказались против силового решения, даже Гитлер, подчеркнувший, что он целиком за мирное урегулирование вопроса. Преобладала атмосфера доброжелательства, нарушенная лишь раз или два яростными нападками Гитлера на Бенеша и Чехословакию и выступлениями Даладье, который принял вызов.

Даладье был еще незнакомой фигурой в том кругу. Человек невысокого роста, большую часть времени сидевший молча, он не скрывал своего возмущения тем фактом, что решения о передаче части территории Чехословакии, союзника Франции, принимались без участия представителей этой страны на конференции. Я заметил, что Алексис Леже несколько раз говорил с ним, явно подстрекая выступить против той или иной точки зрения. Но Даладье никак не реагировал на это, за исключением тех, уже упоминавшихся случаев, когда он занял очень жесткую позицию по отношению к Гитлеру. Гитлер, как ни удивительно, не раздражался из-за этого. Казалось, Даладье ему

нравится, и они обменивались военными воспоминаниями в перерывах. Я слышал, как Гитлер сказал Муссолини: «Я могу очень хорошо поладить с Даладье; он был на фронте, как и все мы, поэтому с ним можно говорить».

В Мюнхене произошла также небольшая стычка с Чемберленом. Он настойчиво поднимал один вопрос, который в целом не имел большого значения. Он касался передачи Германии чехословацкой общественной собственности на уступаемой территории. Чемберлен настойчиво добивался ответа на вопрос, кто компенсирует чехословацкому правительству стоимость зданий и сооружений, которые перейдут Германии вместе с территорией Судет. Было очевидно, что в этом случае говорит не премьер-министр и политик, а бывший министр финансов и деловой человек. Гитлер становился все более беспокойным. «Эти сооружения и здания построили за счет налогов, уплаченных судетскими немцами,? говорил он со все возрастающим нетерпением,? и поэтому не может быть и речи о возмещении ущерба». Но этого было недостаточно, чтобы удовлетворить Чемберлена в вопросах собственности. Наконец Гитлер взорвался. «Наше время слишком драгоценно, чтобы тратить его на такие банальности!»? крикнул он Чемберлену. Это произошло, когда Чемберлен в довершение всего поднял также вопрос, останется ли и скот на судетской территории или некоторое количество домашнего скота не следует уводить на ту территорию, которая останется от Чехословакии.

Во время этих споров между Гитлером, Чемберленом и Даладье меня часто прерывал тот, к кому я обращался, переводя сделанное для него заявление на одном из трех языков конференции? немецком, английском и французском. «Я должен немедленно сказать об этом»,? перебивал меня один из них, но каждый раз я просил разрешения закончить перевод, так что остальные участники не упускались из виду. По своему большому опыту проведения конференций я знал, что получается невероятная путаница, если из-за прерванного перевода кто-то из участников больше не может следить за спором. Друзья, наблюдавшие за заседанием Большой четверки через стеклянные двери, рассказывали мне, что когда я добивался того, чтобы мой перевод был услышан, то был похож на школьного учителя, пытающегося навести порядок в недисциплинированном классе. После этого мы стали называть конференции Большой четверки кодовым названием «класс», особенно во время кризиса 1939 года. Даже моя «клиентура», например Геринг, пользовалась этим названием.

После того как Муссолини представил на рассмотрение

письменное предложение по решению судетского вопроса, в работе конференции был сделан короткий перерыв на обед примерно до трех часов. Предложение Муссолини было написано по-итальянски, но перевод оказался легким, потому что я уже однажды переводил его с немецкого на французский в Берлине. В то знаменательное утро 28 сентября, за день до конференции, Государственный секретарь Вайцзеккер передал его мне, попросив как можно быстрее перевести на французский, чтобы текст можно было отдать итальянскому послу для передачи Муссолини, чтобы у Риббентропа не было возможности внести изменения. Я был рад вновь ознакомиться с ним здесь в Мюнхене. Хотя на конференции это предложение было представлено как предложение Муссолини, на самом деле оно было составлено Герингом, Нейратом и Вайцзеккером.

После обеда конференция продолжалась без перерыва. Встреча больше не ограничивалась Большой четверкой с их министрами иностранных дел или дипломатическими советниками; постепенно Геринг, Франсуа-Понсе, Гендерсон, Аттолико, фон Вайцзеккер, юрисконсульты, секретари и адъютанты заполнили комнату и образовали плотные ряды публики позади глав правительств, которые сидели в центре. Проект соглашения, предложенный Муссолини, был тем временем переведен на три языка конференции, и на его основе, с несколькими незначительными изменениями, было выработано знаменитое Мюнхенское соглашение, которое и было, наконец, подписано между 2 и 3 часами утра 30 сентября.

Во второй половине дня и вечером переговоры все больше и больше разделялись на несколько отдельных обсуждений, в то время как юристы в своей утомительной манере долго спорили об окончательной формулировке. Во время этих пауз Гитлер несколько раз мило беседовал с Даладье. Он разговаривал и с Чемберленом тоже, но заметно более холодно, чем с Даладье. Однако, когда Чемберлен предложил позвонить ему на следующий день, чтобы договориться о разговоре с глазу на глаз, Гитлер с удовольствием согласился. Я также видел, что Муссолини и Чемберлен долго разговаривали, и вспомнил об англо-итальянских соглашениях и об усилиях Чемберлена договориться с Италией.

Около девяти часов вечера Гитлер пригласил всех поужинать с ним в банкетном зале. Чемберлен и Даладье извинились, сказав, что должны позвонить своим правительствам; они были явно не в том настроении, чтобы присутствовать на банкете. Они обеспечили мир, но ценой серьезной потери престижа. Под нажимом Гитлера они пришли к соглашению о том, что союзник

Франции должен уступить Германии часть своей территории. Как мы теперь знаем, и Франции, и Англии пришлось оказать на Чехословакию значительное давление, поэтому было вполне понятно, что Чемберлен и Даладье выглядели очень подавленными тем вечером.

Следовательно, исключительно итало-германская компания сидела с Гитлером за одним банкетным столом, который оказался довольно длинным. Именно тогда Муссолини сделал свое заявление о возможности катастрофических последствий для Италии в период Абиссинской войны, если бы Лига Наций распространила свои санкции на нефть даже всего на одну неделю.

Что касается меня, то Мюнхенская конференция продолжалась почти тринадцать часов без перерыва, так что мне пришлось переводить за обедом и ужином. Мне постоянно приходилось переводить почти все, что говорилось, на три языка, и поэтому я произнес буквально в два раза больше слов, чем вся Большая четверка вместе взятая.

После подписания соглашения у меня был всего лишь короткий отдых, так как на следующее утро я уже находился у Гитлера, чтобы переводить его беседу с Чемберленом. Бледный и угрюмый Гитлер, сидевший рядом со мной, казался совсем другим. Он с отсутствующим видом слушал замечания Чемберлена насчет англо-германских отношений, разоружения и экономических вопросов, сравнительно мало участвуя в разговоре. К концу беседы Чемберлен вынул из кармана знаменитую англо-германскую Декларацию: «Мы рассматриваем Соглашение, подписанное прошлой ночью, и англо-германское Соглашение по военно-морскому флоту как символ желания наших двух народов никогда больше не вступать в войну друг с другом. Мы убеждены, что метод консультаций будет методом, принятым в решении любых других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия, направленные на устранение возможных источников разногласий и, следовательно, на сохранение мира в Европе».

Медленно, подчеркивая каждое слово, я перевел это заявление Гитлеру.

Я не разделяю впечатление Чемберлена, выраженное в его опубликованном ныне частном письме, что Гитлер горячо согласился с этим заявлением. Мне самому показалось, что он с некоторой неохотой согласился с вышеизложенным, и, думаю, он поставил свою подпись, только чтобы доставить удовольствие Чемберлену, не обещая самому себе слишком много пользы от

этой декларации.

Затем я ехал с Чемберленом по Мюнхену в открытой машине и наблюдал, с каким энтузиазмом люди приветствовали британского премьер-министра. Когда мы медленно ехали по улицам, его моментально узнавали. Люди выкрикивали приветствия, толпились вокруг машины, многие пытались пожать ему руку. Я пристально всматривался в их лица, как делал это во время триумфальных проездов Гитлера по Нюрнбергу. В моменты волнения выражение лиц людей говорит о многом. Здесь, в Мюнхене, при виде пожилого джентльмена, сидящего рядом со мной, у людей не возникало экстатического подъема, как в Нюрнберге, но каждое лицо светилось счастьем. «Спасибо тебе, дорогой старина Чемберлен, что сохранил для нас мир»,? вот что было откровенно написано на тысячах этих радостных лиц.

В то же время, на мой взгляд, эти явно спонтанные и неорганизованные специально овации в честь Чемберлена свидетельствовали и об определенном критическом отношении к Гитлеру. Когда толпа в авторитарном государстве так демонстративно аплодирует не своему богоподобному диктатору, а зарубежному государственному деятелю с демократического Запада под совсем не героическим зонтиком, это является совершенно нескрываемым выражением общественного мнения? более показательным, быть может, чем любое количество враждебных статей в свободной прессе демократической страны.

Подтверждение тому, что я был не одинок в таких мыслях, я получил в тот же день от нескольких известных национал-социалистов из окружения Гитлера, которые, как я знал, всегда, почти неосознанно, следовали голосу своего хозяина. Немецкий диктатор был глубоко разочарован тем, что народ Германии перед лицом войны вел себя совсем не так, как предписывалось национал-социалистским учебником героизма. Вместо того чтобы выказывать восторг от перспективы поднять оружие на врага, население Берлина и Мюнхена продемонстрировало самым явным образом свое неприятие войны и радость от того, что сохранен мир. Некоторая часть привычных аплодисментов, конечно, досталась и Гитлеру, человеку войны, но в Мюнхене, по крайней мере, они не шли ни в какое сравнение со спонтанным выражением симпатии, которое, как я сам видел, оказывали Чемберлену и Даладье за пределами отеля. Я также слышал, что когда той ночью в городе узнали о подписании Мюнхенского соглашения, состоялось много радостных застолий с обильными возлияниями в виде отличного пива, что и привело к появлению на улицах и площадях бесчисленных жизнерадостных пошатывающихся личностей.

Должно быть, мир Гитлера частично рухнул, когда на следующий день он узнал обо всем этом, и я вдруг понял, почему он выглядел таким изменившимся и отрешенным во время разговора с Чемберленом.

Не прошло и двух недель, как Гитлер сказал в своей знаменитой саарбрюккенской речи: «В наших рядах оказались слабовольные люди, которые, возможно, и не осознали, что пришлось принять суровое решение». Это было публичное подтверждение моих впечатлений. Эта речь в Саарбрюккене для многих немцев стала жестоким пробуждением ото сна, в котором им виделось, будто Мюнхенское соглашение все уладило и мир обеспечен навсегда. «Я знаю то, чего, судя по всему, весь остальной мир, а также некоторые люди в Германии так и не поняли: народ 1938 года? это не народ 1918 года». И снова это явилось явным показателем его разочарования в поведении немцев. «Стоит только прийти к власти мистеру Даффу Куперу, мистеру Идену или мистеру Черчиллю вместо Чемберлена, и мы отлично знаем, что первой целью этих людей будет развязывание новой мировой войны… Поэтому нашим долгом является быть настороже и заботиться о безопасности рейха».

Я тоже прекраснодушно надеялся, что с урегулированием «последней территориальной проблемы» мир воцарится надолго. С бесконечным сожалением увидел я, что дух подозрительности и затаенной злобной обиды снова взял верх в душе Гитлера.

В то время я много слышал в Канцелярии о возмущении Гитлера суровой критикой, которой подверглось в Англии и во Франции Мюнхенское соглашение, и стремлением Англии наращивать свое вооружение. Гитлер, казалось, не понимал, как сильно пострадали Англия и Франция от его руки.

«Теперь я иду к умирающему человеку, чтобы дать ему божественное причастие»,? сказал Франсуа-Понсе ранним утром 30 сентября, собираясь сообщить чехам, союзникам Франции, о приговоре, вынесенном относительно них и в их отсутствие. «Но у меня с собой нет даже бальзама,? добавил он,? чтобы пролить на его раны».

Британский премьер-министр три раза летал в Германию; шаг за шагом он позволил Гитлеру подвести себя к решению, которое очень мало способствовало престижу западных держав.

Гитлер был возмущен, что обе великие страны после временного облегчения от сохранения мира не совсем были рады поздравить себя с ценой, которую им пришлось заплатить за это, и что они были разумеется, полны решимости сделать все возможное, чтобы никогда больше не оказаться в таком беспомощном положении.

Еще раз я убедился за эти дни, как мало Гитлер понимал образ мыслей Западной Европы.

Несмотря на эти неприятные впечатления, я и мои коллеги в министерстве иностранных дел сохранили до конца того полного событий года чувство облегчения от того, что великая бойня была предотвращена.

Глава пятая
1939 г

Хотя в 1938 году Германия не была ввергнута в войну, в первые же месяцы рокового 1939 года из высказываний, которые мне пришлось переводить на переговорах с участием Гитлера и Риббентропа, я понял, что Германия снова приближается к пропасти? сначала медленно, а затем со все более возрастающей скоростью.

В моей работе не было периода, когда бы я принимал участие в таком обилии переговоров, как в промежутке между Мюнхенской конференцией и 3 сентября 1939 года. В мои обязанности входило составление отчетов по всем этим беседам, многие из которых были с тех пор опубликованы. Когда я писал их, то полностью сознавал, что вместе с другими документами они станут материалом, на основе которого историки составят непредвзятое мнение о событиях, о которых в них шла речь. В то же время я имел в виду тот факт, что мои сограждане сами могли увидеть на основании этих отчетов, как Гитлер проводил свою внешнюю политику. Вскоре после Мюнхенской конференции углубилось мое понимание того, что катастрофа неизбежна. Но я еще не имел представления о ее масштабах.

Я могу лишь сказать, что эта тема присутствовала во всех беседах и событиях. После рокового введения немецких войск в Прагу, на что мы с друзьями взирали с ужасом как на прелюдию крушения, последовали резкие разногласия августа 1939 года, достигшие кульминации в окончательном крахе, когда Англия и Франция объявили войну Германии.

В течение этого периода примечательным было отсутствие пышных празднеств, поражавших мир великолепием в 1937 и в начале 1938 года. Когда теперь я оглядываюсь назад, основной чертой тех последних месяцев перед началом второй мировой войны мне видится огромный контраст между непрерывными торжественными заверениями в стремлении к миру для внешнего мира и деловитой подготовкой к войне внутри страны.

* * *

Итальянско-немецкий трибунал собрался в октябре 1938 года в великолепной обстановке венского замка Бельведер, который был когда-то летней резиденцией принца Евгения, чтобы

урегулировать территориальные притязания к обездоленной Чехословакии. Карта оспариваемых территорий была разложена на большом столе, вокруг которого стояли Риббентроп и Чиано со своими советниками. В руке у каждого из премьер-министров был толстый карандаш, и в ходе разговора они подправляли линию границы, проведенную экспертами в качестве основы для обсуждения.

«Если Вы собираетесь защищать интересы Чехии таким образом,? ехидно улыбаясь, воскликнул Чиано, обращаясь к Риббентропу,? Гаха наградит Вас орденом». Жирной чертой он изменил линию границы в пользу Венгрии. «Определенно, это слишком далеко,? возразил Риббентроп, прислушиваясь к нашептываниям эксперта из министерства иностранных дел, и исправил только что проведенную линию. Министры иностранных дел довольно долго продолжали спорить таким образом, стирая и вновь проводя новые линии; карандаши становились все короче, а границы толще.

«Комиссии по границам будет трудно разглядеть линию,? прошептал мне коллега.? Эти толстые карандашные отметки занимают каждая по несколько километров в ширину».

Редко доводилось мне так остро ощущать контраст между легкомысленными решениями относительно границ, принимаемыми государственными деятелями в роскошных апартаментах исторических замков, и последствиями их решений для повседневной жизни на затрагиваемых территориях.

Я сознавал наличие подобного столкновения внешней формы и внутреннего значения во время «дружеских визитов», в которых я сопровождал Риббентропа в Париж и Варшаву в декабре 1938 и январе 1939 года.

«Правительства Германии и Франции разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией составляют один из основных элементов для условий стабилизации в Европе и сохранения мира»,? говорилось в заявлении, торжественно подписанном Риббентропом и Боннэ 6 декабря 1938 года в Часовом зале на Кэ д'Орсэ. Это происходило в той же комнате, где десятью годами ранее я видел, как Штреземан, Бриан и Келлог ставят свои подписи под пактом о запрете войны.

«Оба правительства… торжественно признают бесспорной границу между их странами в том виде, в каком она проложена в настоящее время»,? говорилось далее в тексте заявления. Я прочел вслух немецкий перевод, в то время как фотографы загромождали комнату своими аппаратами, в значительной степени принижая величие события.

«Оба правительства твердо решили,? продолжал я читать,? в отношениях их с третьими державами по всем вопросам, затрагивающим обе их страны… консультироваться друг с другом, если будущее развитие таких отношений может привести к международным трудностям».

Это был обманчивый фасад, позади которого вскоре после подписания заявления в другой комнате французского министерства иностранных дел между Боннэ и Риббентропом состоялась отнюдь не благодушная беседа о ситуации в целом. Риббентроп иногда говорил по-французски, а иногда я переводил то, что он хотел сказать. Ничего не переводилось на немецкий язык, может быть, поэтому и возникло непонимание, которым отличалась та беседа. По одному пункту Боннэ, который ранее подчеркнуто выражал намерение Франции развивать свою колониальную империю, заявил, что на Мюнхенской конференции Франция проявила отсутствие интереса к Восточной Европе. Эти слова действительно звучали во время обсуждения, хотя позднее оспаривались французами. Боннэ, вероятно, имел в виду, что они относятся только к имевшим место событиям в Чехословакии. Риббентроп, с другой стороны, применил их тоже и, помимо прочего, к будущему отношению Франции к Польше, тем более, что Боннэ ссылался на желательность заключения германско-польского соглашения относительно Коридора и Данцига. У Риббентропа были основания для такой интерпретации ввиду напряженности, существовавшей некоторое время между Парижем и Варшавой. Это нашло свое выражение в злобных нападках на Польшу во французской и британской прессе из-за того, что польское правительство, пользуясь слабостью Чехословакии после Судетского кризиса, заняло Тешинскую область.

Другой особенностью той беседы была яростная атака Риббентропа на Англию. В жестких словах, которые он высказал против британского правительства, британской прессы и отдельных членов парламента, таких как Дафф Купер и Иден, я сразу же узнал сердитый голос его хозяина. Гитлер в то время имел обыкновение кричать: «Во всем виновата Англия!», касаясь международных дел, с таким же постоянством, с каким заявлял о делах внутренних; «Во всем виноваты евреи!». Риббентроп сделал такой упор в Париже на это «во всем виновата Англия», что даже любезный Боннэ весьма резко ответил, что ни при каких обстоятельствах не будет никаких изменений в сотрудничестве Англии и Франции и это должно обеспечить основу для разрядки между Францией и Германией.

Как только Риббентроп сменил тон после жесткого

высказывания Боннэ, я сразу же понял, что Риббентроп просто копирует неприязнь Гитлера к Англии и не пытается вбить клин между Англией и Францией. Он сказал, что одобряет тесное сотрудничество между Францией и Англией, которое дополняет взаимопонимание между Италией и Германией.

Таким образом, атмосфера этого «дружеского визита» отнюдь не соответствовала достижению дружеского взаимопонимания между Францией и Германией в будущем.

С материальной стороны французы не могли постараться лучше, чем это сделали, послав, например, в Берлин для нашей поездки в Париж вагон, специально изготовленный для визита короля Англии. Но в течение переговоров с Риббентропом мы постоянно наталкивались на недоверие французов, особенно со стороны таких постоянных официальных лиц, как Алексис Леже.

Мы, в наших «адмиральских» мундирах, должным образом возложили большой венок на могилу Неизвестного солдата у Триумфальной арки. Ленту со свастикой для него прислали самолетом со специальным курьером из Берлина, потому что наш протокольный отдел забыл положить ее в суматохе перед отъездом. Но у всех у нас было чувство, будто это всего лишь театральный жест.

Такое же чувство, вероятно, было и у парижан по поводу визита в целом. Насколько строгие полицейские меры предосторожности позволили нам наблюдать парижан, они вели себя совершенно безразлично и не проявляли никакого интереса. Все же мир обратил на Париж свой несколько напряженный взор, предполагая, что за трехчасовой беседой на Кэ д'Орсэ кроется гораздо больше, чем содержал на самом деле тот очень поверхностный обмен мнениями.

Я лично приобрел во время этого визита очень интересный опыт, когда мне посчастливилось на приеме в немецком посольстве иметь долгую беседу со знаменитым французским писателем Жюлем Роменом, которого как автора монументального произведения «Люди доброй воли» я высоко ценил. Он был явно приятно удивлен, что кто-то из приехавших в Париж с Риббентропом говорит о его произведении с таким большим энтузиазмом и даже способен сыпать цитатами из него. Я встречал достаточно «людей доброй воли» в политике, чтобы понимать, что спасение мира в то время? да и теперь? зависит от этих людей и что фанатики, какой бы национальности и расы они ни были, являются настоящими врагами человечества.

В конце января 1939 года я сопровождал Риббентропа в Варшаву на очередной «визит доброй воли». Здесь разница между внешней видимостью и внутренней реальностью была еще

больше, чем в Париже.

Вокзал в польской столице, куда мы прибыли 26 января во второй половине дня, был украшен знаменами со свастикой, был почетный караул, и военный оркестр исполнил национальные гимны. Нас принял Бек, министр иностранных дел; его сопровождала многочисленная свита, а также его жена, которая преподнесла букет фрау Риббентроп. Здесь мы также возложили венок на могилу польского Неизвестного солдата. Хотя торжественные заявления о дружбе всего лишь сдержанно высказывались в тостах на банкете, совершенно не упоминались трудности в отношениях, сложившихся между двумя странами и отчетливо выявившихся во время визита Бека в Оберзальцберг в начале года. О них, однако, шла речь в переговорах между Риббентропом и Беком.

В ходе состоявшегося ранее визита Бека к Гитлеру я мог безошибочно предвидеть угрозу затруднений в отношениях между Польшей и Германией, кульминация которых пришлась на 3 сентября 1939 года, когда британский посол вручил мне ультиматум, ввергающий мир в войну.

В том разговоре Гитлер снова высказал предложение, которое уже выдвигалось после Мюнхенского соглашения. Встреча, между прочим, была организована в то время, когда Польша заявила о своих возражениях относительно провозглашения независимости той части Западной Украины, которая раньше принадлежала Чехословакии.

Требования Германии касались в основном возвращения Данцига при условии соблюдения экономических интересов Польши в этом городе. Гитлер выступал также с требованием строительства экстерриториальной магистрали и железной дороги через «Коридор» для обеспечения сообщения между территорией рейха и Восточной Пруссией и предлагал в обмен вновь подписать германско-польский пакт о ненападении. Заключение этого пакта 26 января 1934 года было когда-то первым крупным актом Гитлера в международной политике.

За день до того, как Бек увиделся с Гитлером в Оберзальцберге, Риббентроп несколько часов обрабатывал Бека с той особой настойчивостью, которую наблюдатели и жертвы довольно метко прозвали «настойчивым проникновением», чтобы убедить его согласиться с требованиями Германии в качестве основы для дискуссии. Бек упорно отказывался с таким же упрямством, сохраняя особую решимость относительно Данцига. Если бы Бек повернул дело, как хотелось ему, то урегулирование было бы прямо противоположным: он предлагал соблюдать экономические интересы Германии в Данциге, но отказывался

рассматривать какое-либо политическое присоединение. «Я не могу просить общественность Польши согласиться на это»,? таким всегда был его ответ.

Этот же аргумент Бек повторил у большого окна в номере Гитлера в «Бергхоф», хотя тогда Бек выразил свой отказ в более мягкой форме. Он согласился все же рассмотреть вопрос в целом, но явно дал понять, что позиция Польши будет негативной.

Разумеется, эти разногласия были еще свежи в моей памяти во время встречи в Варшаве. Риббентроп снова попытался с еще большей настойчивостью, чем раньше, заставить Бека согласиться с предложениями Германии. И снова столкнулся с отказом столь же определенным, сколь вежливым и уклончивым по форме, в которую польский министр иностранных дел умел облекать свои высказывания. Это была последняя весомая попытка добиться соглашения путем мирных переговоров.

* * *

Ранним утром рокового дня 15 марта 1939 года, который я лично считаю началом конца, Гитлер принял в Канцелярии доктора Гаха, президента Чехословакии, и его премьер-министра Хвалковского для таинственной беседы, результатом которой стало сенсационное установление немецкого протектората над Богемией и Моравией. Подробности этой акции вызвали много предположений и в то время, и позже. Комната, отделанная темными панелями, освещенная лишь несколькими бронзовыми лампами, производила гнетущее впечатление? подходящее обрамление для трагической сцены той ночи.

Вскоре после часа ночи в этой комнате появился невысокий пожилой человек с темными глазами, поблескивавшими на лице, покрасневшем от возбуждения. Это был преемник Бенеша президент Гаха. Он приложил все усилия, чтобы не дать поводов для критики со стороны своего гигантского соседа Германии, с трех сторон окружавшего уменьшившуюся в размерах Чехословакию. Я часто присутствовал на переговорах в Берлине, когда его министр иностранных дел Хвалковский старался угадать пожелания Риббентропа по выражению его лица, лишь бы не нанести ему ненароком какое-нибудь оскорбление. В области торговли он выражал готовность заключить таможенный союз, гарантируя Германии в основном преференциальный режим, а в политических вопросах покорно выражал свое согласие всеми возможными способами. Этот низкорослый смуглый премьер-министр выразил свое стремление понравиться одной фразой,

которая не могла бы лучше подвести итог ситуации: «И в делах внешней политики мы хотели бы зависеть от Вас, господин Рейхсминистр, если можно».

Но все это было бесполезно; чехи для Гитлера были как красная тряпка для быка. В то время я приписывал это его австрийскому прошлому, тогда как теперь связываю его безрассудную ярость по отношению к чехам с теорией, что у самого него текла чешская кровь в жилах. Уже в начале января я слышал, как в Канцелярии поговаривали, что Гитлер решил ликвидировать чешское государство. Я был взволнован этим известием, потому что сам лично во время Судетского кризиса не раз переводил для Чемберлена заверения Гитлера, будто проблема Судет составляет его последнее территориальное требование. Фраза «Нам не нужны чехи», произнесенная во Дворце спорта, все еще звучала у меня в ушах. Гитлер и Чемберлен уверили друг друга, что «полны решимости разобраться и с другими вопросами… путем консультаций».

Если так явно отреклись от Чемберлена, который являлся образцом дружественной политики по отношению к рейху; если этого человека, пользовавшегося большим уважением во всем мире (включая Германию, что я видел своими глазами), поставили в смешное положение, разорвав все обещания, письменные или устные, и с вызовом бросив к его ногам, то день расплаты не мог быть далеким.

Мое понимание истинных намерений Гитлера подтвердило подоплеку кампании в прессе, развязанной против остатков Чехословакии, и объявление независимости Словакии и Западной Украины. Я не удивился, когда за несколько дней до 13 марта узнал, что ввод войск на чешскую территорию был назначен на раннее утро 15 марта.

Гаха и Хвалковский также видели приближение катастрофы, и это была их отчаянная попытка в последнюю минуту спасти свою страну. Они искали встречи с Гитлером, который согласился принять их в Берлине. На вокзале их встретили со всеми почестями, которые положено оказывать главам государств; когда они приехали в Канцелярию, там их приветствовала группа телохранителей СС, а оркестр СС исполнил полковой марш; и последним штрихом иронии судьбы стал обход Гахой почетного караула.

В мрачном кабинете Гитлера реальность ситуации проявилась в этом контрасте еще более разительным образом. Здесь не было места доверительной беседе одного человека с другим. Присутствовало много людей, но Гаха, Хвалковский и остальные, даже Геринг и Риббентроп, были аудиторией, а Гитлер

оратором.

Мне приходилось работать с Гитлером и на более длинных заседаниях, чем это, которое длилось почти три четверти часа, и я видел его гораздо более возбужденным, чем на этой встрече с чехами, но никогда не составлял я отчета о более важном по своим последствиям разговоре. На самом деле едва ли это можно было назвать разговором; он состоял скорее из одного длинного обвинения, выдвинутого против чехов Гитлером, который и на этот раз повторил тот же перечень преступлений, которые уже в запальчивости перечислял англичанам и французам. Никакого нового пункта не было добавлено. Ничего не изменилось, утверждал Гитлер, по сравнению с режимом Бенеша? дух Бенеша жив и в новой Чехословакии. Он не имеет в виду, сказал он, что не доверяет Гахе? все в Германии убеждены в его лояльности. Но Германия должна установить протекторат над оставшейся территорией Чехословакии ради безопасности рейха.

Гитлер сказал это с большим жаром? он действительно никогда не мог спокойно говорить о чехах и о Бенеше. Однако в ту ночь между ним и Гахой не произошло тех бурных сцен, которые описывались в зарубежной прессе. Как я уже сказал, мне доводилось видеть Гитлера гораздо более взволнованным по другим случаям? например, во время разговора с сэром Горацием Вильсоном в сентябре 1938 года.

Гаха и Хвалковский сидели, будто обратившись в камень, пока говорил Гитлер. Только по глазам было видно, что они живы. Должно быть, это был чрезвычайно тяжелый удар? узнать из уст Гитлера, что их стране пришел конец. Они выехали из Праги в надежде, что смогут переговорить с Гитлером, но еще до того, как Гаха прошел перед строем почетного караула на берлинском вокзале, посол Праги в Берлине сказал им, что немецкие войска пересекли границу в Остраве. Затем Гахе пришлось сидеть и несколько часов ждать в отеле «Адлон» телефонного звонка из Канцелярии. Наконец, Гитлер принял его в час ночи.

Поразительно, как пожилой человек сохранил самообладание перед Гитлером после такого напряжения. «Вводу немецких войск нельзя воспрепятствовать,? сказал Гитлер.? Если вы хотите избежать кровопролития, лучше сразу же позвонить в Прагу и дать указания вашему министру обороны приказать чешским вооруженным силам не оказывать сопротивления». С этими словами Гитлер закончил разговор.

Однако телефонная линия в Прагу была не в порядке. Нервничающий Риббентроп поручил мне выяснить, кто «нас подвел». Я перевернул все вверх дном в почтовом ведомстве, но

лишь получил информацию, что немецкая линия в порядке, а Прага не отвечает.

«Немедленно вызовите ко мне Главного почтмейстера!»? раскричался Риббентроп, багровый от злости. Я удвоил усилия, зная, что неудача в этом деле будет стоить многих жизней.

Тем временем в другой комнате Геринг беседовал с Гахой. Неожиданно пробилась Прага. Я поспешил к ним, чтобы принять там звонок. Они спокойно сидели за столом, беседуя безо всякого признака волнения. Гаха немедленно подошел к телефону, а я остался рядом на минуту, чтобы удостовериться, что он действительно дозвонился. Все было нормально, но мгновение спустя связь снова оборвалась. Я вышел из комнаты, и Риббентроп сказал мне «вытащить Главного почтмейстера из постели» с сердитым намеком, что «министры спят в такой ситуации, когда мы здесь трудимся изо всех сил!»

Только я снова начал набирать телефонный номер, как услышал, что Геринг зовет профессора Мореля, личного врача Гитлера. «Гаха потерял сознание!? сказал Геринг в большом волнении.? Надеюсь, с ним ничего не случится». И задумчиво добавил: «Это был очень напряженный день для такого старого человека».

«Если с Гахой что-нибудь случится,? подумал я,? весь мир завтра скажет, что он был убит в Канцелярии». Внезапно эти мрачные размышления были прерваны вызовом с центрального коммутатора министерства иностранных дел (Риббентроп сказал им, что немедленно уволит всех вместе с их управляющим, «если в течение часа они не добьются связи»), и мне сообщили, что Прага, наконец-то, на линии.

Я вернулся в комнату, где все еще находились Гаха и Геринг, которые тихо разговаривали между собой. Внешне Гаха оправился от обморока. Инъекция Мореля, судя по всему, оказала благотворное воздействие.

Гаха и Хвалковский стали говорить с Прагой, а мы с Герингом вышли из комнаты, пока они продолжали разговор по-чешски. Вероятно, связь была не очень хорошей, потому что Хвалковскому, говорившему первым, пришлось повысить голос и произносить слова очень медленно.

Теперь я должен был подготовить хорошую копию краткого, всего в несколько строчек, коммюнике: «На встрече (Гитлера и Гахи) открыто рассматривалась серьезная ситуация, сложившаяся в связи с событиями последних недель на бывшей чехословацкой территории. Обе стороны выразили убеждение, что все меры должны быть направлены на обеспечение спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии

заявил, что в этих целях и для окончательного успокоения он со всем доверием вверяет судьбу своего народа и страны в руки фюрера? руководителя Германского рейха. Фюрер принял это заявление и объявил свое решение взять народ Чехословакии под защиту Германского рейха и обеспечить автономное развитие его национальной жизни в соответствии с ее специфическими чертами».

Этот текст, заранее подготовленный Гитлером, был подписан им самим и Гахой, а также Риббентропом и Хвалковским 15 марта в 3 часа 55 минут утра. Лишь немногие из тех, кого это коснулось, понимали, покидая тогда большое серое здание на Вильгельмсплац, что конец Чехословакии был в то же время началом конца Германии.

Несколько дней спустя я переводил речь Чемберлена, которую тот произнес 17 марта в Бирмингеме через два дня после этого события: «Общественному мнению во всем мире был нанесен такой удар, какому оно до сих пор еще не подвергалось… Ведя очень честный разговор в Годесберге, Гитлер повторил мне то, что уже говорил в Берхтесгадене, а именно: это его последние территориальные притязания в Европе, и у него нет никакого желания включать в состав рейха людей негерманской расы». Я ясно помнил эти слова Гитлера, потому что сам переводил их Чемберлену. Чемберлен продолжал: «Гитлер сам подтвердил этот итог разговора в речи, с которой он выступил во Дворце спорта в Берлине. „У меня больше нет интереса к чехословацкому государству; это я могу гарантировать. Нам не нужны никакие чехи“. В своем обвинении в адрес Гитлера премьер-министр Чемберлен призвал обратить внимание на Мюнхенское соглашение, подписанное Гитлером, где в параграфе 6 гарантировалось, что окончательное определение границ Чехословакии должно утверждаться Международным комитетом; особое ударение он сделал на слове „окончательное“. В заключение он указал, что в англо-германской декларации, подписанной им самим и Гитлером, „мы заявили, что любой вопрос, касающийся наших двух стран, должен разрешаться путем консультаций… Если так легко найти веские причины для пренебрежения столь торжественно и неоднократно дававшимися гарантиями, то разве не возникает у нас неизбежно вопрос, как можно доверять любым другим заверениям, исходящим из того же самого источника?“ Не знаю, видел ли когда-нибудь Гитлер мой перевод этой речи, но, даже не ознакомившись с высказыванием Чемберлена, он должен был сознавать, какое нарушение доверия он допустил.

«Гитлер действовал за моей спиной, он выставил меня в

смешном свете»,? сказал Даладье немецкому послу в Париже. «Но время разговоров прошло»,? заявил он в парламенте. Он получил чрезвычайные полномочия для укрепления вооруженных сил. Франция и Англия немедленно начали переговоры относительно защиты Польши и Румынии. Европа пришла в движение.

В течение последующих недель моя работа являлась отражением происходившего выравнивания сил. Друзья и враги начали распознаваться следующим образом: среди них были колеблющиеся и неуверенные, метавшиеся между Берлином и западными демократическими государствами.

Вечером 14 апреля я встретился с Герингом в Риме, а на следующий день он объяснял усталому дуче необходимость германской акции против Чехословакии и преимущества, которые это принесет, в частности, приобретение автомобильных заводов «Шкода».

Когда я находился в Риме, появление албанской делегации в национальных костюмах явилось последствием недавнего удара Муссолини по этой стране, на который итальянский посол намекнул Гитлеру как раз перед вступлением в Прагу. Тогда я сделал вывод, что после достижений его собрата-диктатора в Австрии и Чехословакии Муссолини чувствовал настоятельную потребность иметь возможность сообщить и о каких-нибудь своих успехах.

Сначала Гитлер подумал, что планы Муссолини были направлены против Франции, и предупредил его о недопустимости поспешных действий. Я понял, что он был обеспокоен реакцией западных держав на его пражскую авантюру и в тот момент не хотел дополнительных осложнений.

Во время нашего визита в Рим произошло еще одно важное событие. Соединенные Штаты, встревоженные вводом немецких войск в Прагу, вышли на европейскую сцену. Рузвельт направил Гитлеру и Муссолини личное послание, в котором ссылался на то, что «три нации в Европе и одна в Африке потеряли свою независимость». Карделл Холл определенно говорит в своих мемуарах, что даже в то время было ясно, что Рузвельт имел в виду Австрию, Чехословакию и Абиссинию. Рузвельт заявил также, что большая территория другой независимой нации была занята соседним государством, и продолжал: «Доклады, которые мы считаем неподтвержденными, указывают на планируемые в дальнейшем акты агрессии против других независимых наций». Это был явный намек на Польшу, по крайней мере, такое заключение сразу же сделал Геринг, которому я перевел обращение Рузвельта. «Готовы ли вы,? спрашивал Рузвельт Гитлера и Муссолини,? дать гарантию, что ваши вооруженные

силы не нападут и не захватят территории или владения следующих независимых наций?» Далее перечислялись тридцать стран? и в Европе, и в других частях света. Рузвельт предложил сделать это обещание о ненападении действительным в течение периода от десяти до двадцати пяти лет, что должно быть взаимно согласовано со всеми странами, которых это касается. Он предложил также посредничество Америки для урегулирования европейских трудностей за столом переговоров. «Я взял на себя труд,? ответил Гитлер в обращении к Рейхстагу 28 апреля,? запросить упомянутые государства, чувствуют ли они, что им угрожают, и сделал ли мистер Рузвельт свое заявление по их просьбе или по крайней мере с их согласия? Ответ был отрицательным, а в некоторых случаях звучал как подчеркнутое опровержение».

В гневной речи фюрер выражал свою ярость по поводу зарубежной реакции на его пражскую авантюру: «Раз теперь Англия официально и в своей прессе высказывает мнение, что против Германии следует предпринять какие-то действия, и применяет таким образом известную политику окружения государства кольцом враждебных ему стран, то условия Соглашения по военно-морскому флоту больше не действительны. Поэтому сегодня я решил сообщить об этом правительству Великобритании». Так дипломатические лавры, обретенные Риббентропом в 1935 году, были сброшены в пыль. «Я рассматриваю соглашение, заключенное между мною и маршалом Пилсудским, как односторонне нарушенное Польшей и, следовательно, больше не действительное. Я уже сообщил об этом польскому правительству»,? таким был гневный ответ Гитлера на англо-французские гарантии Польше. Эта речь транслировалась и была вызывающе отослана в американское посольство с примечанием, что это ответ на обращение Рузвельта.

Среди колеблющихся, которые еще не примкнули ни к одной из сторон, был министр иностранных дел Румынии Гафенку, который посетил Берлин 19 апреля. Риббентроп сурово упрекнул его за то, что в момент потрясения, последовавшего за вводом войск в Прагу и оккупацией Албании, Румыния приняла гарантии Великобритании.

Еще одним колеблющимся был Павел, принц-регент Югославии, находившийся в Берлине в начале июня. Этот высокообразованный человек, интересовавшийся искусством, часто говорил в моем присутствии, что очень сожалеет, что его призвали принять бразды правления после убитого короля Александра. Гитлер пытался произвести на него впечатление демонстрацией германской военной мощи. Готовясь к

празднованию своего пятидесятилетия, Гитлер сказал Риббентропу: «Посмотреть на парад самой современной из всех армий следует пригласить как можно больше неуклюжих штатских и демократов»; и в июне он подверг принца Павла этому лечению, но с таким же успехом, с каким это подействовало на Гафенку. Его разговоры с премьер-министром Болгарии, с которым я встречался в Софии в 1938 году, также дали подобный результат.

Осечка получилась и с Генеральным секретарем Министерства иностранных дел Турции Нуманом Менеменкоглу, который в июле имел продолжительную беседу с Риббентропом в его загородном доме в Зонненбурге. С поразительной настойчивостью Риббентроп упорно оказывал на него давление с целью очистить Турции путь для присоединения к государствам «Оси» и включить Германию в Конвенцию Монтре по Босфору и Дарданеллам. Однако Нуман с удивительной, почти акробатической ловкостью все время уклонялся от принятия решения, и после нескольких часов такого разговора даже упрямый Риббентроп мрачно отказался от борьбы.

В конце мая и в начале июня я также принял участие в кратких переговорах в Берлине между Риббентропом и министрами иностранных дел Дании и прибалтийских государств Эстонии и Латвии, на которых были заключены пакты о ненападении между этими странами и Германией. Таким было косвенное последствие обращения Рузвельта.

* * *

В результате ответных мер, принятых западными демократическими государствами, произошла значительная консолидация наших связей с Италией. 4 мая я отправился с Риббентропом в Милан, где он встречался с Чиано. Оба министра иностранных дел после долгого спора согласились на официальный договор, в пункте III которого предусматривалось: «Если одна из договаривающихся сторон будет вовлечена в войну с другой державой, вторая договаривающаяся сторона немедленно придет ей на помощь как союзник и поддержит ее всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе». По условиям пункта V обе страны принимали обязательство «в случае совместного ведения военных действий заключать перемирие и мир только по взаимному согласию».

Но только 22 мая этот так называемый «Стальной пакт» был с большой помпой подписан в Берлине Риббентропом и Чиано в

присутствии Гитлера. Он представлял собой агрессивный ответ Гитлера на оборонительные меры, принятые Великобританией и Францией: более тесное англо-французское сотрудничество, англо-французские гарантии Польше к Румынии, обширные полномочия, данные Даладье для укрепления национальной обороны, и введение 27 апреля 1939 года воинской повинности в Англии.

Будущая расстановка сил обозначилась более четко. Италия теперь окончательно привязала себя к Германии, но как и на переговорах с Герингом в Риме, так и теперь в Берлине я отметил некоторую сдержанность Чиано, как будто он был встревожен собственной безрассудной смелостью. В своих беседах с Риббентропом и Гитлером итальянский министр иностранных дел делал упор на общую потребность обоих партнеров по «Оси» в периоде мирного развития, который, по его оценкам, должен был продолжаться по крайней мере три года.

В течение лета напряженность в Европе нарастала с каждым днем. Приготовления к войне велись более или менее открыто в каждой стране; угрозы, предостережения и призывы заполняли эфир и полосы газет.

После ряда визитов, которые закончились в июле бесплодным разговором Риббентропа с Менеменк-оглу, я отправился в отпуск в Нордерней с тяжелым предчувствием, что буду чрезвычайно занят в следующем месяце. Не успел я устроиться, как меня позвали к телефону. «Нам очень жаль,? услышал я голос друга из министерства иностранных дел,? но тебе придется прервать свой отпуск. Специальный самолет министерства иностранных дел уже вылетел за тобой. Пожалуйста, будь на аэродроме через два часа».

Старенький AMYY прибыл вовремя. Пилот, мой тезка, не знал, куда мы летим. «Я получил инструкции прямо перед взлетом»,? загадочно сказал он. Мы полетели на другой конец рейха? в Зальцбург, где меня ждал сюрприз? визит Чиано. Он прибыл туда 11 августа.

Я нашел итальянскую делегацию в состоянии большого возбуждения. «Помяните мое слово,? сказал мне Аттолико,? Англия и Франция решились вступить в войну, если Германия выступит против Польши, как она это сделала в отношении Чехословакии». Я согласился без колебаний: «Меня в этом не нужно убеждать. Если ваш министр иностранных дел выразит это мнение в своем разговоре с Гитлером, можете положиться на меня? я переведу то, что он скажет самым убедительным образом и очень подчеркнуто».

«Вам предстоит много работы,? ответил Аттолико.? Вам фактически придется переводить Канцлеру то, о чем я вам

говорил. По этой причине Муссолини и послал Чиано к Гитлеру».

Мы поехали на машине в замок Фушл, одно из загородных имений Риббентропа, где Чиано, хоть и говорил, как ангел, и подчеркивал слабость Италии, не произвел на Риббентропа никакого впечатления, который, будто собака на поводке, гневно обрушивался на Англию, Францию и Польшу и преувеличенно хвастался мощью Германии. После разговора в Фушле мы с Чиано совершили экскурсию в Сент-Вольфганг, где проходил веселый народный праздник, и поужинали в Вайсе Россл среди ни о чем не подозревавших летних посетителей. Таким же образом несколькими неделями раньше на заключении военного союза в Милане итальянцы развлекали нас на Вилле д'Эсте на озере Комо. Эти жизнерадостные и приятные моменты находились в поразительном контрасте с грозовыми облаками, заволакивавшими небо над Европой.

На встрече, состоявшейся на следующий день, Гитлер был настроен воинственно. То, что Риббентроп снова был голосом своего хозяина, стало ясно из идентичности его аргументов и доводов Гитлера. «Это все из-за англичан»,? такой была основная тема Гитлера. «Полякам следует преподать суровый урок. Демократические страны не так сильны, как Германия, и не будут сражаться»,? так звучал припев; военное и техническое превосходство рейха лежало в основе всех утверждений.

В этот первый день Чиано очень энергично возражал Гитлеру. Он получил подробные указания от дуче, как писал потом в своем дневнике, указать Гитлеру на «безумие» развязывания войны. Со всем возможным красноречием он в соответствии с полученным напутствием неоднократно подчеркивал, что война против Польши ни в коем случае не ограничится этой страной. На этот раз западные демократические страны непременно объявят войну. Действуя, очевидно, по указаниям дуче, Чиано постоянно возвращался к теме слабости и неподготовленности Италии, прямо ставя Гитлера в известность, что Италия сможет продержаться в войне самое большее несколько месяцев: нехватка одних лишь материальных ресурсов не позволит ей вести войну более долгое время. Он не мог выразиться еще более определенно. В заключение он предложил выпустить коммюнике, предлагающее провести международные переговоры для урегулирования проблем, угрожающих миру в Европе. Риббентроп уже раньше отверг это коммюнике и, напротив, выдвинул проект документа, в котором говорилось о «впечатляюще тесном союзе двух наций».

Во время встречи с Чиано в Бергхофе на следующий день Гитлер произнес фразу, до сих пор звучащую в моих ушах: «Я

неколебимо убежден, что ни Англия, ни Франция не вступят во всеобщую войну». В тот второй день Чиано не делал больше попыток заставить Гитлера прислушаться к совету Муссолини. Он больше не говорил о неспособности Италии принять участие в военных действиях. Совершенно необъяснимым образом он сложился, словно складной нож. «Вы так часто оказывались правы, в то время как мы придерживались противоположного мнения,? сказал он,? что, я думаю, очень возможно, и на этот раз Вы видите все лучше нас».

Я был глубоко разочарован, а Аттолико, когда я рассказал ему, что Чиано отступил, выразил остальным итальянцам свою большую озабоченность относительно результатов, к которым могла привести новая позиция министра иностранных дел. При таких обстоятельствах вопрос о коммюнике для прессы отпал сам собой. Чиано не указал, что Италия имеет право ввиду ее договора с Германией настаивать на совместном принятии решения насчет позиции относительно Польши.

Во второй половине того же дня Чиано покинул Зальцбург. «Я возвращаюсь в Рим,? отметил он в своем дневнике,? полный отвращения к Германии, ее фюреру и их поведению».

Разумеется,»мне не предоставили самолет, чтобы вернуться на Северное море, и мне оставалось быть благодарным, что Риббентроп позволил мне продолжить отпуск. На следующий день я снова приехал в Нордерней.

* * *

Несколько дней спустя мне опять позвонили из министерства иностранных дел. «К сожалению, тебе придется еще раз прервать отпуск»,? сказали мне. На мой сердитый вопрос, что стряслось на этот раз, мой друг не мог дать ответ. «Наверное, ты сможешь снова купаться в Северном море через несколько дней»,? все, что я смог из него вытянуть. Пилот-капитан Шмидт, появившийся над островом два часа спустя, тоже не имел представления, куда мне предстояло направиться.

«Я только должен доставить Вас в Берлин. Кроме этого я ничего не знаю»,? сказал он мне, пока мы летели над островами Северного моря.

Когда я добрался до Берлина, меня ждала сенсация в виде запечатанного конверта на моем письменном столе в министерстве иностранных дел. Я получил указание лететь в Москву с Риббентропом, чтобы присутствовать на его встрече со Сталиным. В этом случае я ехал не в качестве переводчика, так

как я не говорил по-русски. В мои функции входило составление отчета о ходе переговоров и запись любых соглашений, которые могут быть достигнуты. Этого я ожидал меньше всего. Переводчик по сути своей профессии вряд ли не найдет слов, но в этом случае все слова вылетели бы у меня из головы, если бы я попытался выразить свое изумление. Друзья действительно намекали мне, что Гитлер уже некоторое время кокетничает идеей сближения с Советским Союзом. Человек, связанный и с Гитлером, и с Риббентропом, Гевел, тоже рассказывал мне, с каким восторгом, почти с восхищением Гитлер говорил о Сталине, когда в Канцелярии показывали кинохронику, в которой русский диктатор дружелюбно кивал своим солдатам на параде. Но я не придавал особого значения таким вещам, и в результате новый поворот оказался для меня почти таким же сенсационным, как для Германии и всего мира. «Зловещая новость разразилась над миром как взрыв»,? пишет Черчилль в своей книге «Приближение бури».

Впечатление, которое произвела эта новость на друзей и знакомых в Берлине, которые, естественно, завидовали моей поездке на «далекую планету», после первого потрясения от удивления, несомненно, было мрачным. И напротив, преобладающим ощущением в Берлине и, без сомнения, во всей Германии было облегчение? во всяком случае, что касается общественности в целом. Чувствовалось, что германо-советское соглашение, к которому, казалось, располагал этот визит, могло бы устранить опасность войны. Повсеместно придерживались мнения, что таким образом будет разорвано кольцо враждебных государств вокруг Германии и что при таких обстоятельствах Франция и Англия не станут вступать в войну из-за Польши, ведь в прошлом году, когда группировка сил была гораздо более благоприятной, они не подняли оружие ради Чехословакии.

22 августа я самолетом отправился в Москву вместе с Риббентропом и большой делегацией. Мы провели ночь в Кенигсберге, но об отдыхе не было к речи. Всю ночь Риббентроп готовил материалы для своих переговоров со Сталиным, заполняя многочисленные листы рукописными пометками, которые все разрастались и разрастались по мере того, как проходила ночь, делались звонки в Берлин и Берхтесгаден с запросами по поводу самых неотложных документов, и вся команда сбилась с ног.

Мы, более молодые члены делегации, воспользовались свободным временем, чтобы поднять прощальный тост за мир в баре Парк-отеля, где остановились. В отличие от общественности Германии, мы были далеки от утешительной мысли насчет перспективы взаимопонимания с русскими. Я, в особенности

теперь, достаточно хорошо знал Гитлера, чтобы сознавать, что если с тыла его защитит Сталин, он станет еще более неосторожным и безответственным в своей внешней политике.

На следующий день мы отбыли в Москву, пролетая по пути над бескрайними русскими равнинами с их густыми лесами, далеко отстоящими одна от другой деревнями и одинокими хуторами с их темными, крытыми соломой крышами, которые сразу же после пересечения границы напомнили, что мы больше не в Германии, где крыши из красной черепицы ярко выделялись среди возделанных полей. После четырех часов полета мы достигли Москвы, морем домов напоминавшей Берлин или Лондон с воздуха. Вся делегация, включая Риббентропа, потрясенно смотрела через иллюминаторы. Наступил великий момент приземления на «далекую планету».

Что прежде всего поразило меня, едва я вышел из самолета, так это щит со словом «Москва», написанным по-французски, а рядом с ним флаг со свастикой в дружеском соприкосновении с флагом с серпом и молотом. Перед ним стоял Потемкин, депутат народного комиссариата иностранных дел, чья фамилия, казалось, символически подчеркивала нереальность всей сцены. Он возглавлял делегацию официальных лиц, прибывших встретить нас. С ним были итальянский посол Россо, с которым я познакомился в Женеве, и немецкий посол фон Шуленбург. Мы поехали в Москву в русских машинах, очень удобных и похожих на американские бьюики. «Диктаторам, кажется, нравится великолепие широких дорог»,? размышлял я, в то время как мы ехали в Москву по широкой, прямой как стрела автостраде. Окрестности этой дороги показались мне такими же блеклыми и удручающими, как те, что можно видеть теперь в берлинской части района Тиргартена? чье нынешнее состояние является прямым и, будем надеяться, последним последствием этого визита в Москву.

Вся делегация была размещена в немецком посольстве или в домах работников посольства. Торопливо перекусив, Риббентроп немедленно отправился на встречу с Молотовым в Кремль. Мы явно очень спешили. Я должен был бы поехать вместе с ним, но мой багаж, в котором находился полагавшийся по такому случаю даже в Москве темный костюм, задержался по пути с аэродрома.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы погулять по Москве с женой моего хозяина, которая отлично говорила по-русски. Со своими большими широкими проспектами, площадями с церквями, переполненными трамваями, оживленными улицами, запруженными автомобильным и конным транспортом, город на первый взгляд поражал почти ошеломляющим сходством с

другими большими европейскими городами. Лишь присмотревшись пристальнее, я был поражен главным отличием. Жизнерадостное выражение на лицах людей, привычное для меня в толпе на улицах Берлина, Парижа или Лондона, казалось, отсутствовало здесь, в Москве. Люди смотрели прямо перед собой серьезно и почти отрешенно. Очень редко во время моей многочасовой прогулки по Москве мне встречалось улыбающееся лицо.

Как не было смеющихся лиц, так и не было ярких цветов в одежде москвичей, насколько мне показалось. Изредка попадались лишь белые головные уборы, которые вносили немного жизни в серость лиц и одежды. Хотя почти все были одеты чисто и аккуратно, едва ли кто-то шел в лохмотьях, однако серая пелена грусти и подавленности, казалось, окутывала все и всех. В отношении домов это впечатление было вызвано тем фактом, что их давно не красили и не чистили. Многие из них производили такое же впечатление, как район возле Шлезише Штацион в Берлине сразу же после первой мировой войны и революции 1918 года.

Несколько построенных по американскому образцу новых небоскребов, где размещались министерства, имели внушительный вид. Спустившись в знаменитое метро, я испытал такое же восхищение, какое высказывали все гости с Запада, побывавшие в Москве. Линия была не слишком длинной, но ее станции, украшенные мрамором, с хорошим освещением, удобство и чистота в сверхсовременных вагонах, великолепная вентиляция могли посрамить метро Берлина, Лондона, Парижа и Мадрида. Стоявшие рядом со мной москвичи смотрели на меня молча, безо всякого выражения на лицах. Как объяснила моя спутница, по одежде, особенно по моим кожаным туфлям, они сразу же узнали во мне иностранца. Если бы на мне были мои белые легкие туфли, которые я носил в Нордернее, я был бы менее приметным, потому что обувь из серой и белой парусины, казалось, в то время была самой модной в Москве.

Я думал совершить капиталистический поступок в коммунистической столице, сделав кое-какие покупки, но в этом мне не повезло. В магазинах, на витринах которых было выставлено кое-что из товаров, ежедневная норма уже давно была продана. Даже до начала войны нехватка товаров здесь была такой острой, какой стала в Берлине во время войны, а моей спутнице отвечали русским эквивалентом фразы «У нас этого нет и не будет», ставшей привычной во всех берлинских магазинах к концу войны.

Когда я вернулся вечером в посольство, Риббентроп вернулся

из Кремля. Энтузиазм в отношении Молотова и Сталина, который, похоже, присоединился к разговору позднее, буквально переполнял его. «Дела с русскими идут великолепно,? то и дело восклицал он за поспешным ужином.? Мы, несомненно, придем к соглашению еще до ночи».

Линия раздела сфер интересов России и Германии в Польше, ставшая такой знаменитой и обусловившая новый раздел этой страны, уже, судя по всему, обсуждалась на том послеобеденном заседании. Риббентроп направил по телефону из посольства запрос в Германию, спрашивая мнение Гитлера, согласится ли тот, если порты на Балтийском море Либау[6] и Виндау[7] отойдут к русской сфере интересов. Через полчаса пришел утвердительный ответ Гитлера.

Сразу же после быстро проглоченного ужина Риббентроп помчался обратно в Кремль с Шуленбургом и доктором Гаусом, начальником юридического отдела. К моему сожалению, я не поехал с ними. Хильгер, переводчик с русского, тоже должен был составлять отчеты о переговорах. «Я не хочу, чтобы новое лицо вдруг появилось среди тех, кто уже принимает участие в переговорах»,? объяснил Риббентроп. Я был немного расстроен, осознав, что задержка грузовика с багажом лишила меня возможности свести личное знакомство со Сталиным. С Молотовым я довольно близко познакомился, когда он приехал в Берлин в 1940 году на переговоры с Гитлером? по этому случаю я снова взялся за прежнюю работу, состоявшую в записи встреч. Но тем не менее я узнал о сути кремлевских разговоров, когда Риббентроп и его компания вновь появились в посольстве после окончания переговоров. Они пребывали в наилучшем расположении духа. При разборе отдельных пунктов дискуссии Риббентроп с восторгом сообщал любому, кто готов был слушать, о Сталине и о «людях с сильными лицами», которые работают с ним. Казалось, он особенно радовался договоренностям об отошедших к Германии и России сферах интересов в Восточной Европе, подробности которых еще некоторое время держали в секрете. Той же ночью я бросил взгляд на этот секретный протокол относительно этих территорий, подписанный Риббентропом и Молотовым. Вводные фразы, чрезвычайно зловещие в свете существовавшего в тот момент политического положения, гласили: «В случае территориальной и политической переориентации… „Предусматривалось, что прибалтийские государства Финляндия, Эстония и Латвия отойдут к российской сфере интересов. Что касалось „территории польского государства“, то демаркационная линия должна была проходить примерно по течению рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, будет

ли существовать независимое польское государство, обе стороны должны были решить позднее. „В отношении Юго-Восточной Европы“ я прочел: «Советская Россия заявляет о своем интересе к Бессарабии. Германия, со своей стороны, выражает полное отсутствие политического интереса к этим территориям“.

Намерения двух договаривающихся сторон едва ли могли быть выражены более определенно. Я понял, что мы правильно провозглашали наш тост прощания с миром в Кенигсберге.

Затем Риббентроп и его спутники восторженно описывали небольшой импровизированный праздник, который Сталин устроил после подписания этого соглашения. Как «добрый отец семейства», Сталин лично позаботился о своих гостях. По русскому обычаю, тосты следовали один за другим. Сталин предложил выпить за здоровье Гитлера со словами: «Я знаю, как сильно народ Германии любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».

Мне было также интересно услышать, что скажут те, кто присутствовал на переговорах о замечаниях Сталина насчет самых насущных вопросов. «Англия виновата во всем»,? таков был, естественно, припев Риббентропа. Сталин согласился и добавил некоторые замечания о слабости Англии, хотя, сказал он, какой бы слабой ни была Англия, она будет сражаться жестко и упорно. Сталин, казалось, оценивал силу Франции выше, чем Риббентроп. В отношении Италии Сталин задал вопрос, не присоединили ли итальянцы Албанию с некоторым прицелом на Грецию. Насчет Японии Сталин был очень неразговорчив. Когда Риббентроп предложил посредничество Германии, Сталин не отклонил предложение, но сказал в своей прямолинейной манере: «Я знаю азиатов лучше. С ними иной раз нужно обходиться сурово».

Имея возможность так близко наблюдать за заключением договора с Россией, я с особым интересом прочел в истории войны Черчилля о заявлении, которое сделал ему Сталин в августе 1942 года. У русских, сказал Сталин, сложилось впечатление, что англичане и французы не имели намерения вступать в войну, если бы совершилось нападение на Польшу, скорее, они надеялись испугать Гитлера единым фронтом Великобритании, Франции и России. Русские, однако, были уверены, что Гитлер не позволит себя испугать. Черчилль цитирует это заявление в связи с длившимися неделю переговорами, которые англо-французская миссия проводила в Москве, пытаясь вовлечь Россию в «дипломатический фронт» против Германии. Мы не видели членов миссии в Москве во время нашего пребывания там, хотя в то время они находились в

Москве. Они уехали с пустыми руками.

«Обе договаривающиеся стороны будут воздерживаться от любого акта применения силы, любого агрессивного действия, любого нападения друг на друга»,? говорилось в статье I «Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик», должным образом подписанного Молотовым и Риббентропом, который тот, сияя от радости, демонстрировал ранним утром в посольстве.

Мы отбыли в Берлин в час дня 24 августа, проведя в Москве лишь двадцать четыре часа. Риббентроп, несомненно, установил рекорд скорости в дипломатии, даже по современным стандартам. К их удивлению, в этом раунде дипломатического соревнования Гитлер и Сталин поставили шах и мат Англии и Франции.

Перед отъездом из Москвы я пошел посмотреть на Красную площадь и Мавзолей Ленина. Русские крестьяне в длинной очереди терпеливо ждали перед Мавзолеем, чтобы увидеть мумифицированного предшественника Сталина в его стеклянном гробу. По своему поведению и выражению лиц эти русские были похожи на набожных паломников. «В простом русском народе,? сказал мне один работник посольства,? не уважают того, кто был в Москве и не видел Ленина».

Величественная Кремлевская стена производила незабываемое впечатление, как и сам Кремль с его многочисленными башнями с большими красными звездами, которые светились в темноте? я видел это накануне вечером.

Наша делегация была такой многочисленной, что для этой поездки потребовалось два самолета «кондор». Один должен был доставить Риббентропа прямо к Гитлеру в Берхтесгаден, тогда как второй летел в Берлин. Так как я был единственным «туристом»? не выполнявшим на тот момент никаких обязанностей и все же присутствовавшим,? я получил место во втором самолете, взлетавшем через час после первого. Я подумал, что этот интервал в один час, соблюдавшийся, когда мы останавливались в Кенигсберге и спокойно ждали отлета самолета Риббентропа, сохранится и на этот раз, но второй самолет взлетел сразу же за первым. За годы работы среди высокопоставленных персон Европы меня часто фотографировали, и я всегда жалел, что нет никакой фотографии, запечатлевшей тот момент, когда я стоял на земле, глупо глядя вслед моему улетающему самолету.

Во время краткого визита в ресторан при аэродроме я узнал, что оба «кондора» имели боевую броню. За последние несколько дней напряженность между Германией и Польшей настолько усилилась, что машины «Люфтганзы» часто попадали под обстрел

польских зенитных батарей. «Железнодорожное сообщение с Рейхом было приостановлено сегодня»,? сказал мне один из свидетелей, когда я спросил о поездах. Я поспешил в Бюро воздушных сообщений. «Как можно быстрее бегите на другой конец поля. Запасная машина вот-вот отправится в Берлин без пассажиров». Я понесся рысью, жестами отчаянно показывая летчикам, уже запустившим двигатель, чтобы они меня подождали. Я с облегчением увидел, что винты машины стали вращаться медленнее. Открылась маленькая дверца в хвосте «Ju-52», радист помог мне подняться в самолет, и я рухнул на ближайшее сиденье. Мы сразу же взлетели.

«Можно взглянуть на Ваш пропуск?»? сказал пилот.? В такое время лишняя предосторожность не помешает». Он тоже упомянул о польских обстрелах. «Мы не такие важные, как те другие,? сказал он, имея в виду Риббентропа и его делегацию.? У нас нет боевой брони, но мы пролетим подальше над Балтикой, где поляки нас не достанут, если только не погонятся за нами на истребителях и не заставят нас приземлиться». Из предосторожности я подготовил свои документы для уничтожения. Я должен был быть уверен, что они не попадут в руки поляков в случае вынужденной посадки. Но ничего такого не случилось, я приземлился в Берлине через полчаса после Риббентропа. Ему пришлось сменить маршрут на Берлин, потому что сам Гитлер направлялся туда. Весь этот эпизод показал мне, насколько в действительности близка была война между Польшей и Германией.

За время моего пребывания в Москве один из коллег сопровождал британского посла в Берхтесгаден. Гендерсон вручил Гитлеру персональное письмо от Чемберлена. Премьер-министр писал между прочим: «Очевидно, известие о германо-советском соглашении воспринято в некоторых кругах в Берлине как показатель того, что вмешательство Великобритании в польские дела больше не является обстоятельством, с которым приходится считаться. Большей ошибки нельзя было бы допустить. Какой бы характер не носило германо-советское соглашение, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши, о которых правительство Его Величества неоднократно и открыто заявляло публично и которые намерено соблюдать».

К этому предостережению Чемберлен добавил такие слова: «Высказывалось мнение, что если бы правительство Его Величества заняло более определенную позицию в 1914 году, можно было бы избежать большой катастрофы. Верно или неверно такое предположение, но правительство Его Величества

убеждено, что на этот раз не будет такого трагического неправильного понимания ситуации».

Это было сказано достаточно откровенно; но Чемберлен, болезненно переживавший разочарование после ввода Гитлером войск в Прагу, выразился еще более ясно и определенно: «Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово использовать все вооруженные силы, которые имеются в его распоряжении, и невозможно предвидеть, каким будет конец однажды начатых военных действий. Было бы опасной иллюзией думать, что если война начнется, то закончится быстро, даже если будет достигнут успех на одном из нескольких фронтов, на которых придется биться».

Чемберлен дополнил это ясное и недвусмысленное предупреждение предложением начать дружественные переговоры и прекратить антипольскую пропагандистскую кампанию. Он предположил также, что немедленно должны начаться прямые переговоры между Германией и Польшей: «Ввиду тяжких последствий для человечества, которые могут последовать в результате действий их руководства, я надеюсь, Ваше превосходительство, Вы взвесите с величайшей осмотрительностью доводы, приведенные мною».

Я нашел английский текст этого письма на своем письменном столе, вернувшись из Москвы.

В своем ответе Гитлер выдвинул яростные обвинения против Польши. Он сослался на предложения Германии относительно Данцига и «коридора» и в заключение высказал резкую критику в отношении Англии: «Безоговорочные гарантии, которые Англия дала Польше, обязуясь при любых обстоятельствах прийти на помощь этой стране в любом конфликте, независимо от его причин, может быть понято в Польше только как поощрение к немедленному началу террора против полутора миллионов немцев, проживающих там». Жестокости, терпеть которые не может такая великая держава, как германский Рейх, нарушение обязательств относительно свободного города Данцига, экономическое удушение? такими были основные пункты письма Гитлера, который сделал вывод: «Таким образом, я должен сообщить Вашему превосходительству, что если будут осуществлены объявленные (Англией) военные меры, я немедленно отдам приказ о мобилизации германского вермахта».

На следующее утро, 25 августа, меня вызвали в Канцелярию, чтобы я перевел для Гитлера некоторые особенно резкие отрывки из заявлений, сделанных Чемберленом и Галифаксом в обеих палатах Парламента. «Я не намерен скрывать от Палаты,? сказал Чемберлен в Палате общин,? что это сообщение (о советско-

германском Пакте о ненападении) явилось для правительства неожиданностью, и неожиданностью очень неприятной». «В Берлине,? продолжал он,? эту весть приветствовали с чрезвычайным цинизмом как большую дипломатическую победу, которая устраняет какую-либо опасность войны, так как Франция и мы сами, по всей видимости, не собираемся выполнять свои обязательства по отношению к Польше. Мы сочли своим первейшим долгом разрушить подобные опасные иллюзии». Заявление Галифакса в Палате лордов было легко переводить, так как оно почти полностью совпадало с заявлением Чемберлена. Эти высказывания заставили Гитлера задуматься, но он ничего не сказал.

Когда примерно в час пополудни британский посол прибыл по вызову в Канцелярию, я заметил, что письмо Чемберлена и его заявление в Палате общин произвели на Гитлера определенное впечатление. Гитлер был сравнительно спокоен и сказал Гендерсону, что подумал о последних словах, сказанных в Берхтесгадене о взаимопонимании между Англией и Германией, и хотел бы сделать окончательное предложение относительно англо-германского урегулирования. Он сослался на заявления Чемберлена и Галифакса, которые я перевел для него утром, и пришел при этом в некоторое возбуждение. Приведя длинный перечень обвинений в адрес поляков, в том числе стрельбу по гражданскому самолету, он воскликнул: «Македонским условиям на нашей восточной границе необходимо положить конец!» При любых обстоятельствах проблему Данцига и вопрос о «коридоре», сказал он, следует урегулировать.

«Вчера в Палате общин ваш премьер-министр произнес речь, которая ни в коей мере не меняет отношения Германии. Единственным результатом этой речи может стать кровопролитная и непредсказуемая война между Германией и Англией. Но на этот раз Германии не придется сражаться на два фронта, так как соглашение с Россией является безоговорочным и представляет долгосрочное изменение в немецкой внешней политике».

В заключение своей обвинительной речи он произнес фразу, представляющую особый интерес в свете последующих событий: «Россия и Германия никогда больше не поднимут оружие друг против друга».

Затем последовало его знаменитое предложение гарантии незыблемости Британской империи и даже предложение оказать помощь «в любой части света, где такая помощь может понадобиться». Ограничения в вооружении, гарантии западных границ и другие темы стали завершением этого удивительного

предложения. Ничего больше не говорилось о польском вопросе, за исключением того, что Гитлер заявил: «Германско-польская проблема должна быть решена и будет решена».

Предложения, содержавшиеся в этой беседе, были извлечены из моего отчета, и я в тот же день должен был вручить их Гендерсону в посольстве Великобритании. По предложению Гитлера посол на следующее утро, 26 августа, отправил их в Англию специальным немецким самолетом.

Вскоре после визита британского посла появился Аттолико. Гитлер уже написал Муссолини, намекая, что, вероятно, он будет вынужден вскоре выступить против Польши и что он надеется на «понимание Италии». Ответа дуче он ожидал с нескрываемым нетерпением и был чрезвычайно разочарован, когда Аттолико сказал ему, что хотя инструкции для него отправлены из Рима, но он их еще не получил. Гитлер так хотел побыстрее получить ответ, что послал Риббентропа позвонить Чиано. Судя по всему, ему очень нужно было заручиться «пониманием» Муссолини, прежде чем предпринять серьезные шаги против Польши. Риббентроп вернулся быстро, так как ему не удалось дозвониться до Чиано. Аттолико отпустили с холодной вежливостью.

Вскоре после этого ожидался визит французского посла, поэтому я остался в кабинете Гитлера. Таким образом, я стал свидетелем того, какое впечатление произвело на него известие о только что заключенном официальном пакте о взаимопомощи между Англией и Польшей. Я имел возможность прочесть, бросив взгляд из-за его плеча, отчет, присланный из отдела прессы, а потом наблюдал, как он мрачно сидел за своим столом, пока не объявили о приходе французского посла Кулондра.

Кулондр был преемником Франсуа-Понсе, которого перевели в Рим вскоре после Мюнхенской конференции. Нового французского посла я знал более десяти лет; он был главой отдела внешней торговли министерства иностранных дел Франции, и, следовательно, сидел напротив меня на бесчисленных заседаниях во время длительных франко-германских торговых переговоров. В ходе этих переговоров элегантный, темноволосый француз-южанин всегда поражал меня как «человек доброй воли», осмотрительно и умело заботившийся о защите интересов своей страны и в то же время умевший смотреть за пределы Франции. Я был рад, что он приехал в Германию в качестве посла не только потому, что очень высоко ценил его, но и потому, что знал по опыту о его таланте дипломата, столь необходимом для предотвращения катастрофы в тот критический период с 1938 по 1939 год.

Как и год назад, во времена Судетского кризиса, когда я был

поражен государственной мудростью и большим дипломатическим мастерством Франсуа-Понсе, так и теперь его преемник Кулондр в том остром разговоре 25 августа 1939 года противостоял Гитлеру. Фюрер сделал такое же заявление, как Гендерсону четырьмя часами раньше. Он гневно обрушился на поляков, чьи провокации описывал как невыносимые. Даже угроза войны с Англией и Францией не заставят его, сказал он, отказаться от защиты интересов Германии. Он будет особенно сожалеть, если Франция и Германия будут втянуты в войну, так как после его официального отказа от претензий на Эльзас и Лотарингию между двумя соседями не было конфликтных вопросов. Свое заявление Гендерсону Гитлер подтвердил письменно, а в данном случае удовлетворился тем, что попросил Кулондра лично передать его мнение Даладье.

В разговоре с Кулондром он разгорячился, только когда заговорил о поляках, и выразил глубокое сожаление, упомянув о возможности войны между Германией и Францией. Тогда у меня сложилось впечатление, что он механически повторял то, что сказал Гендерсону, а мысли его блуждали далеко. Было очевидно, что он хочет побыстрее закончить деловую встречу.

Однако, когда он уже приподнялся со стула, давая понять, что разговор закончен, Кулондр не позволил так просто отделаться от себя. Он очень многозначительно попросил разрешения сразу же дать ответ на некоторые заявления Гитлера. Как и Франсуа-Понсе, он говорил убедительно. Его заключительные слова я потом часто вспоминал: «В такой критической ситуации, как эта, герр Рейхсканцлер, непонимание между странами является самым страшным. Следовательно, чтобы прояснить суть дела, я даю Вам честное слово французского офицера, что французская армия будет сражаться на стороне Польши, если эта страна подвергнется нападению». Затем, повысив голос, продолжал:

«Но я также могу дать Вам мое честное слово, что французское правительство готово сделать все возможное для сохранения мира и стать посредником в вопросах урегулирования в Варшаве».

«Почему же тогда Вы дали Польше карт-бланш действовать по ее разумению?»? сердито парировал Гитлер.

Не успел Кулондр ответить, как Гитлер вскочил и бросился в новую атаку против Польши. «Мне больно сознавать необходимость вступления в войну против Франции, но это решение не зависит от меня»,? сказал он и протянул руку Кулондру, заканчивая разговор. С французским послом он едва ли поговорил полчаса.

Следующий из вызванных уже ждал у дверей. Это был Аттолико, который на этот раз принес столь нетерпеливо ожидаемый ответ на доверительное послание Гитлера о готовящемся вторжении в Польшу. «В один из самых трудных моментов моей жизни,? писал Муссолини,? я должен сообщить Вам, что Италия не готова к войне».

Письмо было подобно разорвавшейся бомбе. Казалось, Гитлер забыл ясное указание Чиано несколькими днями раньше, что Италия в военном отношении не готова. Он испытал горькое разочарование в связи с этим внезапным и для него совершенно неожиданным отступничеством союзника. «Согласно тому, что сообщают мне начальники служб,? продолжал Муссолини,? запасы горючего в итальянских военно-воздушных силах так малы, что их хватит лишь на три недели боевых действий. Такая же ситуация с поставками для армии и с запасами сырья. Лишь командующий военно-морским флотом смог избежать обвинения в нерадивости: флот готов к военным действиям и обеспечен достаточным количеством горючего. Пожалуйста, поймите, в каком положении я оказался».

Гитлер с ледяным видом отослал посланца Муссолини, сказав лишь, что ответит на письмо незамедлительно. «Итальянцы ведут себя совсем как в 1914 году»,? услышал я его слова, когда Аттолико вышел; и в течение ближайшего часа на всю Канцелярию разносились пренебрежительные замечания о «вероломном партнере по „Оси“.

Я остался в Канцелярии, так как в любой момент могли состояться новые встречи. Следующие несколько дней я там находился почти круглосуточно. До самого начала войны здесь была нескончаемая череда бесед между Гитлером и послами. Так, присутствуя на этих дипломатических беседах, я имел возможность из-за кулис выявить последовательность событий. Во всех комнатах и коридорах Канцелярии было много людей, снующих взад-вперед, причем преобладали военные.

Когда я покидал кабинет Гитлера вместе с Аттолико и прощался с ним, мимо меня к Гитлеру быстро прошел Кейтель. Пока я стоял, размышляя, к какой из различных групп, стоявших в холле, присоединиться, Кейтель стремительно вышел из кабинета Гитлера. Я слышал, как он взволнованно разговаривает со своим адъютантом, и уловил слова: «Приказ о выступлении может быть снова задержан».

Впоследствии слухи оказались верными, хотя в напряжении работы этих последних дней я обращал на них мало внимания. Приказ о выступлении на самом деле был отдан соответствующим службам. Беседуя с офицерами, ожидавшими в

холле, я выловил еще некоторые подробности. Все они хотели знать, соберется ли снова «мой класс».

«Если бы вы могли сказать мне, что приказ к выступлению отменен,? ответил я,? то я сказал бы, что возвращение моего класса в Мюнхен возможно».

«Будет ужасная путаница и много проклятий на приграничных дорогах,? говорил один майор,? если войска, выступившие к границе, одновременно получат приказ возвращаться». Он добавил: «В этом следует винить вас, дипломатов, вам нужно было заранее подумать об этом, а не гонять нас как раз в то время, когда все начинает казаться иным». Это была жесткая, но заслуженная критика «дипломата» Гитлера. В Третьем рейхе даже министр иностранных дел не мог принимать решения, не говоря уже о презираемых дипломатах министерства иностранных дел.

В тот же вечер 25 августа Гитлер коротко и холодно ответил Муссолини. Он запросил сведения о сырье и вооружении, в котором Италия нуждалась, чтобы вести войну. На следующий день мы перевели ответ Муссолини, который принес Аттолико. Запросы были настолько большими, что Германия не смогла бы выполнить их. Было совершенно ясно, что Муссолини предпринял обходной маневр. Италия снова подверглась оскорблениям? но не Муссолини.

Однако нам пришлось перевести еще одно письмо от Гитлера к Муссолини. Тот просил своего союзника держать в секрете решение сохранить нейтралитет и создать видимость подготовки к войне, чтобы смутить западные державы. Несколько часов спустя вновь появился Аттолико? Муссолини согласился и на то, и на другое.

В последующие несколько дней устные и письменные контакты с послами в Берлине и государственными деятелями в Лондоне, Париже и Риме продолжались почти непрерывно. Это было нечто вроде дистанционной конференции по телефону и телеграфу, и в качестве переводчика я был так же занят, как в прошлом году в Мюнхене, где договаривающиеся стороны сидели друг против друга за столом переговоров.

«Если на Польшу будет совершено нападение, честь Франции потребует, чтобы она выполнила свои обязательства»,? написал Даладье Гитлеру.

«Разве Франция не действовала бы таким же образом, если бы, например, вдруг Марсель был отторгнут от своей родной страны и в его возвращении Франции было бы отказано?»? ответил Гитлер. «Все возвращается к природе урегулирования с Польшей и к методам, которыми оно достигается,? прочел я,

переводя Гитлеру ответ Лондона на его исчерпывающее предложение, сделанное Великобритании.? Этих пунктов, важность которых не может не беспокоить ум канцлера, его послание не касается, и правительство Его Величества считает своим долгом указать, что необходимо достигнуть взаимопонимания для обеспечения дальнейшего движения вперед». Наряду с подчеркнутой решимостью Великобритании выполнить свои обязательства по отношению к Польше, в этой ноте отклонялось обсуждение грандиозного предложения Гитлера сотрудничать с Британской империей: «Правительство Его Величества не может, какие бы преимущества ни предлагались Великобритании, молчаливо согласиться на соглашение, которое подвергло бы опасности независимость государства, которому оно дало гарантии». В качестве следующего шага предлагалось возобновление прямых переговоров между польским и германским правительствами, относительно которых уже были получены «определенные заверения от правительства Польши». Нота заканчивалась следующими недвусмысленными словами: «Простое урегулирование этих вопросов между Германией и Польшей может открыть путь к миру во всем мире. Неудача в попытке достичь его разрушит надежды на лучшее взаимопонимание между Германией и Великобританией, приведет обе страны к конфликту и, вполне вероятно, ввергнет весь мир в войну. Такой исход был бы бедствием, не имеющим параллелей в истории».

Эту ноту Гендерсон вручил вечером 28 августа. Гитлер реагировал на удивление спокойно. Казалось, британское предложение его каким-то образом заинтересовало.

В течение последующих часов до позднего вечера мы переводили ответ Гитлера. Он не отличался сдержанностью. «Варварская жестокость, которая вопиет к небесам», «преследование немецкого населения в Польше», «убийство немцев, проживающих в стране или их принудительная эвакуация при самых жестоких обстоятельствах», «состояние дел, невыносимое для великой державы»? таковы некоторые примеры, свидетельствующие об общем тоне.

«Эти условия теперь вынудили Германию, месяцами остававшуюся пассивным наблюдателем, предпринять необходимые активные шаги для обеспечения законных интересов Германии,? продолжался наш перевод.? Настоящие требования немецкого правительства соответствуют пересмотру Версальского договора, что всегда признавалось необходимым, а именно: возвращение Данцига и „коридора“ Германии и защита немецкого населения на остальной части польской территории».

Гитлер выражался достаточно конкретно. «При таких обстоятельствах,? писал он,? немецкое правительство принимает предложение правительства Великобритании о посредничестве, в соответствии с которым польский участник переговоров с нужными державами будет направлен в Берлин. Прибытие посланца Польши ожидается в среду 30 августа 1939 года, и правительство сразу же подготовит свои предложения».

Гендерсон внимательно прочитал этот документ на очередной встрече с Гитлером на следующий день, 29 августа. «Это похоже на ультиматум,? таким был его комментарий по поводу краткого срока, отведенного на прибытие польского участника переговоров.? У поляков едва ли будет двадцать четыре часа, чтобы подготовить план».

Гитлер разбил наголову это справедливое замечание Гендерсона, как и те, что тот выдвигал в Годесберге. «Времени мало,? сказал он,? потому что существует опасность, что новые провокации могут привести к развязыванию войны». Опасность взрыва из-за постоянных инцидентов в то время, казалось, действительно нарастала с каждым часом.

Вскоре Аттолико вновь пришел повидаться с Гитлером. Муссолини сообщил, что британское правительство по разным поводам выражало ему свою готовность к проведению переговоров. Из этого послания у меня сложилось ясное впечатление, что Муссолини хотел взять на себя инициативу по созыву конференции. Гитлер, очевидно, тоже понял это, но не собирался принимать какое-либо посредничество со стороны «вероломной» Италии. Он с подчеркнутой холодностью ответил Аттолико, что уже связался напрямую с англичанами, и подтвердил, что готов принять представителя Польши на переговорах.

На следующий день, 30 августа, воцарилось относительное спокойствие. Мы занимались оформлением предложений Гитлера относительно урегулирования по Данцигу и «коридору». Когда я увидел эти предложения, то едва мог поверить своим глазам. Предполагался плебисцит по вопросу о Польском коридоре под наблюдением международной комиссии британских, французских, итальянских и русских представителей; Гданьск оставался за Польшей; Польше отдавалась международная магистраль и железная дорога на территории, которая становилась германской. Эти предложения отличались духом, имевшим мало общего с национал-социалистскими методами и идеями, которые Гитлер высказывал ранее. Это было предложение вполне в духе Лиги Наций. Мне показалось, будто я снова нахожусь в Женеве.

Незадолго до полуночи 30 августа, как раз перед истечением срока немецкого ультиматума насчет приезда представителя Польши, неожиданно позвонили из британского посольства. Гендерсон хотел вручить Риббентропу ответ британского правительства на документ Гитлера, полученный накануне.

Последовавший затем разговор был самым бурным из всех, которые мне пришлось переводить за двадцатитрехлетний срок работы в качестве переводчика. В чрезвычайно напряженной атмосфере нервы и у Гендерсона, и у Риббентропа были на пределе после затянувшихся переговоров последних дней. Риббентроп только что приехал прямо из Канцелярии и находился в состоянии крайнего возбуждения.

«Что же они решили на этот раз?»? гадал я, в то время как министр иностранных дел Германии с бледным лицом, поджатыми губами и блестящими глазами сидел напротив Гендерсона за небольшим столом в бывшем кабинете Бисмарка. Он поздоровался с Гендерсоном строго официально, храня ледяное выражение лица. Беседа частично проходила по-немецки, так как Гендерсон любил говорить на нашем языке, хотя и не был в этом большим мастером. В этом важном разговоре он бы лучше и с большей ясностью выразился по-английски. Но и раньше он часто прибегал к немецкому языку и, по-моему, считал это дружеским жестом.

Прежде всего Гендерсон напомнил о сообщениях, полученных нами в письменном виде из британского посольства в тот день, начиная с заявления о том, что «неразумно» ожидать, будто посольство Великобритании сможет организовать приезд польского представителя в Берлин в течение двадцати четырех часов.

Риббентроп вспылил. «Время истекло,? подчеркнуто спокойно сказал он.? Где поляк, которого должно было доставить ваше правительство?»

Кроме того, Гендерсон вручил личное сообщение от Чемберлена Гитлеру, в котором говорилось, что Великобритания сделала заявления в Варшаве, чтобы избежать пограничных инцидентов. Он упомянул также, что Великобритания посоветовала Польше стремиться к сдержанности и требует от Германии такой же политики.

«Это поляки агрессоры, а не мы!? приходя во все большее возбуждение, парировал Риббентроп.? Вы обратились не по адресу».

Когда затем Гендерсон сказал, что, имея дело с Польшей, рейх должен следовать обычной процедуре и передать предложения Германии через польского посла в Берлине,

Риббентроп совершенно потерял самообладание. «После того, что произошло, об этом не может быть и речи!? крикнул он Гендерсону.? Мы требуем, чтобы участник переговоров, уполномоченный своим правительством, прибыл сюда в Берлин».

Гендерсон тоже начал терять спокойствие, типично британское хладнокровие, которое было для него характерно. Он покраснел, и руки у него начали дрожать, в то время как он продолжил чтение официального ответа на гитлеровский меморандум. Британская нота вкратце касалась предложений относительно англо-германских отношений и сосредотачивалась в основном на споре по поводу Польши. Во избежание инцидентов обе стороны должны были воздержаться от передвижения войск во время переговоров.

По мере того как зачитывались отдельные пункты, Риббентроп постоянно прерывал Гендереона. «Это неслыханное предложение»,? рассерженно заявил он, услышав о рекомендации относительно прекращения передвижения войск. Потом скрестил на груди руки и с вызовом глянул на Гендерсона. «Что еще Вы собираетесь сказать?»? рявкнул он, давая понять, что Гендерсон может продолжать.

«Британское правительство,? сказал он,? располагает информацией, что немцы совершали акты саботажа в Польше».

«Это проклятая ложь польского правительства!? в ярости вскричал Риббентроп.? Я могу лишь сказать Вам, герр Гендерсон, что ситуация чертовски серьезная!»

Теперь и британский посол потерял самообладание. Предостерегающе подняв указательный палец, он выкрикнул: «Вы только что сказали „чертовски“. Это не то слово, которое следует употреблять государственному деятелю в такой тяжелой ситуации!»

У Риббентропа перехватило дыхание: один из этих «неуклюжих» дипломатов, какой-то посол, какой-то наглый англичанин осмелился сделать ему замечание, как школьнику! Риббентроп вскочил со стула. «Что Вы сказали?»? прорычал он. Гендерсон тоже поднялся на ноги. Оба в упор смотрели друг на друга.

В соответствии с дипломатическими условностями мне тоже следовало подняться, но, честно говоря, я не знал, как следует вести себя переводчику, когда собеседники переходят от слов к делу,? и я действительно опасался, что они могут так и поступить. Поэтому я продолжал спокойно сидеть, притворяясь, что делаю записи в блокноте. Я слышал, как два бойцовых петуха тяжело дышат у меня над головой. Самое меньшее, что может теперь случиться, подумал я, это если министр иностранных дел

рейха вышвырнет посла Его Британского Величества за дверь. С годами переводчик приобретает вкус к гротескным ситуациям, но я не нашел ничего комичного в этой сцене? она была чрезвычайно тягостна для единственного зрителя.

К счастью, до рукопашной дело не дошло. Я продолжал кропать каракули в своем блокноте, прислушиваясь ко все более тяжелому дыханию справа и слева, а потом Риббентроп сел, а вслед за ним? и Гендерсон. Я поднял голову и по их лицам понял, что буря миновала.

Некоторое время беседа проходила в относительном спокойствии. Затем Риббентроп вынул из кармана какую-то бумагу: это были предложения Гитлера Лиге Наций по урегулированию польского вопроса. Он прочел их Гендерсону по-немецки, однако, не требуя особой спешки в их немедленном выполнении, как заявлял позднее. Напротив, он уточнил некоторые пункты. Потом последовал настоящий сюрприз.

Гендерсон спросил, может ли он получить текст этих предложений для передачи его правительству. В соответствии с обычной дипломатической процедурой это предполагалось само собой, и я был весьма удивлен, что Гендерсону вообще потребовалось спрашивать об этом. Ожидая, что Риббентроп вручит ему документ безо всяких комментариев, я едва поверил своим ушам, когда услышал его ответ. «Нет,? сказал он с неуместной улыбкой,? я не могу вручить Вам эти предложения».

Гендерсон, должно быть, подумал, что ослышался, и снова повторил свою просьбу. И вновь Риббентроп ответил отрицательно. Он швырнул документ на стол со словами: «Он просрочен, потому что польский представитель не появился».

Теперь я, в свою очередь, пришел в волнение. Я вдруг понял, в какую игру играли Гитлер и Риббентроп. В тот момент я понял, что громкие предложения Гитлера делались всего лишь напоказ и никогда не предполагалось, что они будут выполняться. Вручить документ Гендерсону отказались из боязни, что британское правительство передаст его полякам, а те вполне могли принять предлагаемые условия. Редко у меня возникало сожаление, что я как переводчик не могу вмешиваться в разговор. Говорить что-либо от себя лично является смертным грехом для переводчика. Так он может создать путаницу. И мне не оставалось ничего иного, кроме как сидеть, скрипя зубами, в то время как шанс добиться мира преднамеренно саботировался у меня на глазах. Так вот что, размышлял я, обсуждали в Канцелярии Гитлер и Риббентроп.

Я сделал последнюю отчаянную попытку намекнуть на содержание документа Гендерсону, пристально глядя на него и

мысленно высказывая пожелание, чтобы он попросил английский перевод предложений Германии. Едва ли Риббентроп смог отказать ему в этом, а я стал бы переводить так медленно, чтобы Гендерсон успевал делать заметки. Но британский посол никак не реагировал, и мне не оставалось ничего иного, как поставить толстую красную отметку в моем блокноте в том месте, где я кратко записал отказ Риббентропа как знак того, что в этот час был сделан выбор в пользу войны.

То, что я был прав в предположении, почему предложения Гитлера передавались таким своеобразным образом, подтвердил позднее сам Гитлер в моем присутствии.

«Мне нужно было алиби,? сказал он,? особенно перед народом Германии, чтобы показать, что я сделал все для сохранения мира. Этим объясняется мое великодушное предложение по урегулированию вопросов о Данциге и „коридоре“.

* * *

На следующий день, 31 августа, ближе к вечеру я присутствовал на самой короткой встрече, в которой когда-либо принимал участие. Польский посол Липский явился к Риббентропу и вручил ему краткое сообщение польского правительства о согласии принять предложение Великобритании о проведении прямых переговоров между Германией и Польшей и незамедлительно послать немецкому правительству ответ на его предложения.

«У Вас есть полномочия вести с нами сейчас переговоры по предложениям Германии?»? спросил Риббентроп.

«Нет»,? ответил польский посол. «Ну тогда нет смысла продолжать этот разговор»,? сказал Риббентроп, и встреча закончилась. Как раз перед этим Аттолико виделся с Риббентропом, чтобы снова предложить услуги Муссолини как посредника. Очевидно, у нашего министра иностранных дел тоже не было полномочий проводить переговоры, потому что он сказал, что должен спросить у Гитлера. Через полчаса Аттолико вернулся за ответом; ответ был отрицательным. Риббентроп сказал, что далее должны действовать Англия и Франция: требования Германии сообщили и им.

В Канцелярии снова кипела напряженная работа. Я ждал здесь в полной готовности к дальнейшим переговорам, когда вечером 31 августа услышал, что Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу и что войска должны были пересечь границу

в 5.45 на следующее утро. «По приказу Фюрера и Верховного Главнокомандующего вермахт выступил на защиту рейха. В соответствии с инструкциями по контролю над польской агрессией войска германской армии сегодня рано утром провели контратаку по всей германо-польской границе. Одновременно эскадрильи военно-воздушных сил взлетели, чтобы атаковать военные объекты в Польше. Военно-морской флот выступил на защиту Балтийского моря»,? таким было первое военное коммюнике второй мировой войны, выпущенное 1 сентября 1939 года. «Прошлой ночью польские солдаты регулярной армии впервые открыли огонь на своей собственной территории,? раздавался из громкоговорителей утром 1 сентября хриплый, возбужденный голос Гитлера.? Снова я надел мундир, который был для меня самой лучшей и любимой одеждой. Я сниму его только после победы… »

В тот же вечер британский и французский послы потребовали немедленной совместной встречи с министром иностранных дел. Риббентроп отказался увидеться с ними обоими одновременно и назначил встречу с британским послом на 9.30, а с французским послом на 10 часов вечера.

«Своей акцией немецкое правительство создало ситуацию, при которой правительства Соединенного Королевства и Франции должны выполнить свои обязательства и поддержать Польшу. Следовательно, если правительство Его Величества не получит от германского правительства удовлетворительных заверений, что германское правительство прекратило всякие агрессивные действия и готово вывести войска с польской территории, то правительство Его Величества без промедления выполнит свои обязательства по отношению к Польше»,? переводил я Риббентропу английскую ноту, которую Гендерсон принес с собой. Риббентроп вел себя так, будто не понимал по-английски. Он оставался абсолютно спокойным. И снова, казалось, у него не было полномочий дать ответ, и он ограничился уверением, что передаст это сообщение Гитлеру.

Сразу же вслед за Гендерсоном появился Кулондр и вручил почти такую же ноту на французском языке. Ее я тоже перевел, так как Риббентроп вдруг оказался неспособным понимать и по-французски. Как и британский посол, Кулондр потребовал немедленного ответа, на что Риббентроп мог лишь ответить, что доложит об этом деле Гитлеру. На следующий день, 2 сентября, по британскому и французскому радио передали «Приказ о всеобщей мобилизации в Англии» и «Мобилизация во Франции».

Утром того же дня Аттолико поспешил в министерство иностранных дел. «Муссолини предлагает и Великобритании, и

Франции потребовать от Германии и Польши немедленно заключить перемирие»,? сказал он на одном дыхании. Предложение Муссолини состояло в том, что фронты должны стабилизироваться на имеющихся позициях, а затем должна быть созвана международная конференция для рассмотрения германо-польских вопросов и других требований по пересмотру границ.

Полчаса спустя он был принят Риббентропом, который задал единственный вопрос: «Были ли ноты, врученные вчера Англией и Францией, ультиматумами или нет? Если были, то не может даже ставиться вопрос об обсуждении итальянского предложения».

До сих пор перед глазами у меня стоит Аттолико, человек не первой молодости, выбежавший из кабинета Риббентропа и устремившийся вниз по ступенькам лестницы, чтобы проконсультироваться с Гендерсоном и Кулондром.

По-моему, ноты, о которых шла речь, были ультиматумами, и я не верил, что мой «класс» соберется снова после вмешательства Муссолини в одиннадцать часов. Однако, к моему удивлению, всего через полчаса после своего ухода Аттолико прибежал обратно таким же запыхавшимся, каким прибегал раньше: «Нет, эти ноты были не ультиматумами, а предупреждениями».

Очевидно, западные державы тоже прибегли к лавированию, как делал это Гитлер в прошлом году и опять лишь несколько дней тому назад.

Во второй половине дня Аттолико снова пришел повидаться с Риббентропом, и у меня появились надежды.

Я так и не смог точно выяснить, как реагировал Гитлер на итальянское предложение. И к вечеру мы узнали, что британское правительство настаивает на освобождении польской территории, оккупированной германскими войсками. В 8 часов вечера меня вызвали в Канцелярию, где подавленный Аттолико сообщил Гитлеру, что британское правительство не примет предложения Муссолини, пока не будет освобождена территория Польши. Он добавил также, что французское правительство явно долго колебалось, соглашаться или нет с итальянским предложением, но, наконец, заняло позицию Великобритании.

* * *

Уже после полуночи позвонили из британского посольства и сказали, что Гендерсон получил из Лондона указания передать в 9 часов утра сообщение от правительства и просит Риббентропа принять его в министерстве иностранных дел в это время. Было ясно, что это сообщение не может содержать ничего приятного и

что это может быть настоящий 214 ультиматум. Поэтому Риббентроп не проявлял никакого желания принять утром британского посла, Я случайно оказался рядом с ним.

«На самом деле Вы вполне могли бы принять британского посла вместо меня,? сказал он мне.? Просто спросите англичан, устроит ли их это, и скажите, что министр иностранных дел не может принять их в 9 часов». Англичане согласились, и я получил указания принять Гендерсона наутро, то есть через пять часов, так как было уже 4 часа утра.

В воскресенье 3 сентября 1939 года после напряженной работы последних нескольких дней я проспал, и пришлось взять такси, чтобы добраться до министерства иностранных дел. Пересекая Вильгельм плац, я видел, как Гендерсон входил в здание. Я воспользовался боковым входом и ровно в 9 часов стоял в кабинете Риббентропа, готовый принять Гендерсона. О приходе Гендерсона объявили, когда часы били девять. Он вошел с очень серьезным видом, обменялся со мной рукопожатиями, но сесть отказался и остался торжественно стоять посередине комнаты.

«Я сожалею, что в соответствии с указаниями моего правительства я должен вручить Вам ультиматум для правительства Германии»,? сказал он с большим волнением, а затем, все так же стоя, зачитал британский ультиматум: «Более двадцати четырех часов истекло с того момента, когда был потребован немедленный ответ на предупреждение 1 сентября, и с тех пор атаки на Польшу лишь стали более интенсивными. Если правительство Его Величества не получит удовлетворительных заверений о прекращении всех агрессивных действий против Польши и о выводе немецких войск из этой страны к 11 часам по британскому летнему времени, то с этого времени Великобритания и Германия будут находиться в состоянии войны».

Закончив чтение, Гендерсон передал мне ультиматум и попрощался со словами: «Мне искренне жаль, что я должен вручить такой документ именно Вам, так как Вы всегда старались помочь как можно лучше».

Я также выразил мои сожаления и добавил несколько теплых слов. Я всегда питал величайшее уважение к британскому послу.

Затем я понес ультиматум в Канцелярию, где все ждали меня в большом беспокойстве. Большинство членов кабинета и высокопоставленных членов партии собрались в комнате, примыкавшей к кабинету Гитлера. Создалось нечто вроде давки, и я с трудом проталкивался к двери кабинета Гитлера.

«Какие новости?»? спрашивали отовсюду. Я мог лишь ответить: «»Класс» распущен».

Когда я вошел в следующую комнату, то увидел, что Гитлер сидит за своим письменным столом, а Риббентроп стоит у окна. Оба выжидающе смотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола Гитлера и стал медленно переводить ультиматум правительства Великобритании. Когда я закончил, воцарилась полная тишина.

Гитлер сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Он не был растерян, как утверждали потом одни, и не впал в ярость, как заявляли другие. Он просто сидел спокойно и неподвижно.

После паузы, которая показалась вечностью, он повернулся к Риббентропу, все так же стоявшему у окна. «Что теперь?»? спросил Гитлер с таким видом, словно давал понять, что назначенный им министр иностранных дел неправильно информировал его о возможной реакции Англии.

Риббентроп спокойно ответил: «Полагаю, через час французы вручат нам подобный ультиматум».

Так как мои обязанности на этом заканчивались, я удалился. Столпившимся вокруг меня в приемной я сказал: «Англичане только что передали нам ультиматум. Через два часа Англия и Германия будут находиться в состоянии войны». В приемной после этого известия установилась глубокая тишина.

Геринг повернулся ко мне и сказал: «Если мы проиграем эту войну, то пусть Бог смилостивится над нами!»

Геббельс стоял в углу удрученный и отрешенный. Все в комнате выглядели очень озабоченными.

Кулондр вручил Риббентропу идентичный ультиматум, срок которого истекал в 5 часов дня.

По иронии судьбы, в тот вечер я уезжал на восток из затемненного Берлина в специальном поезде министерства иностранных дел с той самой платформы того же самого вокзала, с какой покинул свой родной город в 1917 году в качестве солдата.

Глава шестая
1940 г

Когда я ехал ночью 3 сентября 1939 года к секретному месту моего назначения в Восточный Главный штаб немецкой армии, мне казалось, что мои функции устного переводчика на этом заканчиваются. Язык оружия, который теперь должен был царить в общении между народами всего мира, не нуждался в переводе. Но, как выяснилось, в этом я ошибался.

Оказалось, что Главный штаб находится в Померании, недалеко от польской границы. Я был там не в качестве переводчика, а работал в подразделении министерства иностранных дел. Несколько месяцев тому назад я был переведен из бюро переводов, где работал со времени моего поступления в министерство иностранных дел в 1923 году. Перемещение было произведено в начале 1939 года с той целью, чтобы я постоянно находился в распоряжении Риббентропа как переводчик. Риббентроп ревниво следил за тем, чтобы ни один из прочих членов кабинета министров не принимал участия в международных делах, и, следовательно, не был склонен позволять остальным пользоваться моими услугами, как делало это обычно министерство иностранных дел. «К сожалению, я не могу отпустить господина Шмидта»,? таким был неизбежный ответ на такие просьбы.

Я очень сожалел о потере свободы, будучи таким образом прикован к кабинету министра, и мне также не нравилось ограничиваться в своей работе документами. Да, я имел дело с широким спектром конфиденциальных вопросов, но они не представляли для меня большого интереса. Как устный переводчик я был осведомлен обо всем, чего касались в своих беседах высокопоставленные личности, но я стал так безразличен к секретам, что больше не искал их, а ждал, что они сами найдут дорогу к моим ушам? как это фактически и было. Так что моя работа была лишена и этой привлекательной черты…

В начале второй мировой войны Верховное главнокомандование вооруженных сил размещалось в трех поездах: так называемом поезде «Фюрер», поезде Главного штаба вермахта и поезде «Генрих» для штатских, которые работали в Главном штабе. В их число входили: Гиммлер (отсюда и «Генрих»), Риббентроп и Ламмерс. «Генрих» был выставкой достижений железнодорожного транспорта на колесах. Здесь был представлен весь путь развития железнодорожных вагонов? от

старинных разукрашенных карет, в которых путешествовал Карл Великий, до вагон-салона Риббентропа новейшей конструкции, с обтекаемыми линиями. Поезд был составлен из вагонов почти всех моделей, которые когда-либо катились по немецким дорогам. «Это потрясающий экспресс»,? сказал однажды Гитлер, увидев, как проносится мимо «Генрих» с коротким, но высоким «Большим герцогским салоном», старыми деревянными вагонами-ресторанами и суперсовременными вагонами «Сигнал».

Тем не менее и в таких условиях обстановка постепенно становилась невыносимой из-за постоянных трений между Гиммлером, Риббентропом и Ламмерсом. Если бы эти трое продолжали и дальше ездить вместе, то поезд, несомненно, взорвался бы от внутреннего напряжения при условии, что не разлетелся бы на куски еще раньше по причине противоположных взглядов его пассажиров насчет политических и географических путей, по которым они хотели следовать. Однако в начальный период все они более или менее двигались в одном направлении и даже имели обыкновение наносить визиты в салоны друг друга.

Небольшая бригада из министерства иностранных дел, сопровождавшая Риббентропа, жила в спальном вагоне, а работала в одном из деревянных вагонов-ресторанов. Аккумуляторы вагона-ресторана были такими слабыми от старости, что когда поезд где-нибудь останавливался даже на полчаса, свет медленно, но верно угасал. Тогда нам приходилось прибегать к свечам, воткнутым в пустые бутылки, «как будто мы живем в трущобах», говорили наименее воинственные, или «как будто мы ужинаем у „Саварена“, поговаривало большинство „неуклюжих пацифистов“, как именовал Риббентроп дипломатический корпус.

Сам министр иностранных дел беспокоил нас мало. Он сидел в своем салоне-кабинете и управлял операциями. Большей частью это заключалось в многочасовых телефонных разговорах с министерством иностранных дел в Берлине, в ходе которых он приходил в неистовство. Его вопли разносились далеко вокруг по уединенной железнодорожной ветке, на которую наш поезд обычно отгоняли.

Риббентроп загружал меня работой с утра до ночи, так как я был единственным старшим официальным лицом из его министерства, оказавшимся с ним в том поезде. Мне пришлось поддерживать постоянную телефонную связь с Берлином, для чего понадобились все мои переводческие способности. Выговоры министра второму секретарю в Берлине вроде «Скажите этому быку… „следовало перевести по телефону на более приемлемый язык. Поток негодующих восклицаний „трусы“, „лентяи“,

„болваны“ и «люди, которые, кажется, не знают, что идет война“ изливался из вагона министра, и ему следовало придать другой вид, прежде чем он достигнет места назначения. Все это очень выматывало.

Одной из моих обязанностей было составление ежедневного отчета о военном положении. Каждое утро я, спотыкаясь, брел по железнодорожным путям к поезду «Фюрер» со свернутой в рулон большой картой под мышкой. Пока я беспомощно стоял перед крупномасштабной картой боевых действий, в мучениях перенося новые линии фронтов на свою карту, одному из моих знакомых в Генеральном штабе обычно становилось жаль меня. Он принимался наносить умело я четко красные и голубые стрелы, которые то продвигались вперед, то откатывались назад (там, где атаки были отбиты)? все безупречно аккуратно, с необходимыми пояснениями. Вернувшись в «Генрих», я, перешагивая через спящих, с каждым шагом чувствовал свою роль все более значительной, пока не входил в кабинет министра иностранных дел, чтобы' по всем правилам дать отчет о ситуации. Не знаю, что извлекал из этих отчетов Риббентроп? на моих коллег, казалось, производило большое впечатление, как я охватывал ладонью отдельные участки, тыкал пальцем в выступы или изображал окружение, изогнув руку. Несколько дней меня называли не иначе, как Наполеон.

Моя военная слава была кратковременной, так как из Генерального штаба прибыл полковник, чтобы осуществлять постоянную связь с нашей группой. Моя работа снова ограничилась телефонными разговорами с «идиотами» или краткими письменными сообщениями «бездельникам» и «недоумкам» в Берлин.

Некоторое время этот Главный штаб на боковой ветке небольшой прифронтовой станции, названия которой я не помню, был идеальной целью для атак с воздуха. Для нашей защиты была прислана тяжелая зенитная батарея, а «Генрих» имел свою собственную защиту в виде двух миниатюрных зенитных орудий, установленных на грузовиках, с двух концов поезда. Работников министерства иностранных дел обучали артиллерийскому делу? однажды ночью один из них случайно выстрелил из орудия, заряжая его.

Во второй половине сентября я попал в гущу событий. Поводом был ввод советских войск в Польшу; этого известия все мы ждали с некоторым нетерпением.

Одной из основных забот Риббентропа было следить, чтобы управление зарубежной пропаганды находилось в его руках, а не в руках Геббельса. Это приводило к постоянному трению между

ними и поглощало большую часть времени и нервной энергии Риббентропа, даже в самые критические моменты войны.

В ночь на 17 сентября Риббентроп продержал нас до 2 часов утра. В 5 часов я получил по телефону указание сообщить ему, что русские войска вступили на польскую территорию. Я передал ему эту новость в 8 часов утра. Риббентроп был вне себя от ярости, что я не разбудил его в пять. «Немецкая и русская армии идут навстречу друг другу, могут быть столкновения? и все из-за того, что Вы промедлили и не разбудили меня!»? кричал он. Я напрасно пытался успокоить его, указав, что демаркационная линия уже была согласована и что немецкие и русские военные пользуются прямой связью. Это не привело ни к чему хорошему. Он стоял с намыленным лицом, размахивая бритвой, одетый лишь в брюки? костюм, в котором даже государственный деятель великой и победоносной нации может выглядеть очень смешным. «Вы вмешались в ход мировой истории!? громыхал он.? У Вас в этом нет никакого опыта!»

Вскоре я узнал, что этот скандал не имел никакого отношения к ходу мировой истории, а был связан в основном с личной войной Риббентропа с Геббельсом. Именно Геббельс, а не начальник пресс-службы министерства иностранных дел, сообщил в Берлине эту новость международной прессе.

Теперь Главный штаб был переведен в роскошный отель «Казино» в Сопоте на Балтийском море, недалеко от Данцига. Сидя за завтраком на террасе ресторана, мы могли наблюдать, как два старых немецких крейсера бомбардируют польскую базу в Хеле, находившуюся в 18 милях от того места. Крейсеры с их высокими трубами и палубными надстройками придавали всей этой сцене вид морского боя со старинной картины, особенно когда польская артиллерия отвечала тем же и вокруг кораблей вздымались водяные всплески. Наш отель находился вне пределов досягаемости польских орудий, иначе мало что осталось бы от этого прекрасного здания. Ровно в полдень «морское сражение» прерывалось, корабли уходили, и представление повторялось в то же время на следующий день.

20 сентября 1939 года Гитлер произнес большую речь в историческом Артусхофе прекрасного города Данцига, где горожане устроили ему восторженный прием. «Впервые я стою;? сказал он,? на земле, которую немецкие поселенцы обрели за пятьсот лет до того, как первые белые люди обосновались в нынешнем штате Нью-Йорк. И на последующие пятьсот лет эта земля была и оставалась немецкой. И она будет, пусть знает каждый, всегда немецкой».

В первый и единственный раз я слушал речь Гитлера от

начала до конца, не выполняя официальных функций переводчика. Мне было особенно интересно увидеть, как были представлены общественности события, в которых я сам участвовал. «Я разработал новый план,? заявил Гитлер, имея в виду свои предложения по урегулированию польского вопроса,? о нем доложили британскому послу; его прочли ему предложение за предложением, и, кроме того, мой министр иностранных дел дал подробные объяснения». Я мысленно вернулся к бурной встрече между Риббентропом и Гендерсоном, когда «объяснение» чуть не кончилось дракой. Хотя я слушал очень внимательно, но не услышал никакого указания на тот факт, что Гендерсону отказали в получении текста этих предложений.

«Польша выбрала войну и теперь получила ее… „Прошло восемнадцать дней. Никогда прежде в истории сказанное не было воплощено более точно и полно: «Господь разорвет их на куски, и коня и всадника, и повозку и возницу“. Так говорил Гитлер-победитель, описывая блицкриг в Польше. Он был торжествующим и непреклонным.

«Пусть война продлится три года, слова „капитуляция“ не прозвучит? даже будь это четыре года, пять, шесть или семь лет»,? с ужасом услышал я его слова. Он продолжал эту похвальбу, порой в агрессивном тоне. Я понял, что, разумеется, в ближайшее время мне не придется переводить на его встрече с Чемберленом, хотя при подстрекательстве Геринга таковая и была предложена одним шведским предпринимателем в моем присутствии при его разговоре с Гитлером, несмотря на то, что война уже разразилась.

* * *

26 сентября 1939 года все мы вернулись в Берлин, хотя Риббентроп на следующий день улетел самолетом в Москву.

1 октября появился Чиано и имел два продолжительных разговора с Гитлером в Канцелярии и еще одну беседу в министерстве иностранных дел с Риббентропом, вернувшимся из своей короткой поездки.

На этих длительных переговорах не всплыло ничего нового; представитель «отступницы» Италии был пренебрежительно принят и Гитлером, и Риббентропом. Гитлер был так окрылен успехом молниеносной войны в Польше, что обрадовался новому слушателю и часами подводил итог и перечислял все фазы кампании с подробным отчетом о добыче и о захваченных пленных. Выражение лица Чиано не могло не напомнить припев популярной в Берлине 1933 года песенки «Этого мы уже

наслушались». Не в первый и не в последний раз вспоминалась мне эта песенка, когда я видел лица посетителей Гитлера и Риббентропа.

Риббентроп тоже был чрезвычайно доволен собой? не кампанией в Польше, а своим успехом в Москве. Он с энтузиазмом восхищался русскими, как в разговорах со мной по поводу первого визита в русскую столицу, пока итальянцам тоже не стало казаться, что они «этого уже наслушались». Но за ужином, который Риббентроп дал на своей вилле в Далеме, он превзошел самого себя. После продолжительных ледяных пауз, во время которых Чиано обращался ко мне, он заметил, что в компании «людей с сильными лицами» из окружения Сталина он чувствовал себя так же свободно, как среди старых членов партии. Это замечание он сделал как-то раз и раньше в моем присутствии? перед критически настроенным собранием членов партии с большим стажем. Эти люди всегда. презирал и Риббентропа, примкнувшего к партии лишь незадолго до того, как она получила власть.

Когда я перевел это высказывание, Чиано беспомощно уставился в тарелку; ни один «союзник» не мог бы более ясно выразить свое недовольство. Но Риббентроп часто выказывал полное отсутствие дипломатического такта и тогда вел себя, как настоящий enfant terrible. «Русские в Кремле напомнили мне почетный караул дуче в палаццо Венеция»,? с невинным видом добавил он, и остаток вечера Чиано говорил только со мной.

Мне часто предоставлялась возможность поговорить с Чиано и при других обстоятельствах, кроме того холодного званого ужина. Я смог узнать его поближе и проникнуться уважением к этому человеку, который, несмотря на нередко вызывающее и в некотором роде некультурное поведение на официальных мероприятиях, очень ясно представлял себе суть событий и не позволял себе поверить в ослеплении хитроумным словесам Гитлера и Риббентропа. Тогда он приехал в Берлин, чтобы улучшить заметно охладевшие итало-германские отношения. Его скептический приговор относительно наших первоначальных успехов ни в коей мере не изменил его мнения, которое он высказывал мне в августе, что как только Англия и Франция вступят в войну, конца ждать придется долго.

* * *

Вскоре после отъезда Чиано бюро переводов вступило в полосу повышенной активности. Фактически я не был больше

приписан к этой важной и очень загруженной работой службе и не возглавлял ее. Теперь меня сделали ответственным за все, что имело отношение к иностранным языкам, и я получил здесь абсолютные полномочия. Гитлер и Риббентроп всегда следили за тем, чтобы выполнялись мои требования в том, что касалось какого-либо отдельного задания. Бюро переводов создавалось годами и стало великолепно работающим точным инструментом, способным справиться с самыми трудными для перевода материалами. О его существовании не было известно широкой публике, в министерстве иностранных дел на него смотрели косо из-за смешанного состава.

Даже во время войны эта служба была Лигой Наций в миниатюре. В ее состав входили англичане, французы, испанцы, португальцы, югославы, болгары и представители других национальностей. В последующие годы были созданы отделения в Париже и других европейских городах. Для выполнения больших заданий привлекалось 150 человек. Секретность обеспечивалась по методу, подобному методу, использовавшемуся американцами во время проведения денежной реформы в Германии 1948 года, когда немецкие эксперты работали взаперти в незнакомом месте.

В октябре 1939 года бюро переводов занимало два этажа в отеле «Адлон», наглухо изолированном от внешнего мира. Здесь, как на пустынном острове, «маленькая Лига Наций» какое-то время могла жить и работать спокойно: телефон был отключен, подходы к этажам перекрывались, а на дальних подступах внимательные глаза специальной полиции незаметно следили за тем, чтобы остров оставался островом.

Именно здесь большая речь, которую Гитлер произнес в Королевской опере в Варшаве, перевели на многие языки. Это была одна из тех речей, к первой части которых очень подошел бы припев «мы этого уже наслушались». Эта часть речи состояла из подробного отчета о польской кампании, из истории германских попыток урегулирования, из нападок на Англию и «западные плутократии» и содержала все обычные уловки речей подобного рода? технические факты и статистическая информация перемежались лирической декламацией и яростными тирадами.

Заключительная часть речи представляла, однако, большой интерес для бюро переводов, работники которого часто могли предугадать возможную реакцию зарубежных стран.

Важными пунктами нам показались: «Обеспечение большей прозрачности внешней политики европейских государств»; «Больше не требуется никакого пересмотра, за исключением возврата немецких колоний… что ни в коем случае не является

незамедлительным»; «Реорганизация рынков и окончательное урегулирование валютных проблем»; «Сокращение вооружений до разумного и экономичного уровня»; «Европейский статус, который даст всем народам чувство безопасности и, следовательно, обеспечит мир».

Тем не менее за рубежом реакция, по крайней мере в том, что касалось ведущих политиков, была совершенно отрицательной. Слова Гитлера после опыта марта и августа 1939 года уже не имели, на их взгляд, значения.

«Теперь позиция ясна. Англия и Франция отвергли протянутую Фюрером руку дружбы. Они швырнули перчатку, и Германия подняла ее»,? гласило исходившее от Риббентропа официальное заявление 21 октября 1939 года, которое мы перевели в своем бюро.

Польская война была выиграна, но защита мира потерпела поражение.

В речи в итальянском парламенте в середине декабря Чиано отомстил за грубый прием, оказанный ему в Берлине. Он сказал, что по так называемому «Стальному пакту», столь торжественно подписанному в прошлом году в Берлине, Германия и Италия должны были постоянно поддерживать тесные контакты между собой, чтобы сохранить мир в Европе на протяжении от трех до пяти лет. Чтобы обеспечить этот мирный период, не следовало поднимать никаких политических вопросов, которые могли бы спровоцировать новые кризисы. «Стальной пакт» заключался в том же духе, что и Антикоминтерновский пакт, и не предполагал возможность какого-либо соглашения между Германией и Советским Союзом, о котором Италии впервые сообщили, когда министр иностранных дел Германии уже был на пути в Москву.

«Британский посол поздравил меня с речью», отметил Чиано в своем дневнике.

Прочитав эту речь, Риббентроп пришел в ярость. И в добавление к этим чрезвычайно критическим замечаниям со стороны Чиано относительно действий Гитлера в Берлине 4 января 1940 года получили письмо от Муссолини. Дуче писал, что Гитлер должен достичь взаимопонимания с западными державами, и намекал на то, что сам он мог бы действовать в качестве посредника. Предварительным условием, на его взгляд, было бы обеспечение независимости польского государства. Затем он указывал, что великие державы не произвели нападения не из-за отсутствия, а из-за недостатка сплоченности между ними. Англия и Франция, несомненно, никогда не заставят Германию капитулировать, но и Германия не сможет поставить демократические государства на колени. Верить в то, что это

возможно, было бы заблуждением.

Именно в этом письме я впервые заметил тенденцию, позднее все в большей степени проявлявшуюся в переговорах между Гитлером и Муссолини, направленную на достижение договоренности с Западом и на организацию выступления против Советской России. «Я считаю своим долгом добавить,? писал Муссолини,? что любое дальнейшее развитие Ваших отношений с Москвой будет иметь катастрофические результаты в Италии, где антибольшевистские настроения, особенно среди фашистских масс, всеобщи и тверды как гранит». Эта мысль о преклонении Риббентропа перед «людьми с суровыми лицами» в Кремле не могла быть выражена яснее: «Решение Вашей проблемы жизненного пространства лежит в России, и нигде больше».

Не знаю, как отнесся Гитлер к этому критическому письму Муссолини. Оно не могло особенно обрадовать его, так как он два месяца собирался с ответом. Лишь в начале марта министр иностранных дел Германии повез ответ Гитлера в Рим. Я сопровождал Риббентропа в этой поездке.

* * *

В начале марта, перед отъездом в Рим, имела место странная интерлюдия в виде визита в Германию Самнера Уэллеса, эмиссара Рузвельта. Его европейское турне, которое, кроме Берлина, включало в себя Лондон, Париж и Рим, вызвало множество сенсационных слухов во всей Европе. В Германии люди почувствовали проблеск надежды, хотя пресса лишь вскользь упомянула о присутствии Самнера Уэллеса в Берлине. Гитлер прекрасно сознавал, как жаждет мира немецкий народ, и с большой неохотой согласился принять посланца Рузвельта. Ни Гитлер, ни Риббентроп, ни министерство иностранных дел не знали причину этого неожиданного визита.

Гитлер, Геринг и Риббентроп в продолжительных беседах с Самнером Уэллесом занимали оборонительную позицию. Они старались, с различной степенью умения, продемонстрировать силу Германии, мощь и решимость вступить в бой. Они тщательно избегали проявлений какой-либо готовности к компромиссам, так как Гитлер с его комплексом неполноценности всегда опасался, что их могут принять за признак слабости.

Я счел Самнера Уэллеса исключительно интеллигентным человеком, хоть как дипломат он не обладал слишком большим воображением. В своих беседах с немцами он не проявлял

никакой сердечности. Каждую встречу начинал с определения целей своей миссии, заявляя, что Америка заинтересована в достижении продолжительного мира в Европе, а не во временном перемирии, правительство Соединенных Штатов послало его убедиться, какие возможности существуют для такого мира. Однако он не мог выдвигать какие-либо предложения, не мог принимать на себя обязательства от имени Соединенных Штатов. Он напомнил мне Рене Масильи, посла Франции в Лондоне, который выполнял подобную миссию во время франко-германских переговоров в двадцатых годах и начинал обсуждение со слов: «Я всего лишь карандаш с двумя ушами».

Даже если бы Гитлер захотел начать переговоры о мире, холодное, сдержанное отношение американского посланца едва ли ободрило бы его в этом намерении. Так как позиция немецкой стороны была прямо противоположной и не содержала мирных намерений, единственным содержанием этих разговоров, которые привлекли так много внимания, оказалось проигрывание одних и тех же «граммофонных пластинок». Такое сравнение особенно применимо ко всем немецким участникам переговоров: Гитлер, Риббентроп, Геринг и Гесс произносили почти одинаковые речи. Как переводчик я не мог не заметить это, и моя работа была значительно облегчена. Были, разумеется, различия в тоне и незначительных деталях.

Среди вождей национал-социализма был «дипломат», который вел себя самым недипломатичным образом. «Самое удивительное впечатление от всей моей миссии,? сказал Самнер Уэллес,? оставила встреча с Риббентропом, который принял меня даже без тени улыбки и без слова приветствия и снова моментально потерял способность понимать хоть слово по-английски». По-моему, Геринг, как и в других случаях, был наиболее умелым дипломатом и отличался самым естественным поведением.

Бесполезно приводить подробности этих бесед между «карандашом с ушами» и «граммофонными пластинками». Можно лишь сказать, что они не имели никакого отношения к надеждам на мир, которые всколыхнулись в Германии, а то, что надежды возникли, я сознавал, слыша беспрестанные взволнованные вопросы моих друзей и знакомых.

Самнер Уэллес оказался гораздо более дружелюбным человеком в частной беседе. Во время довольно долгой поездки на автомобиле в Каринхалле к Герингу он рассказал мне много интересного о своей работе в Южной Америке. «Там мне часто приходилось пользоваться услугами переводчиков на конференциях,? сказал он,? поэтому я способен оценить, каким

хорошим переводчиком Вы являетесь». Самнер Уэллес покинул Германию 3 марта 1940 года.

Корделл Хэлл, который был тогда государственным секретарем Соединенных Штатов, сделал интересное замечание в своих «Мемуарах»: «Президент специально сообщил мне, что Уэллес втайне несколько раз приходил к нему и просил послать его за границу со специальной миссией». Корделл Хэлл был против, так как это могло бы внушить ложные надежды, но, вопреки его мнению, поездка была все же предпринята.

* * *

Как я уже упоминал, через несколько дней после этого американского визита я отправился с Риббентропом и большой делегацией в Рим, чтобы доставить Муссолини ответ Гитлера на его письмо с критическими замечаниями, полученное в январе. И содержание письма, и то, что Риббентроп лично сказал Муссолини, свидетельствовало о том, что Германия полна решимости решить свои проблемы военным путем. Это отражало и точку зрения фюрера на место Италии рядом с Германией. Риббентроп намекнул также на предстоящие военные операции против западных держав. «Через несколько месяцев,? сказал он,? французская армия будет уничтожена, а те немногие англичане, которые останутся на континенте, станут военнопленными». Вначале Муссолини отнесся сдержанно к красноречивым излияниям Риббентропа, цветисто описывавшего мощь Германии и ее убежденность в необходимости вступления в войну. Однако затем, к моему удивлению, высказал свое замечание, что фашизм должен сражаться бок о бок с национал-социализмом.

Во время второй беседы на следующий день Муссолини весьма неожиданно полностью встал на позицию войны. Он был готов выступить на стороне Германии, и я слышал, как он сказал, что ему нужно лишь решить, когда наступит наиболее подходящее время. Риббентроп явно успокоился, так как приехал в Рим с большими сомнениями относительно «вероломного партнера по „Оси“. Он счел момент подходящим, чтобы внести по поручению Гитлера предложение о встрече Гитлера и Муссолини в Бреннере. Муссолини с энтузиазмом согласился.

Большим событием во время этой поездки в Рим, как считал я и большинство членов нашей делегации, стала аудиенция у Папы, состоявшаяся на следующий день. Муссолини был особенно рад этому? в своих разговорах с Гитлером и Риббентропом он часто советовал Германии установить хорошие отношения с

католической церковью, нередко приводя в пример свои успехи в этих делах.

Три ватиканских автомобиля доставили нас, включая Риббентропа, в Ватикан. Швейцарская гвардия в старинных шлемах и с алебардами образовала кортеж во дворце Папы, а вся аудиенция проходила в рамках торжественной церемонии, предусмотренной в Ватикане по большим случаям. Папа Пий XII, более известный нам как нунций Пачелли, был дипломатическим представителем Папского престола в Берлине в 20-х годах. Он долго беседовал с Риббентропом по-немецки, а затем обратился с несколькими дружескими словами к делегации, очень тепло вспоминая о своем пребывании в Берлине. Затем он отпустил нас, правда, без апостольского благословения, но с убедительными добрыми пожеланиями нам и нашей стране. Никто из государственных деятелей, с которыми я познакомился за годы работы, не произвел на меня за столь короткое время такого глубокого впечатления своим внешним видом и манерой держаться, как Папа Пий XII. Этот высокий худой человек с узким одухотворенным лицом, стоявший передо мной в своих папских одеждах, показался мне существом, уже частично не принадлежащим этому миру.

Не знаю, что обсуждал Риббентроп наедине с Папой. Во всяком случае, министр иностранных дел, казалось, находился под большим впечатлением от встречи и не выглядел недовольным. С другой стороны, его очень расстроил кардинал Мальоне, с которым он виделся после аудиенции у Папы. «Если бы он продолжал разговаривать так, как он это делал,? рассказывал нам Риббентроп,? мне следовало бы встать и уйти. Я уже потянулся за шляпой».

Мы вернулись в Берлин 13 марта, но несколько дней спустя снова двинулись в южном направлении на встречу в Бреннере, состоявшуюся 18 марта 1940 года. Это было первое из целого ряда таких рандеву, периодически имевших место во время войны. В четвертый раз Гитлер и Муссолини встретились для личного разговора.

* * *

Пограничная станция Бреннер находится на высоте 1350 метров над уровнем моря в 270 метрах от немецкой границы и хорошо известна всем немцам, приезжающим в Италию. Здесь еще лежал глубокий снег, когда на станцию прибыл специальный поезд Гитлера. Дуче и Чиано встретили Гитлера и проводили его

в вагон Муссолини, где сразу же начались переговоры.

Эти бреннерские совещания привлекали большое внимание за рубежом, так как часто предвещали новые повороты событий. Все движение через бреннерский пропускной пункт остановилось, будь то международный экспресс или состав со срочно необходимым углем. Два диктатора сдерживали все движение. Эти совещания нельзя было назвать беседами в полном смысле слова. Более подходящим выражением было бы «монологи Гитлера в Бреннере», так как фюрер всегда занимал своими речами восемьдесят-девяносто процентов всего времени, а Муссолини имел возможность лишь вставить несколько слов под конец. Личные отношения между этими двумя людьми казались довольно дружескими и продолжали такими оставаться вплоть до последней встречи перед падением Муссолини 20 июля 1943 года. Но встречались они не на равных: уже в 1940 году Гитлер захватил лидерство и принудил Муссолини играть роль младшего партнера.

На этом совещании самоуверенный Гитлер предоставил внимательному и восхищенному итальянцу подробное описание своей успешной польской кампании и заговорил о подготовке к большой битве с Западом. Нагромождались цифры и данные. Гитлер обладал поразительной способностью держать в голове сведения о численности войск, о потерях и состоянии резервов, а также технические подробности об огнестрельном оружии, танках и артиллерийских орудиях. Казалось, он меньше интересуется воздушными и военно-морскими силами. В любом случае, он мог до такой степени завалить Муссолини фактами и числами, что дуче в восторге таращил глаза, как ребенок с новой игрушкой.

Меня особенно поразил тот факт, что Гитлер избегал давать Муссолини какую-либо точную информацию о своих ближайших военных планах. Я знал, что делаются всевозможные военные приготовления для наступления на Запад, которое несколько раз откладывалось. Я также знал о планируемом нападении на Норвегию и Данию, которое действительно произошло 9 апреля, то есть три недели спустя. Но Муссолини ничего не было об этом сказано. Гитлер не доверял итальянцам? он даже разработал теорию, что в развязывании второй мировой войны была виновата именно Италия. Я слышал, как Гитлер не раз заявлял: «Савойский правящий дом сказал британской королевской семье, что Италия не вступит в войну. В результате англичане подумали, что могут безо всякого риска заключить союз с Польшей, что и привело к войне».

Муссолини воспользовался несколькими оставленными ему минутами, и, к моему удивлению, как я узнал позднее, к ужасу

его соратников, убежденно подтвердил свое намерение вступить в войну. В записи от 19 марта, сделанной через день после этой встречи в дневнике Чиано, говорится: «Он (Муссолини) обиделся из-за того, что Гитлер говорил один. Он многое хотел сказать, а вместо этого был вынужден молчать большую часть времени, а к такому диктатор, или вернее старейшина диктаторов, не привык».

Неясно, что же заставило Муссолини передумать насчет вступления в войну. Как сказал однажды Чиано и видел я сам, он, несомненно, позволил себе «поддаться чарам» неудержимого потока гитлеровского красноречия на встрече в Бреннере. Способствовало этому и то, что союзные державы с непонятной бестактностью и неуклюжестью незадолго до этой встречи отрезали Италию от морского пути поставок угля из Голландии. Поступив так, они не только уязвили гордость Муссолини, но и поставили Гитлера в такое положение, что тот имел возможность разрешить осуществлять эти поставки по суше через Германию.

Три часа спустя специальные поезда отъехали от маленькой станции, и смогло возобновиться нормальное движение.

На обратном пути я продиктовал свой отчет о прошедшем совещании. Когда поезд трогался, Чиано, следуя указаниям Муссолини, настоятельно просил меня дать ему копию. Как и в случае с Чемберленом в Берхтесгадене, у Муссолини возникли трудности с получением моего отчета. Гитлер очень противился его передаче итальянцам. «Никогда не знаешь,? сказал он мне,? кто может прочесть этот документ с итальянской стороны и что скажут дипломатам союзных держав». В течение последующих нескольких дней Муссолини постоянно запрашивал мой отчет у немецкого посла в Риме, и в конце концов Гитлер послал его. Но, как бывало во многих подобных случаях, Гитлер лично составил сокращенный вариант отчета.

В этих случаях Гитлер никогда не вредил заявлениям, которые делались в его адрес. По отношению к своим собственным заявлениям он не вносил изменений, а только вычеркивал. То, что оставалось, не содержало неточностей, но тем не менее часто было неполным по многим существенным пунктам, Так, часто существовало два варианта отчета, причем оба за моей подписью? один для домашнего, а другой? для внешнего потребления, и в большинстве случаев даже я мог различить их, лишь сравнивая с оригинальными документами. Впоследствии историкам придется разбираться, является ли документ, с которым они работают, сокращенным вариантом, подготовленным для собеседника Гитлера, настоящей копией, откорректированной Риббентропом для немецких архивов, или оригиналом, продиктованным с моих рукописных записей

переводчика. Когда мои отчеты не требовали те, с кем беседовал Гитлер, он чаще всего больше не интересовался ими, хотя обычно Риббентроп внимательно их просматривал.

Итальянцы заметили, что мой отчет о бреннерской встрече был сокращен Гитлером. «Маккензен доставил бреннерский отчет из Берлина,? отмечает Чиано в своем дневнике 1 апреля 1940 года»? Он написан не в том стиле, в каком пишет обычно свои отчеты Шмидт; были сделаны весьма значительные сокращения».

* * *

Три недели спустя после бреннерской встречи Риббентроп дал мне указание снова запереть бюро переводов в отеле «Адлон». В ночь на 8 апреля мы переводили немецкий меморандум Норвегии и Дании, который предшествовал оккупации этих стран: «Правительство рейха располагает неоспоримыми данными, что Англия и Франция замышляют внезапную оккупацию определенных территорий северных государств в ближайшем будущем… »

С горьким чувством переводя этот документ о предстоящем покушении на нейтралитет скандинавских стран, я считал заявление о намерениях англичан и французов надуманным предлогом. То, что я не знал тогда, записано в мемуарах Черчилля: «3 апреля британский кабинет министров принял к выполнению решение Верховного военного совета, а Адмиралтейство получило указание 8 апреля минировать норвежские морские пути. Так как наше минирование норвежских вод может вызвать ответные действия немцев, было также решено, что британская бригада и французский контингент вооруженных сил будут посланы в Нарвик, чтобы очистить порт и продвинуться к шведской границе. Другие силы следует направить в Ставангер, Берген и Трондхайм с целью помешать врагу захватить эти базы».

Мы сделали перевод немецкого меморандума и для Муссолини, он сопровождался коротким письмом Гитлера. Это была первая информация, которую он предоставлял своему коллеге-диктатору о готовящейся акции.

* * *

Во второй половине дня 9 мая меня неожиданно вызвал Риббентроп вместе с главой нашего отдела прессы и

радиовещания. «Завтра рано утром начинается наступление на Запад по всему фронту от Швейцарии до Северного моря»,? сказал нам Риббентроп. Я должен был снова мобилизовать свое бюро для перевода нового меморандума правительства и заявлений Риббентропа для прессы. Риббентроп продолжал: «Есть произойдет утечка сообщений об этом наступлении, фюрер вас расстреляет. Я не смогу вас спасти».

На этот раз бюро переводов собрали не в «Адлоне», который сочли недостаточно надежным, а в парадных залах бывшего дворца президента рейха. Риббентроп потратил миллионы на модернизацию дворца, который теперь стал его официальной резиденцией. Сам он приказал мне как можно незаметнее собрать отдельные группы бюро переводов в определенных комнатах министерства иностранных дел, а затем лично провести их по запутанным переходам и служебным лестницам в его дворец так, чтобы никто в точности не знал, где на самом деле находится. «Чтобы никто не смог сунуть записку сообщнику на улице»,? добавил министр иностранных дел, вдруг превращаясь в заправского сыщика. Все это было должным образом исполнено, и в ту ночь парадные залы дворца министра иностранных дел с их дорогостоящими канделябрами, настоящей позолотой, роскошной мебелью, картинами, гобеленами и пушистыми коврами превратились в рабочие кабинеты. Разные языковые группы работали в отдельных углах; можно было расслышать сквозь стрекот пишущих машинок предложения из меморандума для Голландии и Бельгии на английском, французском, итальянском и испанском языках: «В этой битве за выживание, навязанной народу Германии Англией и Францией, правительство рейха отказывается оставаться в бездействии и позволить перенести войну через Бельгию и Голландию на территорию Германии. Соответственно теперь немецким войскам дан приказ охранять нейтралитет этих стран всеми военными ресурсами рейха». Так выглядела гитлеровская версия способа защиты нейтралитета.

Среди ночи начальство пришло в большое волнение, когда Риббентропу сказали, что голландский военный атташе передал своему правительству известие о готовящемся вторжении. «Имел ли кто-нибудь из бюро переводов контакты с внешним миром?? нервно спросил меня Риббентроп.? Быстро пройдите по всем комнатам и посмотрите, все ли переводчики на месте». Пока я производил подсчет, он послал начальника полицейского подразделения с тем же поручением. «Будет лучше, если Вы тоже посчитаете,? сказал он ему.? Шмидт знает языки, но я не уверен, умеет ли он точно считать». Никто не отсутствовал.

На рассвете Риббентроп проиграл главную битву в своей личной войне. Геббельс сделал по радио официальное заявление, о котором министр иностранных дел хотел объявить лично. «Весь мой отдел радиовещания увольняется без предупреждения за нерасторопность!»? вскричал бледный от ярости Риббентроп, в то время как из громкоговорителя раздавался медоточивый голос его заклятого врага, зачитывавшего роковой меморандум.

В дополнение картины чрезвычайной неразберихи, которую для непредвзятого наблюдателя представляло поведение нашего министерства иностранных дел, Риббентроп вручил уже оглашенный по радио меморандум несчастному послу Бельгии и голландскому министру, сопровождая передачу меморандума устным заявлением. Он сделал также гротескное заявление для прессы, в котором сказал, что мы предварили «новый акт агрессии и безрассудства, обусловленный тем, что в настоящее время правительства Франции и Англии стараются спасти свои кабинеты, которые находятся под угрозой».

В последующие недели события развивались с поразительной быстротой. В течение нескольких недель была оккупирована Голландия, капитулировала бельгийская армия во главе с королем Леопольдом, англичанам удалось ускользнуть в Дюнкерк, а французы были сметены германским потоком. Брюссель и Париж были оккупированы без нанесения им ущерба, так как правительства этих стран благоразумно объявили их открытыми городами.

Риббентроп расположился со своим «оперативным штабом» в хорошо известном отеле «Шато д'Арденн» недалеко от Динана. Грустно было видеть, как роскошная мебель знаменитого отеля постепенно оказывается погребенной под грудами мусора и бумаг, и грустно было жить в обширных апартаментах без света, воды и какого-либо обслуживания.

10 июня Чиано вручил Франсуа-Понсе итальянское заявление об объявлении войны? Муссолини спешил прийти на помощь своему партнеру. «Вероятно, Вы догадываетесь, почему я послал за Вами»,? сказал Чиано французскому послу. «Я никогда не считал себя особенно умным,? ответил Франсуа-Понсе, который даже в этот тяжелый час не утратил сарказма,? но я достаточно понятлив, чтобы сообразить, что Вы собираетесь вручить мне заявление об объявлении войны». Эту историю все передавали друг другу после того, как итальянские коллеги пересказали ее нам с нескрываемой радостью по поводу меткого ответа Франсуа-Понсе.

Испанское министерство иностранных дел сообщило нам 17 июня, что французское правительство в Бордо попросило

испанского посла передать немецкому правительству просьбу о заключении перемирия.

В тот день мы полетели с Гитлером и Риббентропом в Мюнхен. На следующий день в резиденции фюрера между Гитлером и Муссолини состоялось небольшое совещание? в той же комнате, где в 1938 году проходила конференция с участием Чемберлена и Даладье. Гитлер был настроен на удивление миролюбиво; он склонялся к тому, чтобы не предъявлять Франции репрессивных условий перемирия. Муссолини хотел попросить для себя руководство французским военным флотом, но Гитлер был категорически против. «Если мы выдвинем такое требование,? сказал он,? весь французский флот перейдет на сторону англичан». Гитлер отклонил также предложение Муссолини провести совместные переговоры по перемирию. «Я и не подумаю,? сказал он потом Риббентропу,? осложнять наши переговоры франко-итальянской враждебностью».

Я с удивлением отметил, что отношение Гитлера к Великобритании изменилось. Он вдруг задался вопросом, хорошо ли на самом деле разрушать Британскую империю. «Все-таки это сила, поддерживающая порядок в мире»,? сказал он недовольному Муссолини. Даже его фанатичная ненависть к евреям, казалось, пошла на убыль. «Можно найти место для государства Израиль на Мадагаскаре»,? заметил он в разговоре с Муссолини, когда они обсуждали будущее французской колониальной империи.

* * *

Сразу же после окончания мюнхенских переговоров мы полетели обратно на франко-бельгийскую границу. 20 июня меня вызвали в штаб-квартиру Гитлера и передали текст условий перемирия; перевод на французский язык должен был быть готов для передачи французской делегации в Компьене на следующий день. Небольшая группа переводчиков итальянского языка работала неподалеку от штаб-квартиры Гитлера, незамедлительно переводя письма для Муссолини, а я заранее позаботился, чтобы один из них был также хорошим переводчиком на французский; к счастью, я предусмотрительно организовал прилет еще одного переводчика из Берлина. С этим бюро переводов в миниатюре я проработал всю ночь на 20 июня в небольшой французской деревенской церкви. Было очень странно переводить условия, навязываемые Франции, в крохотной церквушке, освещенной свечами; у задрапированного алтаря

тихие голоса переводчиков смешивались со стуком пишущих машинок. Какой это был контраст по сравнению с ярко освещенными комнатами дворца Риббентропа, где совсем недавно в разноязычном говоре под монотонный шум копировальных аппаратов переводились документы о начале войны. «Французское правительство приказывает прекратить враждебные действия против германского рейха во Франции, во французских владениях, протекторатах, подмандатных территориях и на море. Оно отдает распоряжение французским частям, окруженным немецкими вооруженными силами, немедленно сложить оружие».

Так гласил пункт 1 этого исторического документа. «Французская территория к северу и западу от линии, указанной на прилагаемой карте, будет занята немецкими войсками».

В церкви эхом отдавались такие фразы на французском, как «демобилизация и разоружение», «транспорт и транспортные магистрали», «запрещение радиопередач», «перемещение населения». «Немецкое правительство торжественно заявляет французскому правительству, что оно не намеревается использовать французский военный флот во время войны… Кроме того, оно торжественно и категорически заявляет, что не собирается предъявлять какие-либо притязания на французский флот при заключении мира».

Таким было решение Гитлера, которое Муссолини оспаривал в Мюнхене.

Но нам пришлось также переводить и некоторые чудовищные условия: «Французское правительство обязуется передать по требованию всех немцев, проживающих во Франции и названных немецким правительством». Я сразу же подумал о моем бывшем коллеге Якобе, чей голос, после того как он эмигрировал во Францию, я слышал по страсбургскому радио, где он читал сводки новостей. Я надеялся, что он вовремя уехал из Франции, а он так и сделал, потому что позднее я слышал его так хорошо знакомый мне голос в бостонской коротковолновой программе для немцев. «Члены французских вооруженных сил, находящиеся в немецком плену, останутся военнопленными до заключения мира».

Все тяготы долгого плена, которые я так хорошо помнил по послевоенному периоду первой мировой войны, сразу вспомнились мне, когда я переводил это условие.

Время от времени Кейтель, а то и сам Гитлер заходили в церковь взглянуть на нас, чтобы убедиться, что работа будет закончена вовремя, или чтобы внести последние изменения в немецкий текст. Где-то поблизости, должно быть, находилась

комната для заседаний, где, по мере того как продвигался перевод, условия перемирия подлежали последнему тщательному рассмотрению. Лишь после полуночи нам был передан последний листок, а на рассвете работа была выполнена и для французов готов чистовой экземпляр документа.

Я поспешно направился в отель «Шато д'Арден», чтобы немного отдохнуть после напряженной ночной работы, так как мне еще предстояло участвовать на переговорах по перемирию, которые начинались на следующий день, 21 июня 1940 года. После двухчасового сна за мной прислали вестового. Я должен был сразу же ехать с Риббентропом в Компьен на машине, так как туман не позволял вылететь. Я поспешно надел форму, выскочил из дома к машине, в которой уже поджидал меня нетерпеливый Риббентроп.

«Езжай как можно быстрее,? сказал Риббентроп шоферу.? Переводчик не может опаздывать на переговоры о перемирии!» Мы ринулись вперед со скоростью больше 75 миль в час по отличным, к счастью, автомобильным дорогам Северной Франции, мимо полей сражений первой мировой войны, мимо деревень и небольших городков, на которые уже наложила свою разрушающую руку вторая мировая война, трагически повторявшая то событие. Впервые с 1918 года я еще раз увидел внешние проявления войны. Это было удручающее зрелище; часы, казалось, отвели назад, и надежды, которые я питал в двадцатых годах, работая с Штреземаном, Брианом и Остином Чемберленом, надежды, за которые я еще цеплялся в Мюнхене в 1938 году, теперь, казалось, совершенно развеялись. Тем не менее во время этой поездки по районам, разоренным новой войной, надежда затеплилась снова. Разве я не еду, размышлял я, на переговоры по перемирию? Сегодня во второй половине дня реки крови иссякнут? по крайней мере между Францией и Германией. Может быть, это начало лучшего, более прочного мира, подумал я.

В два часа дня, так как мы приехали немного раньше времени, мы остановились на небольшом холме близ Компьена и съели обед, состоявший из бутербродов и бутылки минеральной воды. Подкрепившись, поехали в исторический лес, где ярко освещенный солнцем на хорошо известной поляне стоял знаменитый деревянный вагон-ресторан, в котором Германия подписала перемирие 11 ноября 1918 года. Я часто видел этот вагон в Париже, где он экспонировался в двадцатых годах, и, разумеется, никогда не думал, что когда-нибудь буду сидеть в нем среди победителей напротив французской делегации.

В начале четвертого я зашел в этот пустой вагон-ресторан. Посредине, там где обедали пассажиры до первой мировой

войны, был установлен простой длинный стол с пятью-шестью стульями с каждой стороны для обеих делегаций. Мое место находилось во главе стола, так что я мог слышать и видеть и французов, и немцев.

Вскоре прибыл Гитлер с Герингом, Редером, Браухичем, Кейтелем, Риббентропом и Гессом и сел по правую руку от меня; несколько минут спустя появились французский генерал Хинтцигер, посол Ноэль, вице-адмирал Лелкж и генерал военно-воздушных сил Бэржере. Гитлер и его соратники встали, не говоря ни слова; обе делегации обменялись сдержанными кивками, сели за стол и начались переговоры.

Кейтель зачитал преамбулу условий перемирия. «После героического сопротивления… Франция была побеждена. Таким образом, Германия не имеет намерения возводить клевету на столь храброго врага в условиях перемирия,? перевел я французам из текста, который мы подготовили в течение ночи.? Цель требований Германии состоит в том, чтобы предотвратить возобновление враждебных действий, обеспечить безопасность Германии для дальнейшего ведения войны против Англии, которая неизбежно должна продолжаться, а также чтобы создать условия для нового мирного устройства, призванного устранить несправедливость, нанесенную германскому рейху».

Когда я кончил читать французский текст, Гитлер и его соратники встали. Французы тоже встали, и после небрежных поклонов с обеих сторон немцы покинули помещение. Первый акт драмы Компьена длился ровно двенадцать минут, в течение которых французы и немцы сидели друг против друга с застывшими лицами, как восковые фигуры.

Из немцев в вагоне остались только я и Кейтель. Затем вошли еще несколько немецких офицеров, и начался второй акт. И французский, и немецкий тексты условий перемирия был переданы французам Кейтелем. Французы внимательно их прочитали и попросили дать им немного времени для обсуждения. Все вышли из вагона. На краю леса французам установили небольшую палатку для совещаний; мы, немцы, довольствовались лесной полянкой. Некоторое время спустя французы прислали сказать, что готовы продолжать переговоры. Когда все мы снова оказались в вагоне, французы заявили, что должны будут передать условия правительству в Бордо, прежде чем комментировать или подписывать их.

«Абсолютно невозможно!? сказал Кейтель.? Вы должны подписать незамедлительно».

«В 1918 году немецкой делегации разрешили вступить в контакт с правительством в Берлине,? ответил Хинтцигер,? и мы

просим предоставить нам такую же возможность».

Последовала оживленная дискуссия среди немцев. Кейтель спросил сидевшего рядом с ним немецкого офицера, возможна ли технически телефонная связь с Бордо. Офицер не знал. Все-таки обе страны еще находились в состоянии войны и были разделены фронтом из железа и стали. В конце концов выяснилось, что можно поговорить с Бордо по временно установленной линии, и тогда Кейтель разрешил французам позвонить. Переговоры продолжались еще два часа. Затем вестовой сообщил, что связь установлена: линию провели от леса к вагону, а телефонный аппарат поставили в бывшей кухне вагона-ресторана.

«Через пять минут на линии будет Бордо»,? доложил офицер связи. Немецкая делегация вышла, чтобы дать французам возможность позвонить своему правительству без помех. Сам я получил указание слушать разговор из вагончика связи в лесу.

Капрал расположился на земле перед этим вагоном с парой аккумуляторов, сухими батареями и простым полевым телефоном для обеспечения временной телефонной связи. Он все время что-то кричал в аппарат. Сначала я не понял, что он говорил, но потом меня осенило. Солдат говорил по-французски с берлинским акцентом. «Говорит Компьен»,? разобрал я наконец. «Говорит Компьен»,? повторил он раз двадцать, в процессе повторения делая потрясающие успехи во французском языке. Вдруг он замолчал: на другом конце линии ответили. «Да, мадемуазель, соединяю вас с французской делегацией»,? произнес капрал вполне вразумительно, хоть и с явным акцентом. И снова возник удивительный контраст. Здесь, в глубине французского леса, в разгар новой войны, кто-то как ни в чем ни бывало звонит «мадемуазель» в Бордо. Сейчас, годы спустя, кому-нибудь трудно представить себе, насколько нереальной казалась мне тогда эта сцена в компьенском лесу.

Я быстро спустился на землю и надел наушники. «Да, говорит генерал Вейган»,? услышал я издалека, но вполне отчетливо голос французского главнокомандующего, взявшего трубку в Бордо.? Говорит Хинтцигер,? громко и четко донеслось из кухни вагона-ресторана, который я видел 252 сквозь ветви деревьев.? Я говорю из вагона…? пауза,? из известного Вам вагона. (Вейган присутствовал на переговорах по перемирию в 1918 году в качестве адъютанта командующего Фоша.)? Вы получили условия?? нетерпеливо спросил Вейган из далекого Бордо.? Да,? ответил Хинтцигер.? В чем они состоят?? быстро спросил Вейган.? Условия тяжелые, но не содержат ничего, ущемляющего честь,? ответил глава французской делегации.

В течение следующих нескольких часов состоялся ряд

телефонных разговоров между Компьенем и Бордо; в промежутках проводилось обсуждение в вагоне-ресторане. Переговоры продолжались до сумерек. Кейтель начал терять терпение, но требовалось рассмотреть еще и технические вопросы. На следующее утро в десять часов обсуждение возобновилось и продолжалось почти весь день. Кейтель раздражался все больше и больше. Примерно в шесть часов, во время перерыва, я прошел во французскую палатку и передал ультиматум от него. «Если мы не сможем достигнуть соглашения через час,? прочел я,? переговоры будут прерваны, а делегацию проводят обратно к границе французской зоны».

Французы пришли в большое волнение. Последовали разговоры с Бордо, все с тем же Вейганом, который, очевидно, присутствовал там на заседании кабинета в соседней комнате. Хинтцигер, без сомнения, чтобы обезопасить себя, постоянно запрашивал разрешение на подписание перемирия, в конце концов французское правительство дало ему такое разрешение. В 18 часов 50 минут 22 июня 1940 года Кейтель и Хинтцигер подписали условия германо-французского перемирия в присутствии остальных делегатов. На глазах у некоторых французов блестели слезы.

Потом французы ушли, и в историческом вагоне остались только Кейтель, Хинтцигер и я. «Будучи солдатом, я не могу не выразить Вам мое сочувствие по поводу тягостного момента, который Вы пережили как француз,? сказал Кейтель Хинтцигеру.? Эту неприятную ситуацию может облегчить сознание того, что французские войска храбро сражались? факт, который я особенно хочу Вам подтвердить». Немец и француз стояли молча: на глазах у обоих были слезы.

«Вы, генерал,? добавил Кейтель,? с большим достоинством представляли Вашу страну на этих трудных переговорах». Он пожал руку Хинтцигеру. Я проводил французского генерала и был последним из немцев, кто попрощался с ним и с его делегацией. На меня произвело большое впечатление то, как держались французы в этой чрезвычайно трудной ситуации.

Я до сих пор помню все подробности тех незабываемых дней 1940 года. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что не присутствовал в качестве переводчика на переговорах о капитуляции 1945 года в Реймсе и Берлине, поэтому не могу сравнить победителей и побежденных в этих двух случаях.

* * *

6 июня 1940 года Гитлер прибыл в Берлин как герой-победитель. На следующий день, в воскресенье, он встретился с Чиано в рейхсканцелярии.

Казалось, Гитлер отбросил мрачные мысли, которые влияли на его настроение в разговорах с Муссолини незадолго до перемирия. Он снова был торжествующим, сознающим одержанную победу немецким диктатором, готовым к битве, таким я знал его за время переговоров, непосредственно предшествовавших войне, и особенно по его беседам с Чиано в августе предыдущего года, когда он пребывал в полной уверенности, что Франция и Англия не будут сражаться.

Совершенно изменившийся Чиано сидел перед ним в Канцелярии. Молниеносная победа над французской и английской армиями, очевидно, возымела свой эффект, и, казалось, он оставил свои прежние опасения насчет западных держав. Теперь он дошел до противоположной крайности, по крайне мере на тот момент. Чиано вел себя так, будто война уже выиграна. Он из кожи лез, выдвигая откровенные и скрытые требования в пользу своей страны. Он хотел аннексировать Ниццу, Корсику и Мальту, сделать Тунис и большую часть Алжира итальянским протекторатом и занять стратегические базы в Сирии, Иордании, Палестине и Ливане. В Египте и Судане Италия просто хотела занять место Великобритании, а Сомали, Джибути и Французская Экваториальная Африка должны были стать итальянской территорией. Чиано нисколько не смущался, выдвигая такие пожелания. Гитлер не обратил на них никакого внимания, а просто произнес длинный победный диалог.

Чиано отправился посетить оккупированную Францию, и мы встретились с ним снова 10 июля в Мюнхене, где Гитлер и Риббентроп приняли его вместе с венгерским премьер-министром графом Телеки и министром иностранных дел Венгрии графом Чаки. Беседа состоялась в резиденции фюрера и касалась разногласий между Венгрией и Румынией. Они были урегулированы месяц спустя в замке Бельведер в Вене на так называемом Втором Венском арбитражном суде.

* * *

«Фюрер собирается сделать очень великодушное мирное предложение Англии»,? сказал мне Риббентроп в Берлине несколько дней спустя. И добавил: «Когда Ллойд Джордж услышит об этом, то, наверное, кинется к нам на шею от радости». Очевидно, он уже обсуждал это предложение с

Гитлером во всех подробностях и, казалось, был абсолютно уверен в эффекте, который оно произведет на англичан, «Я не удивлюсь,? сказал он в заключение,? если скоро мы будем сидеть на мирной конференции».

Я вспомнил слова Гитлера, сказанные Муссолини в июне, и то, как он совсем недавно игнорировал преувеличенные запросы Италии, и начал питать некоторые надежды на то, что в этот победный час он мог бы оказаться одним из тех государственных деятелей, которые обеспечили длительный мир благодаря своему великодушию.

«Позаботьтесь, чтобы это предложение было переведено на английский язык как можно лучше»,? предупредил меня Риббентроп, удаляясь. Разумеется, я приложил бы все усилия, если бы на карту было поставлено прекращение кровопролития. Мне сообщали, что враги Германии часто переводили немецкие заявления очень неточно и произвольно, и решил бороться с этим, представив первым мой вариант английского перевода.

19 июля, когда Гитлер выступал перед депутатами Рейхстага, я сидел в небольшой студии берлинской радиостанции, и передо мной лежал английский текст его речи. Рядом со мной сидел коллега, слушавший речь Гитлера через наушники и указывавший мне карандашом в моем тексте, к чему Гитлер должен был перейти. Я молчал, пока Гитлер произносил первые два-три предложения, чтобы его слова сначала услышали на немецком слушатели британских и американских радиостанций. Затем нажал на кнопку, соединявшую мой микрофон с передатчиком, и стал читать английский текст. Я говорил быстрее, чем Гитлер, которого часто останавливали аплодисменты, и как только карандаш коллеги указывал мне, что мой перевод опередил оратора, я отключал микрофон, и голос Гитлера снова был слышен, пока он произносил два-три предложения; затем я снова подключался. Таким образом, с того момента, как Гитлер встал за трибуну в Рейхстаге, весь англоговорящий мир имел в своем распоряжении полный и правильный английский текст.

Новые технические средства трансляции были на подъеме в Америке, где мой английский перевод передавался многими радиостанциями. Многие газеты восхищались моим достижением: тот факт, что можно было слышать, как Гитлер произносит свою речь на немецком, наводил на мысль, что перевод был импровизированным. Другие гадали, как этого добились технически. Лондонская «Тайме» ошибочно утверждала, что Би-Би-Си уже использовала такой способ.

Как ни был я доволен моим успехом в технике, но содержание речи меня глубоко разочаровало. Она оказалась

бесконечно длинной, со слишком подробным описанием благоприятного для Германии хода событий? до такой степени, что даже многие немцы, не говоря уже об иностранцах, сказали: «Мы этого уже наслушались». Я тщетно искал риббентроповское великодушное предложение мира, которое должно было заставить Ллойд Джорджа «броситься нам на шею». Оно содержалось в одном единственном абзаце, звучащем громко, но совершенно лишенном смысла. «В этот час я чувствую, что для очистки совести должен еще раз призвать к благоразумию в Англии. Я верю, что могу сделать это, потому что говорю не как тот, кто побежден и теперь обращается с просьбой, а как победитель. Не вижу причины, по которой необходимо продолжать эту борьбу». Ничего больше. Ни малейшего намека на какое-либо конкретное предложение. Я и прежде часто отмечал на переговорах, что точность не была сильной стороной Гитлера. Тем не менее мне было непонятно, как он мог верить, что такое бессмысленное, чисто риторическое заявление произвело бы какой-то эффект на трезвомыслящих англичан.

Тогда я придерживался мнения, что между тем временем, когда Гитлер сказал Риббентропу о своем мирном предложении и когда произнес речь, он изменил свои планы. Насколько я мог судить, единственная причина, почему он так поступил, заключалась в его недовольстве враждебной реакцией британской прессы при первых слухах о мирном предложении. Как я полагаю, она была инспирирована британским правительством, и я воспринял это как признак определенной усталости от войны, гораздо более явной среди сражающихся во второй мировой войне, чем в первой. Часть письма Черчилля Рузвельту от 14–15 июня, приведенная во втором томе его «Истории второй мировой войны», кажется, намекает на это обстоятельство: «Заявление, что Соединенные Штаты, в случае необходимости, вступят в войну, могло бы спасти Францию. Иначе за несколько дней сопротивление Франции может быть смято и мы останемся одни.

Хотя сегодняшнее правительство и я лично никогда не послали бы флот через Атлантику, если бы сопротивление здесь было подавлено, в битве может быть достигнут такой момент, когда министры потеряют контроль над ситуацией и когда очень легко можно будет добиться от Британских островов, чтобы они стали вассальным государством гитлеровской империи. Прогерманское правительство почти наверняка будет призвано для заключения мира, и колеблющейся или голодающей нации может представиться почти непреодолимое искушение полностью подчиниться воле нацистов. Судьба британского флота, как я уже упоминал, будет решающей для будущего Соединенных Штатов,

потому что если его соединят с флотами Японии, Франции и Италии и с огромными ресурсами германской промышленности, в руках Гитлера окажется гигантская морская мощь. Конечно, он может пользоваться ею с милосердной умеренностью. С другой стороны, может и не делать этого. Эта революция в военно-морском могуществе может произойти очень быстро и, разумеется, задолго до того, как Соединенные Штаты смогут подготовиться отразить ее. Если пойти еще дальше, то, вполне вероятно, вы получите Соединенные Штаты Европы под нацистским командованием, гораздо более многочисленные, более сильные, гораздо лучше вооруженные, чем Новый Свет».

Тогда только по причине задетого самолюбия Гитлер воздержался от великодушного предложения, которое могло бы ослабить сопротивление Великобритании. Когда в той маленькой студии я читал перед микрофоном листок за листком английский текст, доставленный мне из бюро переводов, то со все возрастающим беспокойством начал сознавать, что «мирное предложение», так напыщенно обещанное Риббентропом, на деле оказалось провокационной, хвастливой речью, которая лишь укрепит решимость англичан сражаться. Позднее я смог получить очень хорошее представление о реакции Великобритании, когда через несколько лет наблюдал подобную ситуацию в своей собственной стране. Когда Рузвельт в 1943 году на конференции в Касабланке, к удивлению его собственного министра иностранных дел, вместо того чтобы предложить переговоры, неожиданно потребовал безоговорочной капитуляции, он лишь придал новые силы немецкой воле к сопротивлению.

* * *

В течение последующих недель две новых темы? Юго-Восточная Европа и Испания? возникли в беседах, которые я переводил в Берхтесгадене, Вене и Риме. С тех пор они стали играть важную роль в моей работе.

Отношения между Венгрией и Румынией с каждым месяцем становились все более напряженными, пока, наконец, не вмешался Гитлер, желавший во что бы то ни стало избежать осложнений в Юго-Восточной Европе. Он собрал Чиано и Риббентропа в Оберзальцберге 28 августа и дал им указание уладить разногласия между этими двумя странами в качестве третейских судей.

Мне было особенно интересно узнать, почему Гитлер так хочет избежать конфликта между Венгрией и Румынией. «Я любой

ценой должен обеспечить поставки нефти из Румынии, чтобы вести войну»,? сказал он Чиано.

«Только плохая погода помешала нам выступить со всей мощью против Британских островов,? заметил он по этому случаю.? Нам нужно по крайней мере две недели хорошей летной погоды, чтобы вывести из строя британский военно-морской флот и открыть путь для высадки на сушу».

30 августа я снова сидел в Золотой комнате? небольшой круглой комнате в замке Бельведер в Вене,? где, как решили Чиано и Риббентроп, должен был состояться арбитражный суд по делу между Венгрией и Румынией. Как и прежде, речь шла о проведении новой пограничной линии. Новая граница между Румынией и Венгрией разделила этнографически сложную румынскую Трансильванию, так как половина этой территории возвращалась Венгрии, которая владела ею перед первой мировой войной. Это было такое же проблематичное урегулирование, как и толстая карандашная линия, проведенная год тому назад между Венгрией и Чехословакией.

Восемь человек за круглым столом внимательно слушали, как я зачитывал решение суда. Справа от меня сидел Риббентроп, рядом с ним Чиано, а за ним министр Витетти; слева румынский министр иностранных дел Манойлеску и министр Валер Поп; напротив? венгерский премьер-министр Телеки и его министр иностранных дел граф Чаки. Когда я развернул на столе карту Трансильвании с новой границей, отмеченной на ней, министр иностранных дел Румынии лишился чувств при взгляде на нее. Новая граница потребовала о него первой жертвы? и не последней.

«С сегодняшнего дня Германия и Италия обязуются гарантировать целостность и неприкосновенность румынской территории»,? прочел я, когда мой сосед, благодаря медицинской помощи, пришел в себя. Это была гарантия, на которую так сердито реагировал Молотов в Берлине несколько месяцев спустя.

На следующий день Чиано и Риббентроп отправились на охоту.

* * *

Вопрос об Испании обсуждался Муссолини и Риббентропом три недели спустя, 10 и 20 сентября, в Палаццо Венеция в Риме. Немецкий министр иностранных дел высказал точку зрения, что они могут рассчитывать совершенно определенно на вступление Испании в войну в ближайшее время. Он так же преувеличивал,

как и в своих заявлениях о том, что высадка в Англии неминуема и может быть осуществлена очень легко. «Одной дивизии достаточно, чтобы рухнула вся система британской обороны»,? сказал он Муссолини, который поглядывал на него с недоверием и насмешкой. Это было типично риббентроповское замечание. Мне приходилось переводить сотни таких высказываний, и со временем создавалось впечатление, что слушатели больше не принимают его всерьез.

23 сентября мы вернулись в Берлин, где на следующее утро испанский вопрос предстал в виде Серрано Суньера, деверя Франко. Тогда он занимал пост министра внутренних дел, а месяц спустя стал министром иностранных дел. В ходе разговора с ним стало совершенно ясно, что замечание Риббентропа в Риме явно не имело под собой оснований. Германия, разумеется, хотела сильнее привязать Испанию к «Оси»; я знаю также, что существовал план захвата Гибралтарского пролива, если бы испанцы дали разрешение на проход немецких войск по своей территории. Во время берлинских встреч на все это делались лишь косвенные намеки, даже когда 25 сентября Суньера принял сам Гитлер.

Я до сих пор ясно вижу еще одну запоминающуюся сцену в кабинете Риббентропа. У окна, которое выходит в старый парк за Вильгельмштрассе, висит карта французских колониальных владений в Африке. Суньер и Риббентроп стоят перед ней. «Не церемоньтесь!»? такова на самом деле суть громких слов Риббентропа. И испанец не стал церемониться. Он пожелал взять порт Оран; он хотел все Марокко и большие участки Сахары, и ему понадобилась французская Западная Африка, чтобы «округлить» испанскую западноафриканскую колонию Рио де Оро. Риббентроп охотно продавал товар, который ему не принадлежал; очевидно, союз с Испанией стоил самой высокой цены.

Интересно, что накануне Франко заявил, что Черчилль с той же целью предлагал ему французские территории в Северной Африке. Отвечая на вопрос, заданный в Палате общин мистером Стоксом 22 июня 1949 года, мистер Иден ответил, что может заявить в самой категорической форме, что такие гарантии не давались.

В беседе с Суньером Риббентроп, со своей стороны, ограничился некоторыми экономическими запросами относительно Марокко и попросил предоставить Германии базу для подводных лодок в Рио де Оро и на острове Фернандо По напротив Камеруна. Однако в ответ на великодушие Риббентропа испанец проявил скупость, при вопросе о Марокко Суньер

задумался. Никоим образом не связывая себя обязательствами, он дал понять, что базы в Рио де Оро можно и уступить, но окончательно отклонил просьбу насчет Фернандо По «по историческим причинам» и «из-за испанского общественного мнения».

Это внесло первые признаки охлаждения в горячую дружбу между Франко и Гитлером. Настоящее изменение произошло в октябре на солнечном юге, когда два диктатора встретились, чтобы обсудить вопросы о франко-испанской границе, и не смогли прийти к соглашению. Из записи в дневнике Чиано от 1 октября 1940 года мы знаем, что Суньер «усиленно» жаловался ему на бестактность, с которой немцы отнеслись к Испании. Гитлер и Муссолини, со своей стороны, характеризовали Суньера, как «изворотливого иезуита». Горячей дружбы, которая, как считалось, всегда существовала между испанским и немецким народами, здесь не было и в помине.

*** «Япония признает и уважает лидерство Германии и Италии в создании нового порядка в Европе»,? гласила статья I Пакта трех держав между Германией, Италией и Японией, который я зачитал 27 сентября. Приемная новой рейхсканцелярии была оформлена будто для съемок музыкальной комедии о подписании договора представителями трех стран: Риббентропом, Чиано и японским послом Курусу. «Германия и Италия признают и уважают лидерство Японии в создании нового порядка в великой Азии»,? гласила статья II.

В статье III, подразумеваемой как намек в целом на Соединенные Штаты, говорилось: «В дальнейшем они обязуются поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами, если на одну из трех договаривающихся сторон нападет какая-либо держава, не участвующая в настоящее время в европейской войне или в китайско-японском конфликте».

«Военный союз между тремя самыми могущественными государствами на земле!»? так оценил этот договор Риббентроп. Потом министры иностранных дел поставили свои подписи, а японский посол кисточкой нанес изящные японские иероглифы один под другим. Прямо над подписями было написано: «Составлено в трех экземплярах оригинала в Берлине, 27 сентября 1940 года, в XVIII году эры Фашизма? соответствует 27 дню 9-го месяца 15 года Сева[8]».

* * *

Неделю спустя, 4 октября, международное движение поездов

через станцию Бреннер снова было приостановлено на три часа. Гитлер разглагольствовал в салоне дуче. Его основной темой стала Франция, которую он хотел каким-то образом мобилизовать против Англии. Испания едва упоминалась, не столько из-за охлаждения, вызванного визитом Суньера, сколько из тактических соображений, о которых я узнал лишь несколько дней спустя. Битва против Великобритании на Средиземном море также играла большую роль в этом бреннерском монологе, и у меня создалось впечатление, что вторжение в Англию отложено ради наступательной операции в Средиземноморье. Муссолини выглядел очень заинтересованным. Ему, вероятно, нравилось, что Гитлер посвящает его в свои будущие планы, хотя бы в общих чертах. Это случалось нечасто, и даже в таком случае ему представилось мало возможностей самому поучаствовать в разговоре. Наконец поток красноречия Гитлера иссяк, и поток международных перевозок возобновился.

* * *

«Быстро поезжайте на вокзал; сейчас будет предупреждение о воздушной тревоге»,? сказали мне в министерстве иностранных дел вечером 26 октября. Я отправлялся в длительную поездку, в ходе которой мне предстояло проехать более 4000 миль за несколько дней. Моим первым пунктом назначения был Хендайе на франко-испанской границе. Оттуда мой маршрут лежал во Флоренцию, а затем обратно в Берлин. В то время налеты британской авиации на Берлин еще могли считаться совсем безвредными. Они наносили мало ущерба и становились причиной лишь очень немногих потерь, но длились обычно всю ночь. Англичане посылали только два-три самолета одновременно через короткие промежутки времени. Таким образом они лишали ночного отдыха четыре миллиона человек.

Королевский военно-воздушный флот пролетал у меня над головой, когда я вошел в наш специальный поезд на станции Лертер, но мы остались в поезде и проснулись на следующее утро в Ганновере. Следующей ночью мы остановились на небольшой станции в Бельгии, рядом с туннелем, в котором поезд должен был укрыться на случай воздушного налета? очень хорошая мысль в теории, которая, однако, не всегда срабатывала. Однажды мне довелось находиться во время воздушного налета в поезде с таким слабым локомотивом, что он смог лишь сам въехать в туннель и оставил поезд снаружи, в то время как облака пара, вырывавшиеся из туннеля, привлекали внимание к цели. Но

англичане высокомерно пролетали мимо, «считая газгольдер более важным, чем министр иностранных дел рейха», как заметил один из младших членов нашей делегации. Мы обогнули Париж и ближе к вечеру добрались до Монтуара в Центральной Франции. Тем временем прибывший на своем специальном поезде Гитлер имел короткую беседу с Лавалем, который был тогда вице-премьером. Тогда впервые со времени встреч в берлинской Канцелярии в 1931 году я переводил для Л аваля. Он очень тепло поздоровался со мной, с явным облегчением увидев хоть одно знакомое лицо, а во время беседы с Гитлером призвал меня в свидетели того факта, что еще в начале 1931 года он приветствовал политику тесного сотрудничества с Германией. Ничего нового или особо значимого не возникло в ходе этой беседы, в которой также принимал участие Риббентроп, и атмосфера оставалась очень дружелюбной. Речь шла в основном об организации встречи с маршалом Петеном, которая состоялась в этом же месте два дня спустя по нашем возвращении из Хендайе.

В ту же ночь мы двинулись к испанской границе, два наших поезда прибыли на эту станцию на следующий день после полудня. Я останавливался здесь во время предыдущей поездки? в 1928 году, когда сопровождал Штреземана на ассамблею Лиги Наций в Мадрид. Как и на бреннерской встрече, переговоры должны были проходить в салоне Гитлера. Поезд Франко, который прибывал по более широкой испанской колее к соседней платформе, опаздывал на целый час, но стояла хорошая погода, и никто не возмущался; Гитлер и Риббентроп беседовали на платформе.

Я услышал, как Гитлер сказал Риббентропу: «Сейчас мы не можем дать испанцам никаких письменных обещаний о передаче территорий французских колониальных владений. Если они получат что-нибудь в письменном виде по этому щекотливому вопросу,? продолжал он,? то из-за болтливости этих латинян французы рано или поздно наверняка услышат что-нибудь об этом». Он добавил интересное суждение: «Я хочу попытаться в разговоре с Петеном заставить французов начать активные враждебные действия против Англии, поэтому не могу сейчас предлагать им такую передачу территорий. Кроме того, если о таком соглашении с испанцами станет известно, французская колониальная империя, наверное, целиком станет на сторону Де Голля». Эти несколько предложений показали мне более ясно, чем самые длинные меморандумы, сущность проблемы, являвшейся темой предстоящей встречи между диктаторами, и выявили одну из причин, почему эта встреча потерпела фиаско.

Испанский поезд показался примерно в три часа пополудни. Военная музыка, обход почетного караула? знакомая церемония встреч диктаторов, сразу после которой началась роковая дискуссия, положившая конец всякой симпатии между Гитлером и Франко.

Низкорослый и коренастый, смуглый, с живыми черными глазами, испанский диктатор сидел в вагоне Гитлера. На тех фотографиях, которые я видел, он всегда казался гораздо более высоким и стройным. Если бы он носил белый бурнус, пришло мне на ум, его можно было бы принять за араба, и по мере того, как проходила беседа, его способ выдвижения аргументов, с колебаниями и осмотрительностью, казалось, подтверждал это впечатление. Мне сразу же стало ясно, что Франко, осторожного мастера переговоров, к стене прижать не так-то просто.

Гитлер начал с самого восторженного отчета о положении Германии. «Англия уже, можно сказать, потерпела поражение,? сказал он, завершая ту часть своего обзора, которая касалась перспектив побед Германии,? но она еще не готова признать этот факт». Затем возникло ключевое слово? Гибралтар. Если англичане его потеряют, их можно изгнать из Средиземноморья и из Африки. Теперь Гитлер пошел с козырей. Он предложил немедленно заключить договор и попросил Франко вступить в войну в январе 1941 года. Гибралтар будет захвачен 10 января теми самыми особыми частями, которые благодаря новой тактике с такой поразительной скоростью завладели фортом Эбен Эмаэль. Немецкий способ наступления, важной частью которого являлось использование «мертвой зоны» (зоны, которая не простреливалась благодаря горизонтальной и вертикальной наводке орудий), была в то время доведена до такого совершенства, что операция не могла не завершиться успешно. Как я слышал, немецкие части в Южной Франции имели точную модель крепости Гибралтар и фактически тренировались в ее захвате по этому методу.

Гитлер и так и сяк предлагал Гибралтар Испании и, более уклончиво, также и колониальные территории в Африке.

Сначала Франко, мешковато сидевший в кресле, ничего не говорил. По его непроницаемому лицу я не мог понять, ошеломило ли его это предложение или он просто спокойно обдумывал свой ответ. Потом он предпринял уклончивый маневр, подобный маневру его итальянского коллеги в начале войны. Испании не хватает продовольствия. Страна нуждается в пшенице? несколько сотен тысяч тонн немедленно. «Может ли Германия поставить их?»? спросил он с хитро выжидательным выражением лица, как мне показалось. Испания нуждается в современном вооружении. Для операции по захвату Гибралтара

понадобится тяжелая артиллерия; Франко назвал очень большую цифру? количество тяжелых орудий, которые он хотел получить от Германии. Кроме того, он должен защищать свою протяженную береговую линию от нападений британского военно-морского флота. В добавление ко всему прочему у него мало зенитных орудий. Как может оградить себя Испания от возможной потери Канарских островов? Помимо всего прочего, с испанской национальной гордостью не сочетается получение в качестве подарка Гибралтара, захваченного иностранными солдатами. Крепость может быть захвачена только испанцами. Меня очень заинтересовало наблюдение Франко, сделанное в ответ на заявление Гитлера, что танковые части с гибралтарского плацдарма могли бы выгнать англичан из Африки. «До края великих пустынь, вполне возможно,? сказал Франко,? но Центральная Африка будет защищена от основных атак с суши поясом пустынь так же, как защищен остров в открытом море. Как ветеран африканских кампаний я в этом не сомневаюсь».

Сникли большие надежды Гитлера, почти наверняка предполагавшие и завоевание Великобритании. Франко придерживался мнения, что Англию можно завоевать, но тогда британское правительство и военно-морской флот продолжат войну из Канады при поддержке Америки.

По мере того как Франко излагал эти замечания спокойным мягким голосом, своей монотонной напевностью напоминавшим призыв муэдзина к молитве, Гитлер становился все более беспокойным. Беседа явно действовала ему на нервы. Однажды он даже встал, сказав, что не в состоянии продолжать разговор, но сразу же сел снова и возобновил свои попытки взять верх над Франко. Наконец Франко сказал, что готов заключить договор, но обставил свою готовность столь многочисленными оговорками относительно поставок продовольствия и вооружения и времени его активного вмешательства в войну, что соглашение представляло собой лишь фасад.

Потом сделали перерыв. Риббентроп и Суньер продолжили обсуждение в поезде министерства иностранных дел. Изменения в позиции Германии, о которых Гитлер говорил Риббентропу перед прибытием поезда Франко, не ускользнули от внимания умного Суньера. «Испания получит территорию из французских колониальных владений»,? так было сформулировано предложение, выдвинутое во время визита Суньера в Берлин. Но «Испания получит территории из французских колониальных владений в той степени, в какой Франция может получить компенсацию из британских колониальных владений»,? такой была формула, предложенная Риббентропом в Хендайе как самая

большая уступка. Логично мыслящий испанец вполне резонно возразил, что в таком случае Испания может и ничего не получить? то есть если окажется, что Франции невозможно предложить компенсацию из британских владений.

В тот вечер испанцы дали ужин в большом банкетном вагоне Гитлера, специально привезенном из Германии и великолепно освещенном скрытыми светильниками. После ужина Гитлер и Муссолини собирались уехать и оставить своих министров иностранных дел вырабатывать формулировку, с которой они могли бы согласиться. Однако после трапезы оба диктатора снова углубились в дискуссию, из-за которой отправление поездов задержалось на два часа, но не приблизило стороны к взаимопониманию. На самом деле, чувства обоих претерпели изменения.

Буквально на следующее утро Риббентроп продолжил разрушение? шаг за шагом? того, что осталось от германо-испанской дружбы. Он систематично досаждал все более упорно сопротивлявшемуся испанскому министру иностранных дел, пытаясь заставить испанцев согласиться с формулировками соглашения, которые те упрямо отвергали. Наконец Риббентроп отослал испанцев в Сан-Себастьян, как будто они были школьниками, плохо выполнившими задание. «Текст должен быть здесь завтра в восемь часов утра,? сказал суровый „учитель“.? Я должен оставить вас, так как мы встречаемся с маршалом Петеном». Но его «ученики» вообще не появились на следующее утро. Вместо этого они прислали заместителя Государственного секретаря Эспинозу де лос Монтероса, дружелюбного, приятного человека, который одно время был послом в Берлине и говорил по-немецки как житель Вены, так как учился в этом городе. «Учитель» оценил работу как «неудовлетворительную». Как раз перед отъездом из Хендайе поспешно набросали еще один проект соглашения. Он предусматривал вступление Испании в войну после взаимных предварительных консультаций, но не содержал никаких явно выраженных оговорок насчет поставок продовольствия и оружия. Дружелюбный испанец на своем очаровательном венском диалекте пообещал представить проект Франко и доложить Германии о его решении.

Кипя от ярости, Риббентроп поехал со мной на машине в Бордо, где находился ближайший аэродром. Как и по пути в Компьен, нам пришлось нестись во весь опор, чтобы вовремя прибыть в Монтуар на встречу с Петеном. Всю дорогу Риббентроп поносил «иезуита» Суньера и «неблагодарного труса» Франко, который «обязан нам всем, а теперь не хочет присоединиться к нам». Подпрыгивания машины на ухабах, казалось, усиливали его

досаду. Мы вылетели в Тур в очень плохую погоду. Любой другой летчик, кроме Бауэра, вероятно, не смог бы произвести посадку в дождь и туман, но он благополучно доставил нас на землю, и мы оказались вовремя в салоне Гитлера на станции Монтуар, когда туда прибыл старый маршал Франции.

Несмотря на преклонный возраст, маршал в щегольской униформе сидел очень прямо напротив Гитлера. Держался он скорее самоуверенно, чем подобострастно, и со спокойной леностью слушал мой перевод. Я говорил очень громко, потому что мне сказали, что маршал глуховат. Рядом с ним, как живая противоположность, сидел маленький смуглый Лаваль в неизменном белом галстуке, поочередно искательным взором поглядывая то на Гитлера, то на Риббентропа, пока я переводил.

Гитлер перечислил длинный список французских грехов, не выказывая, однако, резкости. Он повторил то, что говорил в Хендайе: «Мы уже выиграли войну; Англия побеждена и рано или поздно будет вынуждена признать это». И продолжал: «Ясно, что кто-то должен заплатить за проигранную войну. Это будет или Франция, или Англия. Если расплачиваться будет Англия, то Франция займет подобающее ей место в Европе и сможет полностью сохранить свои позиции как колониальная держава». Но чтобы это случилось, важно, чтобы Франция уже сейчас защитила свои колониальные владения от нападения и отвоевала колонии в Центральной Африке, перешедшие на сторону Де Голля. Косвенное предложение присоединиться к войне против Англии было сделано, когда Гитлер спросил Петена, что будет делать Франция, если на нее снова нападет Англия, как это было, например, когда французские военные корабли в Оране отказались подчиняться приказам британского флота.

Петен сразу же понял подтекст, потому что ответил, что Франция не в состоянии вести новую войну. Он в свою очередь задал вопрос Гитлеру об окончательном мирном договоре? «чтобы Франция была осведомлена о своей судьбе, а два миллиона французских военнопленных могли как можно быстрее вернуться домой».

Здесь в разговор вмешался Лаваль, указав на готовность, с которой Франция откликнулась на требование Германии о сотрудничестве не только в чисто военных областях. Французы миролюбивый народ. Они неохотно пошли на войну и никогда по-настоящему не сражались, о чем свидетельствует большое число военнопленных.

Гитлер не ответил на те вопросы, которые, разумеется, казались Петену и Лавалю самыми важными, а французы не сказали ни слова в ответ на намек Гитлера насчет вступления в

войну против Англии. Карта, на которую поставил Гитлер, была бита в результате осторожной сдержанности Петена и Лаваля. Односложные ответы Петена во время дискуссии в Монтуаре явно свидетельствовали о категорическом отказе, не лучше обстояло дело и с Лавалем. Хорошо зная французов, свои симпатии во время этого разговора я отдал побежденным. По-моему, в таких случаях люди особенно чувствительны к любой фальшивой ноте с противоположной стороны. Я понял тогда и считаю до сих пор, что Франции нечего было стыдиться той позиции, которую заняли эти двое французов в отношении к победителю на той встрече в Монтуаре. Мое впечатление подтвердил и тот факт, что в тот вечер Гитлер, по моим наблюдениям, был особенно разочарован отчужденностью французов. В последующие месяцы это разочарование продолжало нарастать и к Рождеству достигло высшей точки во взрыве ярости против адмирала Дарлана, преемника Лаваля. Тогда Гитлер целый час разносил Дарлана в том же самом вагоне, где проходил в Монтуаре разговор с Петеном и Лавалем.

* * *

У тех, кто возвращался в Германию в двух специальных поездах Гитлера и Риббентропа, настроение было не особенно радостным. Ни в Хендайе, ни в Монтуаре Гитлер не получил того, чего хотел. Но появилась и другая проблема: вскоре после того, как мы достигли немецкой границы, наше посольство в Риме сообщило, что Италия готова захватить Грецию. Гитлер был вне себя? он считал акцию Муссолини совершенно неприемлемой в это время года. Риббентроп, «голос хозяина», сказал нам за ужином: «Итальянцы ничего не добьются в Греции в период дождей и снегопадов. Кроме того, последствия войны на Балканах весьма непредсказуемы. Фюрер намерен любой ценой удержать дуче от выполнения этого безумного замысла, поэтому нам нужно немедленно ехать в Италию, чтобы поговорить с Муссолини лично». В напряженной атмосфере, воцарившейся в нашем вагоне по получении этого известия, мы остро почувствовали, как дернулся поезд, когда повернул от Берлина на юг. «Полиция поспешила на место преступления»,? как говорится в детективных романах.

Мы проезжали по преждевременно занесенной снегом местности, такой же холодной, как наше настроение, и в 10 часов утра 28 октября прибыли на празднично украшенный вокзал во Флоренции. Мы уже знали, что опоздали, так как два часа тому

назад пришло сообщение, что итальянцы вступили в Грецию. Муссолини встретил Гитлера, самодовольно улыбаясь. Прямо на платформе он объявил в нашем собственном стиле, характерном для подобных случаев: «Победоносные итальянские войска сегодня на рассвете пересекли греко-албанскую границу». Это была месть Муссолини за бесчисленные акции, о которых Гитлер никогда ему не сообщал до того момента, когда принц Гесский, королевский курьер, отправлялся на рассвете специальным самолетом в Рим.

Гитлер проявил удивительное самообладание. Он умел проигрывать, как говорят англичане в таких случаях, и не наблюдалось ни малейшего признака мысленного зубовного скрежета в дружеских словах, которыми он обменялся с Муссолини возле палаццо Питти.

В тот же день Гитлер снова отправился на север, затаив горечь в сердце. Три раза он испытал крушение надежд? в Хендайе, в Монтуаре и теперь в Италии. В длинные зимние вечера следующих нескольких лет эти продолжительные, напряженные поездки заполнялись разговорами, полными горьких упреков в адрес неблагодарных и неверных друзей, партнеров по «Оси» и «обманщиков» французов.

* * *

В оставшиеся месяцы 1940 года я работал без отдыха. В начале ноября Риббентроп и Чиано встретились, чтобы поохотиться в Шенхофе рядом с Карлсбадом. Я считал занятия этим изысканным видом спорта неподобающими для военного времени. Вечерами я переводил политические разговоры в небольшом замке, который «арендовал» Риббентроп. «Мы уже выиграли войну», без конца повторяла «граммофонная пластинка». Этот припев я переводил со все большим отвращением.

Десять дней спустя, 12 ноября, в Берлин прибыл Молотов. В следующей главе я более подробно коснусь судьбоносных и чрезвычайно интересных бесед, которые вел посланец Сталина с Гитлером в те ноябрьские дни.

18 и 19 ноября я работал в Берхтесгадене, где Гитлер принимал царя Болгарии Бориса, а потом Чиано и Суньера. Итальянский и испанский министры иностранных дел уже имели долгие, но бесплодные беседы с Риббентропом.

Еще одному монарху потребовались мои услуги переводчика: король Леопольд Бельгийский, содержавшийся как

военнопленный в своей собственной стране, встречался с Гитлером 19 ноября. Несколькими неделями раньше принцесса итальянской королевской семьи, сестра Леопольда, была принята в Бергхофе и за время неофициального чаепития коснулась не только многочисленных вопросов, имевших отношение к Италии, но и говорила о трудном положении в ее родной стране Бельгии. Что естественно для женщины, она говорила в основном о гуманитарных проблемах, в частности, интересовалась судьбой бельгийских военнопленных и красноречиво просила, чтобы им разрешили вернуться домой. Она нарисовала удручающую картину положения с продовольствием в Бельгии.

Гитлер занял уклончивую позицию. Если бы он говорил с мужчиной, то на оба вопроса ответил бы резким отказом, но с женщинами он всегда держался гораздо мягче, особенно если они были молоды, элегантны и высказывали свои просьбы с таким женским очарованием и дипломатическим тактом, как это сделала принцесса Пьемонтская. Через некоторое время она, конечно, распознала уклончивую тактику Гитлера.

«Если Вы не желаете обсуждать эти вопросы со мной,? сказала она, наконец, с чисто женской изобретательностью,? потому что я простая женщина и ничего не понимаю в политике, не могли бы Вы поговорить о них с моим братом Леопольдом? Все эти тяготы, которые вынужден нести его народ, очень его угнетают».

Я сразу же увидел, что Гитлеру совсем не интересна такая встреча; он раздраженно нахмурился, что свидетельствовало о том, что он считает, будто его поймали в западню. Однако потом лоб его разгладился, и он сказал, что готов принять короля Леопольда, но сделал это таким тоном, что можно было смело предположить: ничего из этого не выйдет. Принцесса удовлетворилась своим успехом. На обратном пути в Мюнхен она заставила меня вкратце пересказать всю беседу; у меня сложилось впечатление, что она хотела дать брату очень точный отчет об этом разговоре.

Когда некоторое время спустя я забирал короля Леопольда из маленькой гостиницы неподалеку от Бергхофа, чтобы ехать с ним на встречу с Гитлером, мне показалось маловероятным, что он знал о мерах, принятых его сестрой. Он шел рядом со мной, высокий и стройный, и казался мне студентом, который идет на дополнительные занятия, чтобы понравиться своим родителям, хотя и не видит в этом смысла. По ступенькам знаменитого Бергхофа он поднялся медленно, с неохотой, не проявляя тех упований, которые отличали таких посетителей, как царь Борис, Ллойд Джордж, Чемберлен и герцог Виндзорский.

Было заметно, что Гитлер, встречая Леопольда, избрал тактику некоего холодного дружелюбия. Выражение лица короля, когда он сидел в кабинете Гитлера, представляло собой смесь недовольства и выжидательности, и я почувствовал, что он втайне сожалел об инициативе своей сестры. Гитлер попытался разрядить атмосферу несколькими вопросами личного характера. Любезные фразы, которые он использовал в таких случаях, выдавали его австрийское воспитание. «Я сожалею об обстоятельствах, в которых Вам приходится навещать меня. Нет ли у Вас каких-либо личных пожеланий, которые я мог бы выполнить?»

«У меня лично нет никаких пожеланий»,? ответил Леопольд снисходительным тоном монарха, беседующего с революционным диктатором. Этим замечанием он явно давал понять, что собирается изложить другие, не личные просьбы, правда, для начала Леопольд постарался, чтобы Гитлер выслушал их, пребывая в более благосклонном настроении, поэтому поблагодарил его за то, что тот уже сделал. Среди прочего он выразил благодарность за разрешение бельгийским беженцам вернуться домой и добавил свою личную благодарность за оказанные ему услуги? особенно за возвращение его детей из Испании. Но Леопольд не был хорошим дипломатом: он произносил слова благодарности, но они звучали не очень убедительно.

Затем Гитлер начал один из своих бесконечных монологов о политической ситуации. Но разговор складывался лучше, чем я опасался вначале. В середине своего выступления Гитлер вдруг спросил Леопольда, как тот оценивает будущие отношения между Бельгией и Германией. Леопольд ловко ответил вопросом на вопрос: обретет ли Бельгия свою независимость после заключения мира? Гитлер, не любивший конкретных вопросов, пустился в длинные рассуждения о будущем Европы. Король Леопольд стоял на своем: попросил дать более точное определение независимости Бельгии, добавив, что думает, в частности, о независимости во внутренних делах (прозрачный намек на поддержку фламандцев со стороны немцев). К тому времени Гитлеру явно надоела такая настойчивость, и он яростно напустился на предвоенную позицию Бельгии, нарушение ею своих обязательств нейтральной страны и так далее. В будущем Бельгия должна ориентироваться на Германию в политическом и военном отношении.

«Должен ли я понимать, что политическая независимость Бельгии будет гарантирована в обмен на военное и политическое соглашение между Бельгией и Рейхом?»? спросил Леопольд. В

последовавших затем замечаниях он делал такой упор на любовь бельгийцев к независимости, что сразу же зародил сомнения относительно вероятности этого решения. Он требовал безоговорочной независимости, используя в качестве довода то, что Великобритания уже давно официально признала их независимость и что бельгийцы, вне всякого сомнения, станут на сторону той страны, которая гарантирует их безопасность при любых обстоятельствах. В то время британское радио больше, чем когда-либо, влияло на бельгийское общественное мнение относительно этого больного вопроса.

С этого момента Гитлер был глух к просьбам Леопольда. Он не скрывал досады на то, что король Бельгии, в отличие от глав других государств, не соглашается с большой охотой на предложение сотрудничать с Германией. Более того, среди просьб Леопольда прозвучала просьба о возвращении бельгийских военнопленных. «Нам самим нужна рабочая сила,? сказал Гитлер,? офицеры, само собой, останутся в плену до конца войны». Леопольд в очередной раз приложил отчаянные усилия, чтобы получить от Гитлера какие-нибудь небольшие уступки в отношении поставок продовольствия и внутреннего управления в Бельгии. По обоим этим пунктам Гитлер остался неумолим. Взаимный антагонизм нарастал. Леопольд все меньше разговаривал и после отказа, казалось, иногда переставал внимательно слушать. С надменным выражением лица, отделываясь лишь официальными репликами, позволял он потоку гитлеровских слов протекать мимо него. Как случалось видеть мне прежде, беседа потеряла всякий смысл.

Гитлер, вероятно, хотел бы сразу положить конец этому визиту. Но предусматривалось подать чай королю и всем остальным, поэтому, хотя разговор и иссяк задолго до намеченного времени, Леопольда задержали для чаепития. Чай подали в той самой комнате, где несколько недель тому назад сестра короля с надеждой просила об этой встрече, так и не принесшей удовлетворения ее брату и разочаровавшей Гитлера.

За чаем Гитлер использовал последнюю приманку, чтобы убедить короля рассмотреть еще раз его предложение о более тесном сотрудничестве между двумя странами. В длинном монологе о новом порядке в Европе он указал, что если Бельгия повернется лицом к Германии, он не только полностью гарантирует ей военную защиту, так что вряд ли Бельгии понадобится армия в будущем, но Бельгия сможет также расширить свою территорию до Кале и Дюнкерка. Я переводил этот разговор так, как он шел, и, разумеется, очень осторожно отнесся к изложению этого предложения. Но король промолчал.

Да и слушал ли он? Не потерял ли он интереса к беседе? Я не мог понять. Я видел перед собой лишь совершенно апатичного, разочарованного человека, похожего на мальчика, который хочет, чтобы быстрее закончился урок в школе. Но конца не было видно, потому что Гитлер сел на своего конька? и надолго, повторяя одно и то же снова и снова.

Мое впечатление от этого разговора подтвердилось последующим развитием событий. Гитлер никогда больше не виделся с Леопольдом, все в Бельгии осталось по-прежнему. Администрация не сменилась, а положение с продовольствием осталось таким же плохим; бельгийские военнопленные не были освобождены до конца войны; сам Леопольд оставался пленником и был даже вывезен в Германию, несмотря на его протесты, незадолго до окончания войны. Гитлер никогда не простил ему отказа от его предложений в Берхтесгадене. «Он не лучше, чем остальные короли и принцы»,? случайно услышал я однажды его высказывание, хотя до того визита он отзывался о нем с уважением: «Король Леопольд предотвратил ненужную бойню в 1940 году».

Мой отчет об этой встрече сыграл свою роль в 1945 году во время дискуссий в Бельгии насчет возвращения короля на трон. Его назвали «Отчет Шмидта». Я узнал об этом лишь много позже, почти случайно. Оказалось, что союзники нашли лишь один из моих отчетов о данном разговоре, а, возможно, самый важный отчет, содержавший предложение Гитлера за чаепитием, очевидно, затерялся. В самом деле, бельгийский представитель расспрашивал меня о разговоре между Леопольдом и Гитлером, но так как в 1945 году иногда склонялись к мистификациям относительно допросов немецких официальных лиц, я так и не видел своего собственного отчета и мне не сказали, чем в действительности кончилось дело. Я мог бы легко прояснить любые темные места, о которых мне было известно.

Позднее я узнал, что точность моего отчета подвергалась сомнению. Предполагалось, что некоторые слова короля я передал так, как понравилось бы Гитлеру, а не так, как они на самом деле прозвучали. Это было абсолютно неверно, во-первых, потому, что Гитлер в то время обычно не просматривал мои отчеты, и, во-вторых, потому, что мне не было никакого резона проявлять ясновидение в 1940 году относительно спора о бельгийском троне в 1945. Что касается меня, то у меня сложилось впечатление, которое сохраняется до сих пор, что Леопольд ни в чем не уступил Гитлеру и в своем отчете я все передал правильно. Достаточно лишь взять на себя труд прочесть отчет в немецком оригинале с необходимым пониманием

политической ситуации.

* * *

Из Берхтесгадена я поехал с Риббентропом в Вену. Там, 20 ноября, Венгрия присоединилась к Пакту трех держав. В замке Бельведер были предусмотрены все необходимые церемонии? снова были поставлены подписи и нарисованы японские иероглифы, и я снова зачитал сложную заключительную часть с датами, проставленными на немецкий, фашистский и японский манер.

Два дня спустя мы уже были в Берлине. Генерал Антонеску, глава румынского государства, впервые встретился с Гитлером 22 ноября. Этот румын с виду напоминал прусского кадрового офицера, он получил образование во Франции, в последующие годы стал одним из близких друзей Гитлера, а на фотографиях стоит к нему даже ближе, чем Муссолини. К нему, единственному из иностранцев, Гитлер обращался за советом по военным вопросам, когда оказывался в затруднительном положении.

Антонеску до мозга костей оставался ярым противником большевиков и славян и не скрывал этого в Берлине. Он категорически выступал против решения венского арбитража насчет передачи Венгрии Трансильвании, которую называл «колыбелью Румынии». Перед встречей с Гитлером ему твердили, что он не должен говорить ни слова против принятого решения. В течение двух часов он только об этом и говорил. «Это всегда производило не меня впечатление»,? часто повторял потом Гитлер в моем присутствии. На мой взгляд, Антонеску, с его французской манерой разговора, был риторическим антиподом Гитлера. Но он произносил длинные речи совсем как Гитлер, обычно начиная с создания Румынии и сводя каким-то образом все сказанное к ненавидимой им Венгрии и к возврату Трансильвании. Ненависть к Венгрии тоже сближала его с Гитлером, который терпеть не мог мадьяр.

Антонеску прибыл в Берлин по случаю большого представления, поставленного с обычными театральными эффектами, чтобы отпраздновать присоединение Румынии к Пакту трех держав. Два дня спустя, 24 ноября, состоялось еще одно празднество в большом зале новой рейхсканцелярии в честь присоединения Словакии.

* * *

Год, оказавшийся таким беспокойным для меня, так же беспокойно и закончился. Во второй половине дня накануне Рождества я, ни о чем не подозревая, переходил через Вильгельмплац, собираясь праздновать Рождество дома с родными. Не успел я дойти до метро, как меня окликнул один из коллег: «Счастливого пути!» Я удивленно спросил его, что он имеет в виду. «Как, разве ты не знаешь, что сегодня летишь в Париж?»? ответил он. Я поспешил обратно в бюро. Пилот, мой тезка, как раз звонил по телефону. «Мы должны вылетать очень скоро, если хотим засветло приземлиться в Ле Бурже»,? сказал он. Через полчаса группа из трех человек и я уже летели над озером Гавель. «Совсем не то направление нужно было взять в канун Рождества»,? с досадой говорили мы друг другу.

Целью моей поездки было участие в переговорах Гитлера с адмиралом Дарланом в поезде Гитлера где-то к северу от Парижа. Гитлер находился совсем не в рождественском настроении, в течение получаса упреки так и сыпались на французского адмирала. «Почему сместили Лаваля?? кричал фюрер.? Это дело рук антигерманских интриганов из окружения маршала Петена».

Гитлер горько жаловался на Петена, который отклонил его приглашение присутствовать на погребении останков герцога Рейхштадтского, сына Наполеона. Гитлер, в качестве широкого жеста, приказал перенести их из Вены в Париж. Причина отказа Петена каким-то образом дошла до Гитлера? старый маршал опасался, что немцы похитят его. «Это оскорбительно, так не доверять мне,? вопил Гитлер вне себя от ярости,? когда у меня такие хорошие намерения».

Дарлану едва ли удалось сказать хоть три предложения в ответ, но то, что он сказал, представляло интерес. До того как стали известны условия перемирия с Германией, он раздумывал? потопить французский флот, или отвести его к Африке или Америке, или предоставить в распоряжение Великобритании. Когда он услышал, каковы условия перемирия, то понял, что Франция еще сможет играть какую-то роль в Европе, и поэтому решил служить под руководством Петена. Дарлан, между прочим, произвел на меня впечатление своей нескрываемой враждебностью по отношению к Англии в этом и в других случаях.

Гитлер резко закончил разговор. Я отправился обратно в Париж вместе с французским адмиралом и с удовлетворением отметил, что вся эта сцена не затронула создателя современного французского военно-морского флота. В дороге он как ни в чем ни бывало благодушно беседовал со мной, потчуя занимательными историями; его полнейшее безразличие меня

поразило.

На следующий день после Рождества я летел обратно на старом AMYY, неузнаваемом в новой военной раскраске. Странные рождественские праздники завершали год, полный событий. Бурная дипломатическая активность 1940 года являлась вспышкой национал-социалистской внешней политики перед концом; в последующие годы вопросы внешней политики постепенно сходили на нет в моей сфере деятельности как переводчика. Мне пришлось овладеть новой лексикой и научиться говорить на иностранных языках о танках, атаках, огнестрельном оружии, корветах, типах военных самолетов и о фортификационных сооружениях. Серьезность ситуации медленно, но верно оттесняла политические фразы на задний план.

Глава седьмая
1941 г

Я должен вернуться на несколько недель назад, к ноябрю 1940 года, чтобы включить переговоры Молотова с Гитлером в Берлине в эту главу, где они обретут свой особый контекст. Эти переговоры явились такой же явной прелюдией к конфликту с Россией в 1941 году, как вступление в Прагу в марте 1939 года, которое стало решающим событием, которое привело к разрыву с Западом. К неудаче Гитлера в поисках подхода к Испании и Франции на встречах с Франко в Хендайе и с Петеном в Монтуаре добавилось в ноябре гораздо более значительное фиаско в переговорах с Молотовым.

За несколько дней до прибытия Молотова развернулась дискуссия, играть ли при встрече Молотова на станции Анхальт советский национальный гимн, которым в то время считался «Интернационал». Риббентроп очень сурово посмотрел на меня, когда я в шутку сказал, что многие немцы могли бы присоединиться к пению гимна на немецком языке, который, без сомнения, еще не успели забыть. Однако осторожность возобладала, и на вокзале, украшенном больше цветами и зеленью, чем русскими флагами с серпом и молотом, играли лишь обычный приветственный марш. Поезд с советской делегацией прибыл утром 12 ноября 1940 года.

Церемония встречи не отличалась от церемоний при прочих государственных визитах. Были те же рукопожатия, знакомства, обход почетного караула и проезд в открытых машинах к апартаментам гостей в замке Бельвю в Тиргартене. Но когда я ехал с «моими» русскими по улицам Берлина, одно отличие поразило меня: население в полном молчании смотрело на проезжавший кортеж. Может быть, это случалось и по случаю других визитов, если аплодисменты не были организованы партией,? особенно на «Via Spontana», как некоторые из нас в этих случаях любили называть Вильгельмштрассе.

Формальности заняли немного времени. Обсуждение началось вскоре после прибытия русских. Прежде чем на ринг вышли два «боксера-тяжеловеса», Гитлер и Молотов, состоялись предварительные раунды между Молотовым и Риббентропом. Однако ни в коем случае это не было всего лишь обменом фразами и взаимными заверениями в дружбе, которые на самом деле не имеют значения, как случалось на многих других встречах. Представители Германии и Советской России сошлись в

настоящем поединке, как жесткие и опытные боксеры. По правде говоря, нокаута не было, но по истечении двух важных по своим последствиям дней мир между двумя странами подвергся большому испытанию.

Незадолго до той встречи Риббентроп освободил исторический кабинет Бисмарка на Вильгельмштрассе, 76. Наверное, он никогда не чувствовал себя там вполне уютно. Новый кабинет министра иностранных дел в бывшем президентском дворце был весьма удобен по сравнению с другими изысканно декорированными помещениями, которые выглядели так, будто предназначались для съемок какого-нибудь голливудского фильма. В этом кабинете 12 ноября сели друг против друга за круглый стол переговоров Народный комиссар иностранных дел Советского Союза Молотов и Министр иностранных дел Великого германского рейха. Присутствовал также Деканозов, заместитель Народного комиссара иностранных дел, о котором часто упоминали в связи с немецкими делами со времени начала войны. Более молодой сотрудник советского посольства в Берлине, «маленький Павлов», как мы его называли, выступал в качестве переводчика с русской стороны. С тех пор как началась война, я видел его на фотографиях стоявшим рядом с Молотовым и Сталиным на многих конференциях. Хильгер был переводчиком с немецкой стороны, а я присутствовал только как наблюдатель, чтобы составить затем отчет. Таким образом, я мог спокойно наблюдать за всем и делать заметки на протяжении обоих дней переговоров.

Риббентроп был чрезвычайно расположен к «людям с жесткими лицами». Чиано, наверное, не поверил бы своим глазам, если бы Риббентроп когда-нибудь улыбнулся ему так дружелюбно, как улыбался советскому министру иностранных дел. Лишь изредка Молотов отвечал взаимностью, когда холодная улыбка скользила по его умному лицу игрока в шахматы. Этот русский небольшого роста, с живыми глазами за стеклами старомодного пенсне, постоянно напоминал мне учителя математики. Сходство проявлялось не только в его внешности: Молотов отличался определенной математической точностью и безошибочной логикой в манере говорить и предъявлять аргументы. В своей четкой дипломатии он обходился без цветистых фраз и мягко упрекал, словно на уроке, Риббентропа, а затем и Гитлера за пространные и обтекаемые обобщения. Деканозов сидел, с жадным вниманием и бесстрастным лицом вслушиваясь в разговор, к которому ничего не добавлял.

«Ни одна держава в мире не может изменить тот факт, что наступило начало конца Британской империи»,? завел для начала

Риббентроп свою обычную пластинку, выбрав в тот день особенно большую громкость, так что после нескольких «тактов» у меня заболели уши. Немного позднее Молотов с иронией ответил на преувеличение Риббентропа, упоминая «ту Англию, которая считается уже побежденной[9]». «Англия побеждена, и ее признание поражения всего лишь вопрос времени!? громыхал Риббентроп.? Если англичане не решаются признать свое поражение сейчас, то, несомненно, запросят мира в следующем году… „Благодаря чрезвычайной силе своих позиций, державы „Оси“ не рассматривают вопрос о том, как выиграть войну, а, скорее, как побыстрее закончить уже выигранную войну“. Некоторое время он продолжал в том же духе. Я терялся в догадках, что думает об этом Молотов, с непроницаемым лицом внимательно слушавший перевод Хильгера.

Вдоволь побив в барабан, Риббентроп обратился к практическим вопросам, подлежащим обсуждению. В первую очередь это был вопрос о Японии. В то время Риббентроп еще горячо приветствовал более тесные связи между Россией и Японией. Четыре месяца спустя он и Гитлер во время имевших большое значение переговоров с японским министром иностранных дел Мацуокой уже сделали полный оборот в другую сторону и предостерегли Мацуоку в самых осторожных выражениях от какого-либо тесного сближения СССР. На основании этого я сделал вывод, что между ноябрем 1940 года и мартом 1941 Гитлер принял решение напасть на Россию, решившее судьбу Германии.

Теперь Риббентроп ввел более широкую тему, которую я для краткости буду называть «Южный мотив». В общих чертах ее можно описать так: «Все обращают свои взоры на Юг,? сказал Риббентроп, напустив на себя тот вид государственного деятеля, который он приберегал для особо важных случаев.? Япония уже повернулась к Югу и веками будет занята консолидацией своих территориальных приобретений». Я отметил, как он связал южный мотив с Японией, ведь если Япония собирается веками заниматься Югом, она не может быть угрозой для России. «Для обеспечения своего жизненного пространства, Lebensraum, Германия тоже будет искать пути к экспансии в южном направлении, то есть в Центральной Африке, на территориях бывших немецких колоний». Здесь южный мотив сочетался с нотой заверений. «В отношении России Германия установила границы для своих сфер влияния»,? успокаивающе добавил Риббентроп. Потом он снова вернулся к южной теме. «Итальянская экспансия также нацелена на Юг, к средиземноморскому побережью Африки,? теперь он достиг цели,

к которой и был направлен его мотив.? Не повернет ли и Россия, в конце концов, на Юг, чтобы обрести естественный выход в открытое море, в котором она так заинтересована?» Мне было ясно, что Германия старается отвлечь внимание на Юг, учитывая стремление средневековой Руси получить доступ к морю на Западе, и ищет способ освободить Европу нового гитлеровского порядка от угрозы, преобладающей в современной Европе.

«Какое море Вы имеете в виду, говоря о доступе к открытому морю?»? спросил Молотов с невинным видом. Немного сбитый с толку этим вмешательством, Риббентроп после длинного отступления насчет «больших изменений, которые произойдут во всем мире после войны», наконец, добрался до «Персидского залива и Аравийского моря» с очевидным намеком на Индию. Молотов сидел напротив него с непроницаемым лицом. Он не сослался потом на эти намеки, по крайней мере в тот раз в Берлине. Только после его отъезда, 26 ноября, от посла Германии в Москве пришла телеграмма, в которой говорилось, что Молотов согласился с предложениями относительно Пакта четырех держав «в части условия, что территория к югу от Батума и Баку в направлении Персидского залива признается как фокусная точка советских интересов». Это было лишь одно из четырех условий.

Следующим вопросом, которого коснулся Риббентроп, был вопрос Дарданелл; он хотел, чтобы пакт между Россией, Турцией, Италией и Германией заменил конвенцию Монтре[10].

Темой четвертого вопроса стало присоединение России к Пакту трех держав. «Не могли бы мы предусмотреть какое-либо соглашение между Россией и Пактом трех держав, причем Советский Союз заявит о своем согласии с целью трехстороннего пакта? предотвращение разрастания войны и быстрейшее заключение мира?» Риббентроп предложил встретиться в Москве для обсуждения этого вопроса. «Может, присутствие итальянского и японского министров иностранных дел будет при этом полезным. Насколько мне известно, они собираются приехать в Москву».

В заключение Риббентроп затронул в беседе и вопрос о Китае, осторожно дав понять, что он хотел бы быть посредником между Чан Кайши и Японией. «Во всяком случае, я предложил посредничество Германии, и сообщил маршалу Чан Кайши о точке зрения Германии».

… Молотов явно берег силы для главного сражения. Он едва коснулся вопросов, поднятых Риббентропом, который, разумеется, не наугад выбирал темы для беседы, а также основных вопросов, которые русские уже поднимали в Москве. Выражались некоторые критические замечания и подразумевались различные жалобы.

Методичный Молотов ограничился тем, что сам задал несколько вопросов.? Что означает в настоящее время зона Великой Азии?? спросил он.? Эта концепция не имеет отношения к сфере влияния, жизненно важной для России,? поспешил ответить Риббентроп.? Все же сферы влияния должны быть определены более четко,? парировал русский.? Прежде всего мы хотим достигнуть взаимопонимания с Германией, а уж потом с Японией и Италией…

И сразу же добавил: «После того как будем достоверно информированы о значении, сущности и целях Пакта трех держав».

Прозвучал гонг, возвещая об обеде и окончании разминки.

После обеда на ринг вышли «боксеры в тяжелом весе», и начался первый раунд между Гитлером и Молотовым. Участники были те же, Хильгер и Павлов выступали в роли лингвистических секундантов. Гитлер вступил в бой первым, чтобы опередить некоторые претензии русских, о которых он знал из бесед между Молотовым и послом Германии. Сам Молотов позднее постарался привлечь к ним внимание в ходе дискуссии.

«Германия в состоянии войны, а Россия? нет,? сказал Гитлер.? Многие меры, принятые Германией, объясняются потребностями войны. Например, в борьбе с Англией для Германии возникла необходимость продвинуться вглубь на территории, которые, в сущности, не представляют для нее ни политического, ни экономического интереса».

Затем Гитлер обрисовал в очень общих чертах (как всегда) неполитические экономические интересы Германии, особенно относительно источников сырья. Он признал усилия России по обеспечению доступа к открытому морю, не касаясь южного мотива Риббентропа, и заговорил о необходимости русско-немецкого сотрудничества. С этим Молотов от всей души согласился. Гитлер продолжал, призывая к борьбе с Соединенными Штатами, которые «пусть не в 1945, но в начале 1970-х или 1980-х годов будут серьезно угрожать свободе других наций».

С Гитлером Молотов не был молчаливым наблюдателем, на свой манер он очень активно вступил в разговор. Он хотел получить более точную информацию, чем та, которую дал ему Гитлер, в вопросах, касавшихся России, хотел, чтобы были поставлены все точки над «i». Мягким увещевательным тоном он заметил, что Гитлер сделал заявления общего порядка, с которыми он мог бы в принципе согласиться. Затем сразу же перешел к щекотливым моментам отдельных проблем.

Он взял быка за рога: «Применимо ли еще к Финляндии

германо-советское соглашение 1939 года?», «Что означает „Новый порядок“ в Европе и Азии и какую роль будет играть в нем СССР?», «Какова позиция относительно Болгарии, Румынии и Турции и как обстоят дела с охраной русских интересов на Балканах и на Черном море?», «Могу ли я получить информацию о границах так называемой зоны Великой Азии? Как определяет их Пакт трех держав?».

Вопросы сыпались на Гитлера сплошным потоком. Ни один иностранный посетитель никогда не говорил с ним так в моем присутствии. Я вспомнил, как негодовал Гитлер на список вопросов Идена в мае 1936 года, оставив его просто без ответа, и теперь мне было очень интересно посмотреть, как фюрер будет реагировать на перечень вопросов Молотова.

Гитлер не вскочил и не устремился к двери, как сделал это в сентябре 1939 года, когда сэр Гораций Вильсон принес ему письмо Чемберлена, не сказал, что нет смысла продолжать разговор, как сделал это в случае с Франко три недели тому назад в Хендайе. Он был смиренно вежлив.

«Пакт трех держав будет регулировать условия в Европе в соответствии с естественными интересами самих европейских стран,? сказал он, почти извиняясь,? и поэтому теперь Германия ищет сближения с Советским Союзом? так она может выразить свою точку зрения на территории, которые представляют для нее интерес». Урегулирование ни в коем случае не будет происходить без сотрудничества с Россией. Это применимо не только к Европе, но и к Азии, куда Россия, в соответствии с самим определением зоны Великой Азии, войдет и где сможет представить свои требования. «Здесь Германия играет роль посредника; ни в коем случае Россия не окажется перед лицом свершившихся фактов». В дополнение ко всему прочему был затронут вопрос о противостоянии любым попыткам Соединенных Штатов извлечь выгоду из европейских дел. «Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке или Азии».

Молотов горячо согласился с этим замечанием. Однако он оказался менее подготовлен к тому, чтобы связать себя обязательствами по другим вопросам; в первую очередь он хотел знать больше подробностей, прежде чем высказываться о присоединении России к трехстороннему Пакту. «Если нас будут считать равными партнерами, а не простыми марионетками, мы могли бы в принципе присоединиться к тройственному Пакту,? осторожно сказал он.? Но сначала необходимо более четко определить цели и объекты Пакта, и мне нужно располагать более точной информацией о границах зоны Великой Азии».

Гитлер уклонился от ответа на дополнительные настойчивые

вопросы Молотова, прибегнув к помощи англичан.

«Боюсь, нам придется сейчас прервать эту дискуссию,? сказал он,? иначе нас застигнет сигнал воздушной тревоги». Уходя, он заверил Молотова, что подробно коснется его вопросов на следующий день.

Ссылка Гитлера на воздушную тревогу оказалась не только предлогом для бегства. Я часто замечал, что он очень беспокоился о безопасности официальных гостей во время воздушных налетов. Например, в отеле «Адлон» при подготовке к визиту Суньера было оборудовано особенно укрепленное бомбоубежище, где ему пришлось находиться в опасное время. Большое глубокое укрытие под Паризер Плац, недалеко от «Адлона», куда мы смогли переместиться для выполнения срочных заданий министерства во время тяжелых налетов в 1944 и начале 1945 года, первоначально предназначалось для официальных гостей правительства.

В тот вечер, однако, англичане не атаковали Берлин, и прием, который дал Риббентроп для советской делегации, прошел без досадных помех.

Во время второй беседы с Гитлером и Риббентропом на следующий день Молотов настаивал на том, чтобы обсуждение касалось конкретных тем. Первая гроза разразилась при обсуждении вопроса о Финляндии.? Мы сами, захватывая территории, всегда строго придерживались секретной статьи московского соглашения, определяющего немецкие и русские сферы влияния,? начал Гитлер,? чего, во всяком случае, нельзя сказать о России.

Это замечание относилось к непредусмотренной оккупации Буковины русскими.? Это же относится и к Финляндии,? продолжал Гитлер,? там у нас нет политических интересов.

Но Германия нуждалась в никеле и лесоматериалах из этой страны во время войны и, следовательно, не могла допустить каких-либо военных осложнений с Финляндией, которые могли бы дать Англии возможность вовлечь в конфликт Швецию и таким образом подвергнуть опасности Балтийское море.? Германия ведет с Англией борьбу не на жизнь, а на смерть,? категорично заявил Гитлер,? и поэтому не может потерпеть ничего подобного.? Если между Германией и Россией сохранятся хорошие отношения,? спокойно ответил Молотов,? финский вопрос можно будет урегулировать без войны.

Потом добавил довольно резко:? Но в этом случае в Финляндии не должно быть немецких войск и никаких демонстраций против советского правительства.? Второй пункт ко мне не относится,? спокойно, но многозначительно ответил

Гитлер,? потому что мы здесь ни при чем.

И саркастически продолжал:? В любом случае, демонстрации могут устраиваться, и никогда не знаешь, чем фактически они обусловлены.

Гитлер говорил без обиняков, как на переговорах с западными партнерами. Относительно немецких войск, которые пересекали финскую территорию транзитом, чтобы попасть в Норвегию, он сказал, что может дать Молотову гарантии по этому вопросу, когда будет достигнуто общее соглашение по всему комплексу проблем.? Когда я упомянул о демонстрациях, то имел в виду также приезд финской делегации в Германию и прием высокопоставленных финнов в Берлине,? сказал Молотов.? Советское правительство считает своим долгом окончательно урегулировать финский вопрос.

Для этого не требовалось никакого нового соглашения, так как существующее русско-германское соглашение совершенно ясно предусматривало, что Финляндия относится к сфере влияния России.? Нам нужен мир в Финляндии из-за ее никеля и лесоматериалов,? начал раздражаться Гитлер.? Конфликт на Балтике создаст значительное напряжение в русско-германских отношениях? с непредсказуемыми последствиями.? Речь идет не о Балтике, а о Финляндии,? возразил Молотов.? Никакой войны с Финляндией,? последовал ответ Гитлера.? Тогда вы отходите от нашего прошлогоднего соглашения,? упорствовал Молотов.

Этот быстрый обмен ударами не стал яростным, но обе стороны вели спор с одинаковой настойчивостью. Даже Риббентроп счел необходимым мягко вмешаться. Затем Гитлер тоже начал говорить о южном мотиве, стараясь заставить русских сменить направление их устремлений с Запада на Юг. Он говорил о «состоянии банкротства» Британской империи, достояние которой следовало поделить, и хотя не упоминал Индию конкретно, но, несомненно, имел ее в виду, ссылаясь на «чисто азиатскую территорию на Юге, которую Германия уже признает как часть русской сферы интересов».

Молотов не дал себя надуть. Он сказал, что сначала предпочитает разобраться с вопросами, относящимися к Европе.? Вы дали Румынии гарантии, которые нам не нравятся,? обратился он к Гитлеру.? Действительны ли эти гарантии в действиях против России?? Они относятся к любому, кто нападет на Румынию,? решительно заявил Гитлер, но сразу же добавил:? Этот вопрос тем не менее не стоит так остро в вашем случае. Вы сами только что заключили соглашение с Румынией.? Что вы сказали бы,? спросил Молотов,? если бы мы дали Болгарии гарантии, подобные тем, что вы предоставили Румынии, и на тех

же условиях? то есть с выполнением строго военной миссии?? Если вы хотите дать гарантии на тех же условиях, что мы дали Румынии,? заметил Гитлер,? то прежде всего я должен вас спросить, обращались ли к вам болгары с просьбой о гарантиях, как обратились к нам румыны?

Ответ Молотова был отрицательным, но он выразил мнение, что Россия, несомненно, достигла бы соглашения с Болгарией, и подчеркнул, что у них нет намерения вмешиваться во внутренние дела этой страны. Он был бы благодарен, если бы Гитлер ответил на его вопрос.? Я должен поговорить об этом с дуче,? уклончиво сказал Гитлер.

Но Молотов не отступал и снова потребовал от Гитлера ответа, как от «человека, который вершит всю немецкую политику». Гитлер ничего не сказал.

В связи с Болгарией обсуждался также вопрос о Дарданеллах. Как и Риббентроп накануне, Гитлер захотел воспользоваться случаем, чтобы затронуть проблему пересмотра соглашения в Монтре. Молотов, со своей стороны, хотел иметь что-то большее, чем «письменную гарантию, препятствующую любому наступлению на Черном море через Дарданеллы; ему было нужно соглашение по этому вопросу только между Турцией и Россией. С фланга прикрытие было бы обеспечено путем гарантии для Болгарии, которая получила бы выход к Эгейскому морю.

Несколько дней спустя, 26 ноября 1940 года, наш посол в Москве сообщил нам, что Молотов требует «военно-морские базы в районе Босфора и Дарданелл, закрепленные долгосрочным соглашением», и предлагает подписать протокол «относительно военных и дипломатических мер, которые необходимо принять в случае отказа Турции».

Так было начато обсуждение вопросов, имеющих первостепенное значение для России.

Во второй половине дня Гитлер и Молотов обменялись еще несколькими резкими замечаниями по таким вопросам, как Салоники и Греция, а Гитлер, вслед за Риббентропом, выступил за русско-японское сближение. И снова англичане пришли ему на помощь, дав возможность положить конец неприятной беседе напоминанием о возможном воздушном налете в ближайшее время.

В тот вечер Молотов дал прием в русском посольстве, на котором присутствовал Риббентроп, но не Гитлер. В оставшихся без изменений (за исключением появления бюста Ленина) роскошных комнатах царского посольства на Унтер ден Линден подавались великолепные русские продукты, особенно, конечно, икра и водка. Никакой капиталистический или

плутократический? как чаще всего говорилось в Третьем рейхе? стол не мог быть накрыт богаче. Все было приготовлено очень вкусно. Русские оказались отличными хозяевами, и, несмотря на языковые трудности, это был великолепный прием. Молотов предложил дружеский тост, и только Риббентроп собрался ответить тем же, как англичане снова «вмешались» и нарушили гармонию русско-германского банкета. Гости в спешке покинули посольство по предварительному сигналу тревоги, так как большинство из них хотело побыстрее добраться до дома на машинах.

Риббентроп проводил Молотова в свое бомбоубежище. Я не присутствовал при их беседе, так как добрался в «Адлон», как раз когда налетели англичане, но Гитлер рассказал мне о ней на следующий день. Как я и ожидал, это было в основном повторение прочих дискуссий, хотя на этот раз Молотов оказался более словоохотливым и проявил интерес к Румынии, Венгрии, Югославии, Греции и Польше, а также к Турции и Болгарии. Риббентроп был поистине потрясен замечанием насчет интереса России к прибалтийским странам. Они с Гитлером постоянно ссылались на это замечание во многих последующих беседах, в которых я принимал участие, когда старались доказать, что поладить с Советским Союзом было просто невозможно. Молотов в этой связи также представлял подходы к обсуждению проблемы Балтики как вопрос, имеющий значение для России, и упомянул Каттегат и Скагеррак.

Молотов с русской делегацией уехал на следующий день. Со времен Судетского кризиса и переговоров с Чемберленом я не присутствовал при таком остром обмене мнениями, как тот, что состоялся во время разговора между Гитлером и Молотовым. Я уверен, что именно в те дни были приняты решения, которые привели Гитлера к мысли напасть на Советский Союз. Это был последний случай, когда внешняя форма и внутреннее содержание никак не были взаимосвязаны. Я присутствовал на многих других встречах под сгущающимися перед бурей тучами на политическом небосводе, но все они казались расплывчатыми и смутными по сравнению с разговорами между Гитлером и Молотовым.

Было, однако, одно исключение? беседа, которую Гитлер и Риббентроп имели четыре месяца спустя с другим посланцем с Востока, японским министром иностранных дел Мацуокой.

Музыкальное имя министра иностранных дел, который прибыл в Берлин с государственным визитом из Японии, находилось тогда у всех на устах. Примечательно, что берлинцы произносили его имя четко, не меняя на берлинский манер, как

делали это, например, во времена Келлогского пакта[11], когда президента Кулиджа и Келлога прозвали Кулике и Келлерлох. Мне часто доводилось проезжать по Берлину вместе с Мацуокой во время его визита в марте, и я имел возможность наблюдать реакцию берлинцев на этого низенького человека из Японии. «Смотри-ка, это Мацуока!»? кричала обычно толпа. «Смотри, чтобы этот малыш не проскользнул под машиной!»? окликнул меня однажды толстый берлинец, когда я выходил из машины. Мацуока воспринял это как комплимент и с азиатской церемонностью приподнял шляпу.

Я был знаком с Мацуокой с 1931 года, когда он возглавлял японскую делегацию в Женеве, представляя интересы Японии в Лиге Наций во время Маньчжурского конфликта. Снова увидев его в Берлине, я сразу же вспомнил сцену в переполненном зале Лиги Наций, когда он громил «анархию в Китае».

26 марта вместе с «вождями партии и государства» я ждал на станции Анхальт прибытия специального поезда с Мацуокой. «Bahnhof», как привыкли мы называть подобные торжественные встречи в министерстве иностранных дел, всегда представляла собой нечто вроде спектакля мюзик-холла, поставленного на дипломатической сцене.

Со всеми присутствующими официальными лицами и партийными деятелями в мундирах? а как богато были украшены эти мундиры? вся сцена была больше похожа на декорацию для съемок фильма, чем на встречу дипломатов. Длинная красная ковровая дорожка, расстеленная на платформе, задавала тон. Вдоль нее выстроились официальные лица в зависимости от их департамента и ранга; во главе стоял министр иностранных дел рейха, похожий на усталого актера-кинозвезду, играющего роль государственного деятеля. Рядом с ним непомерно высокий начальник протокольного отдела фон Дернберг, который, как и Фуртвэнглер, был опытным дирижером дипломатического оркестра на таких вокзальных встречах. Он отвечал за то, чтобы солисты не пропустили свою очередь. Кроме того, он должен был позаботиться, чтобы министр иностранных дел рейха был хорошо освещен прожекторами, когда Восток и Запад пожмут друг другу руки в точно рассчитанный момент сразу после остановки поезда. Другим условием, которое следовало выполнить, чтобы встреча проходила в точности, как написано в «сценарии», являлось следующее: когда поезд остановится, дверь салона-вагона гостя должна оказаться как раз перед ковровой дорожкой Как известно любому машинисту, с поездом из двенадцати-пятнадцати вагонов это требует определенного умения, но на каждом из бесчисленных «вокзалов», в которых я принимал участие, этот

трюк безупречно выполнялся железнодорожниками рейха. Для этого весь поезд следовало тщательно измерить на последней станции перед Берлином, затем рассчитать, насколько сожмутся буферы отдельных вагонов при заданном давлении на тормоза. Были также и другие проблемы. Но это всегда получалось, даже если иногда, как во время одного из многочисленных визитов Муссолини, поезд останавливался с таким толчком, что важные иностранные персоны прикладывались лбами к рамам вагонных окон и улыбки, предписываемые на тот момент сценарием, сменялись гримасой боли.

В случае с Мацуокой толчка не было. Поезд с Мацуокой, маячившим у окна, спокойно подошел к платформе и остановился у красной дорожки, так что представитель Дальнего Востока смог ступить на перрон в соответствии с программой. Министр иностранных дел рейха и его свита торжественно двинулись вперед, чтобы приветствовать его. Последовало взаимное представление коллег? вспышки фотографов? прожектора для съемки кинохроники? аплодирующая толпа? поющие дети? короткая передышка в так называемой «комнате принцев» (зал ожидания для государственных гостей на вокзале Анхальт). Затем еще одна съемка на вокзальной площади? военные оркестры? национальные гимны? обход почетного караула обоими министрами.

Комический эффект, создаваемый разницей в росте, гротескно подчеркивался высоким ростом стоявшего рядом с ними начальника протокольного отдела.

Щегольски одетый маленький японец с его торжественным лицом, короткими черными усиками и очками в золотой оправе напоминал ребенка, потерявшего родителей на ярмарке. Хотелось взять его за руку и увести прочь от шума и толкотни. Какой разительный контраст представлял он здесь в окружении высоких немцев, буквально глядевших на него сверху вниз, по сравнению с тем случаем в Женеве, когда я смотрел, задрав голову, как он стоит на трибуне спикера и вопит об «анархии в Китае»!

Энтузиазм населения вдоль улиц, по которым мы ехали в автомобилях к замку Бэльвю, был старательно организован, как подобало диктаторскому государству. Продюсеры, на этот раз члены партии, подумали обо всем, включая тысячи японских флажков, в последнюю минуту торопливо розданных толпе на «Via Spontana». Кто-то увидел это в еженедельной кинохронике и подумал, что это особенно изысканный японский обычай,? так Берлин спешно перестроился на японский лад.

Сначала энтузиазм берлинцев по поводу Мацуоки был неотличим от восторга, с которым они встречали других

государственных визитеров? от Муссолини до хорватского лидера Поглавника. Но на протяжении нескольких дней после его прибытия, когда люди в Берлине из кинохроники, радио и его проездов по улицам получили более ясное представление о маленьком госте из Дальневосточной Азии, их интерес стал более теплым. Тонко чувствуя комические ситуации, берлинцы разглядели опереточный эффект во всех этих сценах, и по мере того как продолжался визит, все более веселой становилась атмосфера на улицах, по которым проезжал Мацуока.

Первая встреча с Гитлером состоялась на следующий день после приезда Мацуоки. Церемония, предписанная для таких приемов, описывалась часто. Во многом она была похожа на «вокзал». Самой примечательной чертой такого приема была прогулка по огромному залу новой Канцелярии; сразу становилось ясно, чувствует ли посетитель себя как дома на сверкающем паркете. Здесь, правда, были мраморные плитки, а не паркет, но такие гладкие, что гостю приходилось преодолевать мелкими, осторожными шагами пятьсот футов до больших дверей приемной перед кабинетом Гитлера. Когда эти двери открывались, государственный министр Майснер, главный цереминиймейстер Гитлера, который правил здесь, пропускал немногих. Остальные, как бы ни была безупречна их униформа, вежливо, но решительно перехватывались подчиненными Майснера и препровождались в другие приемные, где находились в большей или меньшей степени под наблюдением.

Таким образом, на той встрече 27 марта 1941 года кроме Гитлера и Мацуоки присутствовали только два посла? Отт, наш посол в Токио, и Ошима, японский посол в Берлине.

В то утро пришло известие, что в Югославии свергнуты в результате оппозиционного государственного переворота Цветкович и принц-регент Павел. Эта новость заставила Гитлера отложить встречу с Мацуокой на более позднее время, чем предусматривалось.

Всего за несколько дней до этого я стал свидетелем приема Югославии в Пакт трех держав в замке Бельведер в Вене. Югославия решилась подписать договор только после большого нажима со стороны Германии. Эксперты советовали не настаивать на подписании договора, так как югославское правительство, ввиду преобладающих в обществе настроений, не пережило бы такой непопулярной меры. Больше всего выступал против фон Хеерен, немецкий посол, но, как и во многих других случаях, мнение «слабых дипломатов» выбросили в мусорную корзину. Давление на Югославию усилили, Цветкович подписал договор в Вене? и всего через несколько дней произошла катастрофа, как и

предсказывали «слабаки». Должен добавить, что после торжественного подписания договора я выпил сливовицы с Цветковичем и таким образом выиграл пари, что войду в этот балканский ритм.

В то время как Гитлер, жаждущий мести, отдавал указания для нападения на Югославию, Риббентроп проводил в одиночестве подготовительные переговоры с Мацуокой. Почти по отработанной программе он проигрывал старую пластинку об огромном военном превосходстве Германии. Правда, он больше не говорил, что война уже выиграна. Со времени визита Молотова он проигрывал свои старые пластинки более тихо: вместо припева об уже выигранной войне теперь звучало утверждение, что Германия сведет на нет любую попытку Англии высадиться на континент и утвердиться здесь. Кроме того, у Германии теперь есть большая резервная армия, «которая может быть приведена в действие в любое время и в любом месте, как сочтет необходимым Фюрер».

Для любого, кто обладал острым слухом, особенно для того, кто знал о неуклонном намерении Гитлера напасть на Советский Союз, в этих словах был слышен в первую очередь русский мотив. В многочисленных вариациях это сквозило во всех беседах с Мацуокой. В сочетании с модифицированным южным мотивом, теперь звучавшим как стремление убедить Японию атаковать Англию в Юго-Восточной Азии, это и составило основную тему переговоров.

«Строго между нами, господин Мацуока,? сказал Риббентроп в конце этой дискуссии, на которой он замещал Гитлера,? я должен сообщить Вам, что в настоящее время отношения между Советским Союзом и Германией корректны, но не совсем дружественны». Это было очень мягкое и сдержанное определение позиции, сложившейся, насколько мне было известно, после бесед с Молотовым. «После визита Молотова,? более откровенно продолжал Риббентроп,? во время которого мы предложили России вступить в Пакт трех держав, русские выдвинули нам неприемлемые условия. Нам пришлось бы поступиться нашими интересами в Финляндии, сохранить очень сильные влиятельные позиции русских на Балканах и гарантировать им базы на Дарданелл ах. Фюрер не пойдет на такое урегулирование».

Мацуока сидел невозмутимо, ничем не проявляя, какое впечатление произвели на него эти интересные замечания.

В ходе дальнейших бесед и Гитлер, и Риббентроп постоянно возвращались к этой теме. Они явно старались развеять впечатления Мацуоки, что между Германией и Советским Союзом существовали гармоничные отношения, лишь бы Япония не

склонилась к более тесной дружбе с Россией. Мне было особенно интересно наблюдать, как их заявления постепенно все более открыто нацеливались на грядущий конфликт с СССР, хотя на самом деле они ни разу об этом не упоминали. Так, в другом контексте Риббентроп вполне откровенно жаловался на все более недружелюбное отношение Советов к Германии: «С тех пор как сэр Стаффорд Криппс стал послом в Москве, отношения между Россией и Англией очень активно укрепляются». Мацуока навострил уши, а Риббентроп продолжал весьма властным тоном, на который он иногда переходил: «Я лично знаю Сталина и не думаю, что он склонен к авантюрам, хотя, естественно, полностью уверенным быть не могу». Он подошел к точке, которую наметил для себя с самого начала, и теперь стал обсуждать вопрос с удивившей меня откровенностью: «Если однажды Советский Союз займет позицию, которую Германия сочтет угрожающей, фюрер уничтожит Россию».

Даже невозмутимый Мацуока моргнул при этих словах? такой была его реакция на открывающиеся перед ним перспективы. Риббентроп, должно быть, подумал, что вид у того весьма озабоченный, поэтому решил применить успокоительное. «Германия абсолютно убеждена,? сказал он, подчеркивая каждое слово,? что война против Советского Союза приведет к полной победе немецкого оружия и полному разгрому русской армии и разрушению русского государства».

По встревоженному выражению лица Мацуоки Риббентроп понял, что случайно прописал неправильную дозу и слишком далеко зашел в своих откровениях. Поэтому быстро добавил: «Однако я не верю, что Сталин будет следовать такой безумной политике».

Теперь возник южный мотив. «Трехсторонний пакт сможет лучше достигнуть своей цели по предотвращению разрастания войны, если припугнет Соединенные Штаты и отвратит их от намерения принять участие в войне,? сказал Риббентроп.? Это возможно в том случае, если участники Пакта решатся на общий план окончательного завоевания Британии». Этот явный намек он сочетал с предложением Японии занять Сингапур.

На этом обсуждение было прервано. Риббентропа вызвали на совещание к Гитлеру. На том совещании они решили начать войну против Югославии.

Я воспользовался перерывом, чтобы перекинуться парой слов с Мацуокой, рассказав ему, с каким интересом я следил за его деятельностью в период Маньчжурского кризиса и что до сих пор помню, как японская делегация покинула Лигу Наций.

«Именно так,? ответил он.? Я не очень преуспел в том случае:

если бы мы остались в Лиге и убедили государства-члены Лиги принять точку зрения Японии, моя миссия была бы более успешной. А так я считаю наш уход из Лиги неудачей».

Мне хотелось бы ответить: «Не только Япония ушла из Лиги», но это было мое личное мнение, не относящееся к дискуссии.

Переговоры с участием Гитлера, отложенные из-за югославского кризиса, возобновились во второй половине дня. Гитлер был снова уверен в победе, говоря об успехах немецких подводных лодок и превосходстве люфтваффе. «Советую Вам,? сказал он Мацуоке,? обратить внимание, будучи в Берлине, какие незначительные повреждения нанесены воздушными атаками англичан, и сравнить их с теми разрушениями, которые мы причинили Лондону; так Вы получите представление о нашем превосходстве в воздухе». Хотя его министр иностранных дел вел себя более сдержанно в этом вопросе, Гитлер все еще считал, что Англия уже проиграла войну. «Вопрос только в том, чтобы Англия была достаточно благоразумна, чтобы признать свое поражение. Затем мы станем свидетелями смещения тех членов правительства Великобритании, которые являются ответственными за неразумную политику». У Великобритании оставалось лишь две надежды: американская помощь? «но если она и прибудет в Англию, то будет слишком незначительной и придет слишком поздно»? и Советский Союз.

Это замечание навело Гитлера на одну из двух основных тем. Он разрабатывал ее так же, как и Риббентроп, но не столь неуклюже. Время от времени он использовал те же ключевые фразы, что и Риббентроп; позднее их повторяли Мацуоке Геринг и остальные. Мне они напоминали стереотипные речи по случаю визита Самнера Уэллеса.

При обсуждении второй темы, южной проблемы, Гитлер заметил, что ему очень хотелось бы избежать вступления Соединенных Штатов в войну. Очевидно, это было больным вопросом для него, так как он постоянно возвращался к этому в своих беседах с Мацуокой. Одним из самых подходящих способов для достижения этой цели, предположил он, была бы решительная атака на Англию? например, неожиданный захват Сингапура Японией. Другая такая возможность может представиться не скоро, поэтому Япония должна действовать быстро. «И при этом ей не следует опасаться России ввиду мощи германской армии».

Все эти весомые намеки преподносились в обрамлении великолепных риторических фейерверков. Сам Гитлер, без сомнения, видел военно-политическую ситуацию в розовом свете. Как это часто бывало, он передергивал факты и цифры, создавая

видимость того, что держит в голове все подробности о производстве вооружения и о стратегии.

Маленький Мацуока спокойно сидел напротив Гитлера, как и другие «собеседники» немецкого диктатора, он не имел возможности вставить хоть слово. Однако в конце концов Гитлер замолчал, чувствуя, несомненно, что достаточно подготовил почву, и с вызовом посмотрел на Мацуоку. Медленно и осторожно произносил Мацуока английские слова? он неплохо овладел английским языком за время своего пребывания в Соединенных Штатах. На предложение Гитлера насчет захвата Сингапура он ответил уклончиво, он лично был убежден, что точка зрения Германии правильная. «Но,? добавил он с некоторым ударением,? в данный момент я не могу дать твердое обещание от лица японского правительства».

Выражение лица Гитлера при этом ясно свидетельствовало о его разочаровании этими словами. Мацуока примирительно сказал, что сам он за быстрые действия, но еще не может заставить думать так же всю Японию. Он продолжал на удивление откровенные жалобы, совершенно неуместные в данной беседе, на противодействие его энергичной политике экспансии, с которым ему приходится бороться в Японии. Это противодействие исходило от интеллектуалов? от японцев, получивших образование в Англии и Америке. Торговля, придворные круги? все, казалось, состояли в заговоре против Мацуоки. Мне показалось, когда я делал заметки, что я слушаю чтение одной из передовиц Геббельса насчет трудностей внутри Германии.

Замечания Мацуоки показались бы мне еще более интригующими, если бы я знал, как знаем мы теперь, что почти в это же самое время другой посланец Японии жаловался на него в разговоре с президентом Рузвельтом 14 марта 1941 года. Я имею в виду Номуру, японского посла в Вашингтоне, который вполне открыто сказал, что министр иностранных дел говорит слишком много, потому что это производит хорошее впечатление в Японии, а движет им личное честолюбие. Номура сказал, что Япония не может позволить себе такие амбициозные планы, какие вынашивает Мацуока. Ситуация в Европе ухудшается все больше, и, следовательно, Япония и Соединенные Штаты должны работать вместе для сохранения мира. Относительно поездки Мацуоки в Берлин Номура сказал, что это всего лишь дань вежливости по отношению к германскому правительству и что воинственные заявления, которые делал Мацуока по пути в Берлин, не стоит принимать всерьез. Это не вполне удовлетворило государственного секретаря Корделла Халла. Он рассказывал нам, что ответил Номуре: «Вы должны понимать, что

кокетничанье Мацуоки с „Осью“ и его громкие заявления по пути в Берлин в сочетании с концентрацией японских военно-морских и военно-воздушных сил рядом с Индокитаем и Таиландом производят очень плохое впечатление здесь в Америке».

Как я уже сказал, эти интересные разговоры, о которых мы ничего не знали, происходили в Америке в то же самое время, когда Мацуока беседовал с Гитлером в Канцелярии.

Несмотря на разочарование Гитлера от реакции Мацуоки на его предложение о нападении на Сингапур, Мацуока сказал нам, что такое мероприятие требует детального рассмотрения в соответствующих инстанциях, а на это требуется месяца три. Будучи осторожным министром иностранных дел, он предпочитал рассчитывать на шесть месяцев. Эти растянутые сроки, выдвинутые Японией, стали еще одним разочарованием для нетерпеливого Гитлера.

Таким образом, переговоры ничего не дали для основного интереса Германии? участия Японии в войне против Англии. В последующих беседах Риббентроп часто пытался вытянуть из Мацуоки конкретное обещание, но азиатская осторожность оказалась не по плечу тупоголовому вестфальцу.

В рамках своего визита Мацуока виделся с Герингом в Каринхалле и прилежно выслушал такие же речи, какие звучали в беседах с Гитлером и Риббентропом, хотя те же мысли, может быть, выражались более искусно.

Каринхалле стал еще более обширным. Проходя по его загроможденным коридорам, можно было подумать, что находишься в музее. В кабинете Геринга с громоздкими стульями и величественным письменным столом и особенно в громадном холле с толстыми потолочными балками низенький человечек из Японии казался еще меньше, чем в Берлине. Когда мы расселись в роскошной столовой, одна стена которой была сплошь стеклянной, казалось удивительным, что Мацуока, утонувший в своем кресле, вообще виден из-за стола, уставленного массивным серебром и цветами. Окружающая обстановка, похоже, слегка подавляла Мацуоку. Он задумчиво устремил взор на зимний пейзаж за огромным окном. Глядя на покрытые снегом верхушки сосен Шорфхайде, казавшиеся филигранным узором на фоне серого мартовского неба, он сказал мне: «Это напоминает мне картины, которые мы любим в Японии. Этот изумительно тонкий рисунок заставляет меня почувствовать тоску по дому. И напоминает мне о моем имени, потому что, знаете, Мацуока означает по-японски „сосновый холм“.

Господин «Сосновый холм» проявил также большой интерес к букетам на обеденном столе. Никогда еще мне не доводилось

видеть, чтобы во время официального визита гости обращали столь большое внимание на подобные вещи. Его любовь к природе проявлялась и в другом: он рассказал мне, что ему особенно понравилось отведенное ему помещение взамен Бэльвю потому, что хотя замок и находился в центре города, но стоял в большом парке и «можно было слышать пение птиц». «Вечером я иногда смущаю часовых возле дома,? наивно поведал он мне,? потому что гуляю в ночной рубашке по террасе и слушаю птиц».

Я улыбнулся про себя, представив эту картину с министром иностранных дел могущественной Японии, от которой в Берлине ждали, что она незамедлительно нападет на Сингапур!

Замечания Мацуоки в тот день не ограничились красотами природы. Он вдруг наклонился ко мне, чтобы его не услышали остальные, и сказал: «А Вы знаете, за границей говорят, что он (и показал на нашего хозяина) сумасшедший?»

Я, разумеется, знал об этих историях, но сделал удивленное выражение лица, как предписывал дипломатический обычай в таких ситуациях,? в юмористических газетах оно обозначается вопросительными знаками над удивленным лицом. Он, должно быть, увидел мой вопросительный знак, потому что пододвинул свой стул чуть ближе и сказал: «О да, это вполне правдоподобно. Всюду показывают документы институтов по изучению мозга, в которых упоминается его имя», и он постучал двумя крохотными пальцами левой руки, вероятно, по японскому обычаю, чтобы довести суть дела до сознания собеседника.

Я ничего не сказал, так как прилагал все усилия, чтобы сохранить серьезный вид в этой комичной ситуации. Подобные слова, сказанные в праздничной обстановке почетным гостем, сидящим напротив хозяина за очень большим, к счастью, столом, могли быть равнозначно переданы только Уолтом Диснеем в фильме о Микки Маусе при соответствующем саксофонном сопровождении. Мое несколько затянувшееся молчание и лицо, на котором промелькнуло выражение боли, объясняемое теми усилиями, которые я прилагал, чтобы сохранить серьезность, вызвало сочувствие со стороны доброго господина «Сосновый холм», который постарался утешить меня, сказав: «Но это ничего не значит. Многие в Японии то же самое говорят обо мне. Они говорят: “Мацуока сошел с ума!”»

Беда редко приходит одна? это многозначительное высказывание посланца с Востока совпало с одним из тех моментов, которые часто случаются на таких приемах, когда не находят, что сказать соседу. В этой тишине явственно прозвучали сказанные по-английски выразительные слова «Мацуока сошел с ума!» Естественно, все стали спрашивать, о чем это он, и мне

пришлось сменить навыки переводчика на умение дипломата, чтобы с улыбкой объяснить, что мы обсуждали, как сыны Страны восходящего солнца покидали Лигу Наций,? и я с облегчением смог открыто рассмеяться.

Само собой, Геринг водил Мацуоку по дому. Хозяин, как большой ребенок, показывающий свои владения младшему товарищу по играм, с гордостью демонстрировал собранные им сокровища: картины, гобелены, предметы античного искусства, скульптуры, ценную старинную мебель. Геринг провел его по всему дому, начиная от погреба, где когда-то показывал герцогине Виндзорской, теперь Елизавете Арденнской, как работает массажный аппарат, и где теперь кроме всего прочего имелся отличный плавательный бассейн. «Надеюсь, никто из этих джентльменов в их красивых мундирах не поскользнется и не упадет туда!»? прошептал мне Мацуока с усмешкой. Потом мы прошли в большую комнату на первом этаже, где была установлена модель железной дороги.

«Здесь триста квадратных ярдов,? доложил Геринг, подошел к пульту управления и запустил „Летучего голландца“? отличную модель немецкого экспресса. Поезд, казалось, ехал так же ровно, как настоящий. „Путь составляет тысячу ярдов длиной, и есть еще сорок электрических сигналов“,? рассказывал большой „мальчик“ маленькому, робко восхищавшемуся великолепной игрушкой.

В течение последующих нескольких дней состоялись и другие беседы с Риббентропом. Темы оставались теми же, что и прежде, таким же был и результат. Интересно было только то, что Риббентропу приходилось постоянно успокаивать Мацуоку, который указывал на опасность? если Япония нападет на Англию, то Америка вступит в войну.

«Нас не интересует война против Соединенных Штатов»,? заявил Риббентроп. Но это утверждение не вполне успокоило Мацуоку, который продолжал доказывать, что англоговорящие народы следует считать одним народом.

Из Берлина Мацуока поехал в Рим, а по возвращении снова остановился на короткое время в столице Германии, где снова говорил с Гитлером и Риббентропом. Эти разговоры не дали ничего нового и ни в коем случае не изменили того факта, что попытки Гитлера втянуть Японию в войну против Англии провалились.

Когда Мацуока прощался с Гитлером, я еще раз перевел для него: «Когда вернетесь в Японию, не стоит сообщать Вашему императору, что не возникает вопрос о конфликте между Германией и Советским Союзом». Я полностью сознавал значение этих слов и медленно повторил их дважды, чтобы убедиться, что

Мацуока понял всю их значимость. Он очень серьезно пристально посмотрел на меня, и я почувствовал уверенность? он осознал, что именно имел в виду Гитлер.

Меньшую уверенность я почувствовал несколько дней спустя, когда узнал, что на обратном пути Мацуока заключил договор о нейтралитете со Сталиным. Но, наверное, он предпринял этот шаг потому, что понял в Берлине, насколько критически складываются отношения между Германией и Советским Союзом, и хотел дополнительных гарантий в случае возникновения какого-либо конфликта.

На нас произвело большое впечатление сообщение о сцене, имевшей место при отъезде Мацуоки из Москвы. Против обыкновения, Сталин провожал Мацуоку на вокзале и после его отъезда демонстративно повернулся к немецкому послу, графу фон дер Шуленбургу. Обняв посла за плечи, он сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны сделать все возможное, чтобы отдалить этот конец». Через несколько минут Сталин обратился к помощнику военного атташе полковнику Кребсу: «Мы останемся друзьями вашей страны? что бы ни случилось».

В то время, когда Мацуока находился в Москве, англичане тоже, как нам теперь известно, сделали попытку повлиять на Японию. Мистер Черчилль послал японскому министру иностранных дел письмо в Москву, в котором предостерегал Японию от вступления в войну на стороне держав «Оси». Англо-саксонские державы, говорилось в письме (это же мнение высказывал сам Мацуока в Берлине), всегда будут действовать заодно. Победа, несомненно, будет на стороне англо-саксонских стран. Черчилль, как и Гитлер, старался повлиять на Мацуоку с помощью цифр и фактов. Англия и Америка вместе производили девяносто миллионов тонн стали ежегодно, а страны «Оси» менее половины этого количества, причем Япония едва ли десять процентов от этого объема, указывал Черчилль.

Пока Мацуока еще находился в Европе, американцы, с помощью определенных кругов в Японии, тоже предпринимали попытки оторвать Японию от «Оси». Соединенные Штаты заявили, что готовы выступить в роли посредника между Японией и Китаем и даже признать независимость Маньчжурии, что, как мы знаем, было причиной демонстративного ухода Мацуоки с заседания Лиги Наций в 1931 году. Соединенные Штаты, кажется, были готовы забыть весь инцидент и пойти навстречу требованиям Японии.

* * *

После важных переговоров с Мацуокой, где грядущая катастрофа просматривалась вполне четко, последовало несколько недель весьма поверхностной, рутинной работы. Это происходило на фоне войны на Балканах и подготовки к предстоящему нападению на Россию, о чем я знал уже некоторое время.

В начале мая 1941 года меня послали вместе с Риббентропом в срочную поездку в Рим, чтобы дать дуче объяснения по поводу поразительного полета Рудольфа Гесса в Лондон. Гитлер был так испуган, будто бомба упала на Бергхоф. «Я надеялся, он рухнет в море!»? сказал он с отвращением, как я слышал. Когда мы прибыли в Рим, Гесс уже был в Англии. «Он сумасшедший,? заявил Риббентроп Муссолини,? в самом точном смысле этого слова, в отличие от Мацуоки». «Вы знаете, что нами правят лунатики?»? спросил меня по возвращении в Берлин старый рабочий, который помогал мне присматривать за садом.

2 июня я переводил на встрече, продолжавшейся несколько часов на приграничной станции Бреннер. «Германские подводные лодки заставят Англию капитулировать»,? таким был теперь припев Гитлера. Ни малейшего намека на свои намерения относительно России не дал он своему коллеге-диктатору. На меня произвело особое впечатление полное молчание Гитлера насчет его планов напасть на Россию, о которых я знал уже довольно много.

Антонеску Гитлер доверял больше. 12 июня в своей мюнхенской резиденции он доверил ему секрет о предстоящей акции против Советского Союза и зашел даже так далеко, что назвал час нападения. Антонеску пришел в восторг. «Конечно, я буду там с вами с самого начала,? сказал он, после того как Гитлер пообещал ему Бессарабию и другие русские территории.? Когда речь идет о действиях против славян, вы всегда можете рассчитывать на Румынию».

15 июня новое государство Хорватия присоединилось к Тройственному пакту, и по этому поводу во Дворце дожей в Венеции состоялся большой праздник. Город в лагуне и старый венецианский дворец, который напоминал о веках истории Средиземноморья, несмотря на то, что произведения искусства были убраны на хранение, составляли фантастический контраст с малозначимым и театрально организованным вступлением в Пакт маленького государства.

* * *

Следующая сцена трагически отличалась от предшествующей. В первые часы утра 22 июня 1941 года я ждал вместе с Риббентропом в его кабинете на Вильгельмштрассе прихода советского посла Деканозова. Накануне, в субботу, начиная с полудня Деканозов каждый час звонил в министерство иностранных дел, утверждая, что ему нужно уладить срочное дело с министром иностранных дел. Ему отвечали, как всегда перед важными событиями, что министра нет в Берлине. Затем в два часа ночи Риббентроп подал сигнал, и Деканозову сообщили, что Риббентроп хотел бы увидеться с ним в четыре часа утра этого же дня, 22 июня.

Я никогда не видел Риббентропа в таком возбужденном состоянии, как в те пять минут перед приходом Деканозова. Он метался по комнате, как зверь в клетке. «Фюрер абсолютно прав, что нападает сейчас на Россию,? говорил он скорее самому себе, чем мне; он повторял это снова и снова, как будто хотел как-то успокоить сам себя.? Русские, несомненно, нападут сами, если этого сейчас не сделаем мы». Он ходил взад и вперед по комнате в большом волнении, со сверкающими глазами, без конца повторяя эти слова. Тогда я приписал его состояние тому факту, что он считал себя создателем взаимопонимания между русскими и немцами и ему было трудно разрушать плоды своих трудов. Сегодня я почти готов поверить, что в тот день он почувствовал, может быть и подсознательно, что решение, которое он должен сообщить русскому послу, приведет к катастрофе.

Деканозов появился в точно назначенное время и, очевидно не догадываясь ни о чем, подал Риббентропу руку. Мы сели, и с помощью «маленького Павлова» Деканозов приступил к изложению дела, по поводу которого его правительство требовало разъяснений от Риббентропа. Но едва он начал, как Риббентроп с каменным выражением лица прервал его со словами: «Теперь вопрос об этом уже не стоит. Враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую представляет концентрация русских войск на восточной границе Германии вынуждают рейх принять военные контрмеры». Риббентроп не употребил таких слов, как «война» или «объявление войны»; наверное, он считал их слишком «плутократическими», а может быть, Гитлер дал ему указание избежать этих слов. «Так, начиная с утра сегодняшнего дня в военной сфере предприняты соответствующие контрмеры». Затем он зачитал короткий, но пламенный список «преступлений», особенно в отношении Пакта, заключенного Советской Россией с Югославией как раз перед началом войны между этой страной и Германией. «Сожалею, но больше ничего не могу сказать,?

закончил он.? Особенно учитывая то, что сам я пришел к выводу, что, несмотря на серьезные попытки, мне не удалось установить разумные отношения между нашими двумя странами».

Деканозов быстро обрел хладнокровие; он выразил свое глубокое сожаление о том, что события приняли такой оборот. «Это произошло исключительно по причине позиции отказа от сотрудничества, занятой немецким правительством,? перевел Павлов, в то время как я делал заметки для отчета.? В сложившихся обстоятельствах мне не остается ничего иного, как оговорить с вашим начальником протокольного отдела отъезд моей миссии на родину». Деканозов встал, небрежно поклонился и вышел в сопровождении Павлова, не пожав руки Риббентропу.

«Так вполне могла начинаться русская авантюра Наполеона»,? подумал я, и мне стало стыдно за мои неважные познания в истории. Я позвонил в бюро переводов и выпустил сотрудников из заточения, в котором они снова находились всю ночь, работая в старом дворце Гинденбурга.

* * *

В течение нескольких последующих недель все внимание было приковано к событиям на Восточном фронте, и я смог немного передохнуть. Но очень скоро снова возобновилась напряженная работа. Для начала состоялись совещания в штаб-квартире Гитлера, которая находилась в лесу неподалеку от Растенбурга в Восточной Пруссии. В начале августа он говорил с Антонеску почти исключительно на военные темы, и впервые мне пришлось использовать техническую лексику, о которой я упоминал. В конце августа Муссолини несколько дней находился с визитом на фронте, о чем я расскажу далее, а в октябре приехал Чиано. Немного позже Гитлер принял доктора Тисо, президента Словакии. Странно было видеть, как Гитлер дружески приветствует этого католического священника. Коренастый, небольшого роста священнослужитель стоял напротив человека, которого едва ли можно было назвать другом католической церкви. Но если Тисо хотел что-то получить для Словакии, он готов был посетить хоть самого дьявола. Однажды он сказал нам: «Когда я переутомляюсь, то съедаю полфунта ветчины, и это меня успокаивает».

В ноябре я был очень занят в Берлине, где на торжества по случаю годовщины Антикоминтерновского пакта 1936 года Гитлер созвал многочисленных государственных деятелей стран, находившихся под влиянием Германии. Эти празднества

состоялись в Берлине 24 и 25 ноября и были отмечены грандиозным представлением на приеме в зале новой рейхсканцелярии. Во второй половине дня 25 ноября Чиано, Антонеску и Серрано Суньер, а также министры иностранных дел Венгрии, Болгарии, Хорватии, Финляндии и Дании расселись за очень длинным столом, уставленным микрофонами. Перед собранием выдающихся людей они произнесли ряд громких, бессмысленных речей. Это был большой смотр, который Гитлер устроил своим союзникам и вассалам. Он принял каждого лично и каждому сделал подбадривающую инъекцию для храбрости. Но к концу тех двух дней я почти потерял голос.

В начале декабря я отправился с Герингом во Францию на встречу с Петеном в Сен-Флорантен-Вержиньи, маленький городок к северу от Парижа. Маршал, казалось, постаревший еще больше со времени встречи в Монтуаре, вел себя еще сдержаннее, чем раньше. Я так и не понял, зачем эта встреча вообще была организована.

* * *

Пока я наблюдал на своем посту переводчика в штаб-квартире и в Берлине эти бессмысленные действия, по-настоящему решающие события происходили в других местах. В ночь на 7 декабря 1941 года служба слежения за зарубежным радиовещанием узнала из сообщений о нападении Японии на Пирл-Харбор, а когда второе сообщение по этому же поводу подтвердило первое, известили Риббентропа. Он был чрезвычайно сердит, что его беспокоят по поводу таких непроверенных сообщений. На следующий день мне рассказывали, что Риббентроп заявил: «Наверное, это вражеский пропагандистский трюк, которому поверила моя пресс-служба», но в то же время дал указание следить за информацией и утром доложить ему о результатах.

Событие получило должное подтверждение. Японцы преподнесли сюрприз Гитлеру и Риббентропу, точно так же, как те в подобных случаях поступали со своим союзником Муссолини, извещая его в самый последний момент. Кажется, таков был обычай всех диктаторов и императоров.

8 декабря Соединенные Штаты объявили войну Японии. Корделл Хэлл вспоминает, как Рузвельт и некоторые члены его кабинета, включая его самого, обсуждали накануне вечером, объявлять или нет войну другим странам-участницам «Оси». Однако на основе сведений об обмене телеграммами между

Берлином и Токио они предположили, что Германия, разумеется, сама объявит войну Соединенным Штатам, так как по этому вопросу между нею и Японией достигнуто полное взаимопонимание. Таким образом, они решили подождать и предоставить Гитлеру и Муссолини самим проявить инициативу. Ждать им пришлось недолго.

Из того, что говорил в то время Риббентроп, я вынес впечатление, что Гитлер, который ждал объявления войны от американцев, захотел все же объявить войну первым.

11 декабря в полдень я снова оказался в кабинете Риббентропа на Вильгельмштрассе, только на этот раз, полгода спустя, мы ждали поверенного в делах США. Когда он вошел, ему не предложили сесть, и Риббентроп, также стоя, зачитал заявление, обвиняющее Соединенные Штаты в нарушении нейтралитета и в совершении открытых враждебных нападений на германские подводные лодки. «Правительство Соединенных Штатов Америки, начиная с нарушения нейтралитета, перешло в конце концов к открытым военным действиям против Германии… При таких обстоятельствах, созданных Президентом Рузвельтом… Германия с сегодняшнего дня считает себя находящейся в состоянии войны с Соединенными Штатами Америки». Широким жестом передав этот документ поверенному в делах, который, очевидно, ясно осознавал свое положение, Риббентроп скупым поклоном дал понять, что аудиенция закончена.

Я подождал американского дипломата, который нравился всем нам в министерстве иностранных дел, у двери, пожал ему руку и дружески улыбнулся. За дверью его ждал начальник протокольного отдела, а мне было приятно видеть, что тот ведет себя так, как вел бы себя я, стараясь по мере возможности смягчить эту неприятную ситуацию.

Редко покидал я министерство иностранных дел в таком подавленном состоянии духа, как после этого второго объявления войны. В то время я недооценил Америку и не верил, что война между Японией и Соединенными Штатами, разделенными тысячами миль просторов Тихого океана, может закончиться так быстро, как оказалось. Моей первой реакцией было: «Теперь война продлится до бесконечности», а потом я стал думать, что теперь победа недостижима для Германии, которая, как и в первой мировой войне, будет вынуждена сражаться на два фронта. Но, несмотря на все эти предчувствия, я не имел представления о масштабах той катастрофы, к которой шел рейх под руководством Гитлера.

Глава восьмая
1942–1943 гг

Вскоре после памятного утра 22 июня 1941 года, когда Риббентроп уведомил русского посла о «военных контрмерах», обстановка, в которой я переводил, совершенно изменилась. Вместо того чтобы работать в роскошных дворцах и на банкетах, я все чаще оказывался в штабах Гитлера на Востоке. Он считал свое присутствие среди соратников-военных настолько важным, что даже иностранные гости были вынуждены видеться с ним в военном штабе.

Ставка Гитлера, где теперь происходили встречи и совещания, находилась в Восточной Пруссии и была спрятана неподалеку от Растенбурга в непроходимой лесной чаще, напоминавшей лес из сказки о злой ведьме. Ставку Гитлера метко назвали шифрованным обозначением «Волчье логово».

Штаб-квартира, где размещались Гитлер и его военный штат, располагалась в глубине леса в большом отдалении от человеческого жилья. Здесь имелось несколько комфортабельных домиков, построенных частично из камня с деревянными панелями внутри, обставленных просто, но со вкусом. Все помещения, естественно, были оснащены самой современной телефонной и радиосвязью; имелся даже кинозал, где кроме новейшей кинохроники показывали, чтобы скрасить монотонность такого существования, английские и американские фильмы, строго запрещенные в Германии. Все, кто попадал с солнечных просторов окружающей сельской местности в этот мрачный лес Восточной Пруссии, считали обстановку очень подавляющей. В комнатах Гитлера электрический свет часто приходилось включать на целый день. Сам Гитлер редко выходил из дома? как будто даже лесной сумрак был слишком ярок для него, и его окружение лишь изредка выбиралось из темного леса.

«Страшно постоянно находиться среди деревьев,? однажды сказал мне порученец Гитлера, поддерживавший его связь с министерством иностранных дел,? и никогда по-настоящему не выбираться на открытое пространство». Я вполне мог осознать подавляющее воздействие этой сумрачной атмосферы ставки, хотя редко проводил там больше двух дней кряду, и всегда испускал вздох облегчения, провожая из темного леса иностранных гостей. Я искренне сочувствовал тем многим людям, обязанности которых были связаны с Гитлером и его окружением: им приходилось неделями, даже месяцами жить, подобно

пленникам, в густом лесу. Большинство из них охотно поменяло бы это странное искусственное существование на жизнь на линии фронта.

Условия ухудшились еще больше, когда из-за усилившихся воздушных налетов подразделения ставки были переведены в бункеры. Закамуфлированные серым и зеленым, с бетонными стенами в 15 футов толщиной, они припадали к земле, как доисторические чудовища. Низкие коридоры, похожие на штреки в угольной шахте, пересекали эти «искусственные горы», как метко назвал их однажды Антонеску. Помещения были очень маленькими, люди чувствовали себя в них стиснутыми со всех сторон, а влажность от бетонных стен, электрическое освещение и постоянное гудение вентиляции усиливали чувство нереальности. В этой обстановке Гитлер, с каждым днем становившийся все более бледным и одутловатым, принимал иностранных гостей. В целом создавалось впечатление логова злого духа из легенды. Наблюдатели, настроенные менее мрачно, были склонны представлять себя на киностудии. Один остроумный коллега однажды сказал мне: «Лес для съемок фильма „Гензель и Гретель“, которые мы только что закончили, будет разобран завтра, а послезавтра мы начнем снимать „Антония и Клеопатру“; пирамиды уже возведены».

* * *

В течение многих лет мои служебные обязанности менялись в значительной степени, но одно оставалось неизменным: в поездки меня отправляли всегда неожиданно, без предупреждения. В таких случаях голос в телефонной трубке в моем кабинете говорил мне: «Вы должны немедленно ехать в Главный штаб. Самолет вылетает с аэродрома Стаакен через час».

Эти самолеты были безумным транспортным средством. Они не были приспособлены для пассажиров: сидеть приходилось на ящиках или коробках или, позднее, пытаться удержаться на простой деревянной скамье. Там гуляли ужасные сквозняки и разносился запах керосина, а шум был оглушительным. Пилот обычно являлся летчиком военно-воздушных сил, который стремился прежде всего как можно быстрее долететь до места назначения, пассажиры его интересовали гораздо меньше. Следуя в точности прямой линии, прочерченной на его летной карте, он обычно не беспокоился о том, что пассажиры страдают от болтанки, и прорывался сквозь грозовые тучи и ливень. Даже самые выдержанные могли расстаться со съеденным утром

завтраком, пользуясь таким спартанским видом транспорта.

Скорость моих перемещений значительно возросла в 1941 году. Едва я прибыл в ставку, как мне сказали, что на следующий день я должен лететь с Гитлером на Украину. Он встречался с Антонеску, чтобы вручить ему орден и обсудить военное положение. Мы и позавтракали, и пообедали в Восточной Пруссии, пролетев тем временем из Растенбурга в Бердичев, вручили орден, поговорили о политике и обсудили военную ситуацию с Рундштедтом.

В то время я установил также рекорд дальности для переводчиков: за вторую половину августа я преодолел 3700 миль за несколько дней. По сравнению с моими длительными поездками 1940 года на этот раз я ездил в восточном направлении и с Муссолини. Вследствие сокращения персонала, очень значительного в министерстве иностранных дел, как и всюду, иногда мне приходилось приходить на помощь моему другу, начальнику протокольного отдела, и работать за него, а иногда я довольно успешно сочетал обе функции.

При исполнении этих разнообразных обязанностей мне довелось встретить Муссолини в Бреннере (в качестве начальника церемониальной службы), остаться с ним, пока неделю спустя я не вернул его соотечественникам в Тарвизио в Каринтии на границе рейха. Из Бреннера мы поехали прямо в Восточную Пруссию, где встретились с Гитлером, потом провели следующий день в Брест-Литовске и вечером вернулись в Восточную Пруссию. Той же ночью специальным поездом мы отправились в южный штаб Гитлера, недалеко от Кракова, оттуда вылетели в Умань на Украине, где тряслись в старом автомобиле, отыскивая итальянскую дивизию, которую хотел увидеть Муссолини. Найдя ее в конце концов, мы затем поспешили обратно в Краков на самолете. Здесь в бетонном туннеле, защищавшем от бомбовых ударов, нас поджидали специальные поезда, и в тот же вечер я отъехал с Муссолини в Вену, откуда должен был доставить его в Тарвизио.

Вполне понятно, что такая программа едва ли оставляла время для какой-либо серьезной дискуссии. Два диктатора даже не пользовались одним и тем же поездом и встречались только в самолете, в тряских автомобилях или во время коротких остановок в штаб-квартире. Поэтому встречи, подобные этой, были рассчитаны лишь на внешний эффект для всего остального мира. Когда Гитлер и Муссолини встречались, Муссолини выражал свое личное мнение еще реже, чем на встречах в Бреннере. Диктаторы битый час сидели друг против друга, и Гитлер проигрывал свою любимую «граммофонную пластинку»? о

нашей грядущей победе или о прочности наших позиций и слабости России и Англии. Он заваливал своего гостя цифрами и техническими подробностями, вызывал Клюге или Рундштедта[12] для военных пояснений и демонстрировал новейшее гигантское орудие. Я с удивлением наблюдал, как все это поднимало дух Муссолини или тех гостей, которым предлагали сокращенный вариант той же программы. В длительном воздействии этих мощных витаминных вливаний я весьма сомневался, даже в то время. Моя собственная вера значительно слабела после того, как я расставался с одним из таких гостей и думал о том, что, вернувшись в свою страну, гость разделит мои пессимистические взгляды. Это было неизбежно, потому что с 1941 года общая ситуация постоянно ухудшалась.

Эти встречи требовали большой организационной работы. Все следовало рассчитывать до деталей: время бритья Муссолини (поезд при этом должен был останавливаться, что в точности учитывалось железнодорожным управлением рейха), количество локомотивов (а их всегда не хватало и приходилось заниматься реквизицией), подготовку специального персонала… Людям у линии фронта, которые имели несчастье ожидать визита высокого гостя, приходилось тратить время на подготовку представлений, в то время как у них имелись более важные дела. И вся эта кипучая бесполезная деятельность сжималась в стереотипные коммюнике о «товариществе», «войне до победного конца», о «новом европейском порядке» и так далее. Конечно, у меня часто возникало чувство, что все эти тщательно подготовленные мероприятия организовывались только ради коммюнике, цель которых состояла в том, чтобы произвести впечатление на немецкую публику и, даже более того, на весь мир. Фантастические инциденты случались порой во время таких приготовлений.

На обратном пути из Тарвизио, например, на вокзале, где наш поезд подключили к телефонной сети рейха, я получил короткое сообщение для передачи Муссолини: «Министр иностранных дел Германии отозвал согласованное коммюнике». Сразу после получения этого известия поезд тронулся и связь прервалась. Учитывая время, которое потребовалось, чтобы зашифровать телеграмму, доставить ее Гитлеру и Риббентропу в их специальные поезда и затем расшифровать, я мог предполагать, что этот вопрос прояснится, когда мы доберемся до следующей станции, откуда сможем позвонить. Итальянцы не согласились и сразу же доложили о сообщении своему дуче. Он разъярился и сказал мне в сердцах: «Немедленно остановите поезд, Я не покину территорию Германии, пока не разберусь с

бессовестным поведением Риббентропа», Мне показалось, что он готов напрочь выдернуть телефонный провод. «Мы остановимся на следующей станции, и я позвоню!»? заявил он мне с видом, достойным Цезаря, Я объяснил, что могу говорить только по прямой линии и придется подождать, пока мы доберемся до станции, где сможем подсоединиться к основной телефонной сети. Мы доехали до станции, я смог выяснить, что произошло, и отнести этот случай к фантастическим курьезам тех лет.

После отъезда Муссолини Гитлер и Риббентроп также отъехали в своих специальных поездах. Затем Риббентроп перечитал коммюнике и заметил, что заключительный параграф гласит: «В обсуждении военных и политических вопросов принимали также участие с немецкой стороны генерал-фельдмаршал Кейтель и рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп». В ярости от того, что его имя поставили после имени Кейтеля (одного из его многочисленных врагов), Риббентроп позвонил моему тезке Шмидту, возглавлявшему пресс-службу, и потребовал поменять порядок. На следующей станции Шмидт кинулся в специальный поезд Гитлера, чтобы сообщить тому о жалобе Риббентропа, при этом Гитлер начал злиться на тщеславие своего министра. Споры Риббентропа с Геббельсом, Кейтелем и другими часто приводили Гитлера в ярость, но он всегда необъяснимым образом уступал, а Риббентроп наглел все больше. И на этот раз Гитлер в конце концов сказал, что он разрешает поставить фамилию Риббентропа первой в этом коммюнике. С большим облегчением Шмидт вернулся в вагон Риббентропа на следующей станции и доложил о своем успехе.

«Что сказал фюрер?»? с беспокойством спросил Риббентроп, и когда Шмидт представил ему смягченную версию недовольства фюрера, вдруг неожиданно заявил: «Я забираю назад мое требование. Пусть останется так, как было».

Так как коммюнике должно было быть в Берлине через час, чтобы его прочитали по радио, дело представлялось срочным, и Шмидт решил воспользоваться телеграфом. Его сообщение достигло Берлина и было передано мне для передачи Муссолини.

Вполне конкретными выглядели разговоры, которые вел Гитлер с Антонеску, который впервые приехал в ставку в Восточной Пруссии в феврале 1942 года. Я уже упоминал, как он всегда начинал с пространных рассуждений о Румынии, которую описывал как «скалу, сдерживавшую славянский натиск на протяжении веков», «колыбелью которой является Трансильвания». При каждом своем визите он весьма откровенно выражал твердое намерение захватить в один прекрасный день

всю Трансильванию силой оружия. Гитлер испытывал тайное удовольствие от выпадов Антонеску против венгров и даже заходил довольно далеко, намекая на то, что, может быть, позднее предоставит ему свободу действий в его захватнических планах.

«История никогда не стоит на месте»,? говорил Гитлер, умиротворяя Антонеску, который возмущенно жаловался на «несправедливость Венского арбитражного суда». Чтобы еще точнее выразить свое мнение, Гитлер добавил: «Вы, быть может, сумеете перевернуть еще одну страницу истории». Антонеску понял его достаточно хорошо, так как в последующие годы не раз напоминал Гитлеру о его «обещании» насчет Трансильвании.

При обсуждении других вопросов Антонеску тоже всегда высказывался прямолинейно. В одном случае, когда Гитлер захотел возвести вину за прорыв русских, который привел к окружению армии в Сталинграде, на румын, а также венгров и итальянцев, Антонеску стал категорически ему возражать и дошел до яростной критики немецкого руководства? Гитлера в том числе? пользуясь, как мне показалось, весомыми аргументами бывшего офицера Генерального штаба. В военных вопросах Антонеску нельзя было провести. Насколько я мог судить, он являлся выдающимся стратегом. На эти встречи он всегда прибывал, располагая томами статистических выкладок и схем, в которых учитывались все оперативные подробности, начиная от потерь, четко обозначенных разными цветами по категориям и возрастным группам, до потребностей в боеприпасах и артиллерийских резервах.

Антонеску внимательно и критически следил за ежедневными совещаниями о положении на фронте, обозначенном на большой карте в той комнате, где потом состоится покушение на Гитлера. Эксперты по армии, военно-морскому флоту и военно-воздушным силам по очереди описывали ситуацию, а я переводил их отчеты на французский. Антонеску всегда делал общий обзор, но так как настоящее положение на фронтах ухудшалось, я слышал, что офицеры все чаще называли эти отчеты о ситуации «показными»? то есть считали, что иностранный гость рисовал картину, на которой все представало в лучшем свете, чем было на самом деле. Я не мог понять, видел ли Антонеску, профессиональный военный, эту тактику насквозь. Во всяком случае, он задавал мало вопросов и, казалось, всегда покидал штаб в лучшем расположении духа. Однако несколько дней спустя я слышал по радио из Бухареста, что по возвращении в Румынию он не выказывал никакого удовлетворения по поводу бодрых речей Гитлера, узнав тем

временем из своих собственных источников, что в штабе Гитлера положение было представлено ему в слишком благоприятных тонах.

* * *

Даже если коммюнике были обозначены «из штаба фюрера», встречи не всегда происходили в лесной ставке в Восточной Пруссии или в одной из других ставок Гитлера на Востоке.

Ежегодно весной организовывалось нечто вроде «Зальцбургских сезонов», когда общественности сообщали, что встречи происходили «в ставке фюрера», хотя на самом деле они имели место в замке Клессхайм эпохи барокко, который раньше принадлежал епископу Зальцбурга, а до «аншлюса» Макс Рейнхардт[13] использовал его во время Зальцбургских фестивалей. Можно сказать без преувеличения, что особенно после того, как этот замок был полностью обновлен внутри специалистами, он стал сокровищем архитектуры? весьма отличающимся от того, как публика представляла себе штаб Гитлера.

Муссолини и Чиано были в Зальцбурге 29 и 30 апреля 1942 года во время «Зальцбургских сезонов» и имели беседы с Гитлером и Риббентропом в апартаментах бывшей епископской резиденции иногда по двое, а иногда и вчетвером.

Когда они разбивались по парам, я переводил для Чиано, так как он совсем не знал немецкого, а Муссолини и Гитлер беседовали с глазу на глаз. Как известно, зима 1941-42 годов принесла первые трудности в русской кампании. Нас остановили перед Москвой, и нарастало возмущение народа плохой поставкой зимнего обмундирования для армии. Вдруг начали собирать меха у гражданских, а лыжники принялись сдавать свое лыжное снаряжение, поэтому у непредубежденного человека складывалось очень плохое впечатление об отсутствии предусмотрительности со стороны вождей Германии. В своих беседах с итальянцами Гитлер и Риббентроп замалчивали эти и подобные неурядицы. Для этой цели заводилась новая «граммофонная пластинка» и проигрывалась Риббентропом при повышенной громкости. «Гений фюрера победил русскую зиму», «Германия нажмет на юг России и заставит Советы капитулировать, лишив их нефтяных ресурсов», «Англичане осознают, что лучше бы им согласиться заключить мир», «Америка? это большой блеф», «Франция ненадежна». Такими были темы зальцбургских фантазий.

В своей дневниковой записи, датированной 29 апреля 1942 года, Чиано живо описывает такую сцену: «Гитлер говорит, говорит, говорит. Муссолини, который привык говорить сам и должен почти все время молчать здесь, страдает. На второй день, после обеда, когда уже сказано все, что можно сказать, Гитлер продолжает говорить час сорок минут о войне и мире, религии и философии, искусстве и истории. Муссолини машинально поглядывал на часы, я думал о своем… После мужественной борьбы со сном генерал Йодль стал клевать носом. Кейтель оказался не слишком стойким, но умудрялся держать голову прямо, так как сидел слишком близко к Гитлеру, чтобы иметь возможность следовать своим желаниям. Эти бедные немцы? им приходится терпеть такое каждый день, а ведь, вероятно, нет ни слова, ни паузы, ни жеста, который они не знали бы наизусть». Как переводчик я, конечно, могу подтвердить это последнее высказывание, потому что моя работа становилась существенно легче благодаря проигрыванию «сезонных пластинок».

На следующий год зальцбургских «представлений» Чиано не пришлось скучать. Муссолини его отстранил и отправил послом в Святую землю, к большой радости Гитлера и Риббентропа, от которых Чиано не скрывал свое все более критическое отношение к немецкой политике. На одном из вошедших в моду политических процессов он был приговорен к смерти и казнен 23 декабря 1943 года за роль, которую сыграл в свержении Муссолини.

В начале апреля 1943 года Муссолини появился со своим новым дипломатическим советником Бастиани, являвшим полную противоположность Чиано? серьезным, почти угрюмым, спокойным и сдержанным в разговоре. Повторились сцены предыдущего года, так метко описанные Чиано; единственным новым элементом стал тот интересный факт, что теперь Муссолини категорически выступал за соглашение с Советским Союзом. «Победить Россию мне представляется невозможным,? сказал он.? Поэтому лучше пойти на компромисс при заключении мира с Востоком и развязать руки на Западе».

Антонеску, который встретился с нами через два дня после отъезда Муссолини, придерживался совершенно противоположного мнения. «Все наши силы против Востока»,? таким был его совет. Таким образом, он выступал за заключение сепаратного мира с западными державами.

Четыре дня спустя после визита Антонеску, 16 апреля 1943 года, появился Хорти. У меня мало сведений о его беседе с Гитлером, так как мне не пришлось ее переводить и Хорти возражал против моего присутствия в качестве составителя

отчета. Перед разговором с этим правителем Гитлер сказал мне: «Я хочу, чтобы Вы были здесь сегодня, когда я буду говорить с Хорти, тогда у нас будет наш непредвзятый отчет, иначе Хорти исказит все, что я скажу». Но когда Хорти прибыл, то посмотрел на меня весьма неодобрительно и сказал Гитлеру: «Я считал, что мы будем говорить наедине, без свидетелей»? и меня отослали. Я никогда не жалел, что удалось избавиться от скучной и утомительной работы.

До конца месяца у нас в Клессхайме побывало еще два гостя? Тисо («Когда я устаю, то съедаю полфунта ветчины») и Павелич («Поглавник»), глава Хорватии. «Никогда мэра городка не принимали с почестями, достойными главы могущественного государства»,? так комментировали последний визит в кулуарах замка Клессхайм: к тому времени партизаны уже захватили почти всю Хорватию, поэтому власть «Поглавника» едва ли распространялась на единственный город Аграм.

* * *

Летом 1942 года ставка Гитлера была перенесена на Украину. В двух часах езды находилась «полевая ставка» Риббентропа, который всегда считал, что должен быть рядом с Гитлером после начала русской кампании. Гитлер следил за тем, чтобы Риббентроп не находился слишком близко, «дабы он не беспокоил меня постоянно своими делами».

В Восточной Пруссии Риббентропу тоже пришлось устроиться на некотором расстоянии от ставки Гитлера. Он остановился недалеко от Ангебурга в замке Штайнорт, принадлежавшем семье Леидорф, а большая часть его подчиненных жила и работала на противоположном конце Швентцайтзее в отеле «Эгерхохе», построенном для проведения парусных гонок на льду во время зимней Олимпиады. Расстояние между двумя подразделениями? одно в Восточной Пруссии, другое на Украине? заставляло терять много времени.

Риббентроп, не имевший опыта в управлении каким-либо департаментом, вызывал официальных лиц министерства иностранных дел то в Восточную Пруссию, то на Украину по самым тривиальным поводам, а потом заставлял их болтаться там целыми днями без дела. Это была фантастическая потеря времени, стоившая трудовых затрат и ненужного расхода горючего.

Послов иностранных государств тоже часто вызывали в штаб-квартиру, и, так как многие из них недостаточно хорошо

говорили по-немецки, мне приходилось совершать много поездок на Украину. Для этой цели был подготовлен специальный поезд со спальными вагонами, так называемый «служебный поезд», который выезжал из Берлина каждый вечер. Зимой он отходил пораньше, чтобы не попасть под воздушный налет. На следующее утро «служебный поезд» прибывал в Варшаву, в Брест-Литовск? в полдень, а к старой советско-польской границе? вечером. Отсюда из-за партизан и частых повреждений железнодорожного пути этот роскошный поезд черепашьими шагами передвигался до Винницы, куда прибывал на следующее утро. Но иностранным дипломатам приходилось в три часа утра сворачивать на Бердичев и два часа ехать на машине до полевой штаб-квартиры Риббентропа. Он принимал их в одиннадцать часов, обедал с ними в полдень, и все вместе они вылетали в час дня в штаб Гитлера. Здесь разговор начинался часа в три-четыре и продолжался час или два. Затем им приходилось возвращаться на машине в полевую ставку Риббентропа, где они ужинали, отбывали в полночь в Бердичев и в два часа ночи попадали на «служебный поезд», возвращавшийся в Берлин. Двумя сутками позже в восемь утра они прибывали в Берлин. Таким образом, ради короткого совещания с Гитлером, почти всегда по банальным и незначительным вопросам, послы или другие важные персоны три дня и четыре ночи проводили в пути. Этот пример характерен для методов, которые предпочитали Гитлер и Риббентроп. Не только послы и я, но обычно и сопровождающие из протокольного отдела участвовали в поездках. В некоторых случаях, как, например, когда новый турецкий посол предъявлял свои верительные грамоты, к «служебному поезду» прицепляли целый дополнительный салон-вагон с сопровождающими, и государственный министр Майснер в качестве цереминиймейстера Гитлера должен был лично сопровождать гостя.

* * *

Гитлер предпринял несколько попыток вовлечь Турцию в войну на стороне держав «Оси». Одной из приманок, которыми он пользовался, был намек на то, что Турция могла бы завладеть территориями России с турецкоговорящим населением. Но ни Гереде, ни его преемник Арикан не обсуждали такие предложения; оба резко заявляли, что у Турции достаточно дел с развитием своей собственной страны и у них нет ни малейшего интереса к приобретению новых территорий.

Усилия Гитлера были направлены и на то, чтобы воспрепятствовать присоединению Турции к союзным государствам. Турецкий посол всегда отрицал такую возможность, но наша внешняя разведка держала нас в курсе усилий союзников по активному привлечению Турции к войне против Германии. В течение какого-то времени нашей разведке удавалось доставать фотографии документов с письменного стола посла Великобритании в Анкаре, и это дало нам замечательно полезную информацию о переговорах стран антигерманской коалиции. Они представляли особый интерес для меня, потому что Турция, похоже, противостояла мощным усилиям союзников, используя методы, подобные методам Франко в Хендайе, когда Гитлер пытался заставить его вступить в войну на стороне Германии.

* * *

В апреле и затем в августе я отправился во Францию, чтобы присутствовать на допросах канадских военнопленных, которые некоторое время провели в Англии, а затем были захвачены во время налета на Дьепп, и английских военнопленных, попавших в плен в Сен-Назере. Мне, в частности, хотелось получить информацию о положении с продовольствием, о котором повествовала немецкая радиопропаганда, и о настроениях, преобладающих в Англии. Военные очень неохотно допускали штатских из министерства иностранных дел к «своим» пленникам, и нам было открыто сказано, что запрещается задавать им какие-либо вопросы на военные темы.

Мы разработали систему, по которой в ходе беседы с военнопленными затрагивали отдельные пункты и делали выводы на основании реакции и ответов пленников. Таким образом мы установили, что положение с продовольствием в Англии, несмотря на наши подводные лодки, вероятно, не так плохо, как утверждали жаждущие этого мыслители в Германии? в первую очередь наш собственный министр. Мы узнали, что радиопередачи из Германии на английском языке слушают внимательно, и нам сказали, в какое время их лучше всего передавать. «Если хотите, можете подать своей семье весточку о том, что находитесь в плену, по немецкому радио»,? сказали мы англичанам. Несмотря на строгие правила относительно радиовещания, почти все они были готовы сделать это. На вопрос, когда их семьи в Англии будут слушать радио, чтобы их личные сообщения могли быть переданы по немецкому радио в

подходящее время, большинство из них ответило: «У нас слушают сначала новости в девять часов, а потом новости из Германии в девять тридцать». Когда мы спросили, верят ли в Англии тому, что слышат из Германии, все они ответили: «Нет!» И добавили: «Но мы и не всему верим из того, что слышим по нашему радио, наверное, истина где-то посередине».

Нам было интересно узнать, что люди в Канаде вряд ли слышали нашу пропаганду. Когда канадцы, попавшие в плен в Дьеппе, захотели послать свои личные сообщения, мы спросили, есть ли у их родных коротковолновые радиоприемники, чтобы слушать немецкие передачи. Они сказали, что таких приемников нет, и объяснили, что личные сообщения от военнопленных передавались через местные передатчики Если так, то это был блестящий способ сделать бесполезными наши попытки использовать такие сообщения для наших пропагандистских целей, потому что местные передатчики передавали только сообщения и отсекали пропаганду.

Все пленные произвели отличное впечатление и вели себя наилучшим образом. Мне было очень грустно видеть за колючей проволокой этих людей, чей язык и историю я так хорошо знал и чьи народы всегда были особенно близки мне. Иногда я задумывался о моих беседах с англичанами из Сен-Назера и канадцами из Дьеппа, когда после 1945 года сам оказался за колючей проволокой; и тогда я угадывал похожее чувство сострадания в тех, кто допрашивал меня, особенно когда это были представители американского государственного департамента. Во время этого краткого задания во Франции я, разумеется, много узнал о методах допроса и позднее смог сделать интересные сравнения. Меня позабавило, что на гражданских лиц американские военные смотрели с таким же подозрением, как и на нас, дипломатов, смотрели немецкие военные чины в 1942 году.

В Сен-Назере и Дьеппе с младшими офицерами и рядовыми оказалось разговаривать легче всего, от молодых английских лейтенантов добиться слова было нелегко. Только когда настойчиво повторялось, что Германия, несомненно, выиграет войну, можно было услышать горячее возражение. «На вашем месте мы сказали бы то же самое,? отвечали мы,? но мы можем объяснить, почему Германия выиграет войну, тогда как вы не можете мне сказать, почему войну выиграет Англия». Такой метод никогда не подводил, и всегда завязывался разговор, обычно с очень интересными результатами. На меня производила большое впечатление всеобщая абсолютная уверенность, от рядовых до генерала, в их грядущей победе и отсутствие фанатизма или

предполагаемой ненависти к Германии.

С канадцами у нас возникли непреодолимые трудности, и не из-за их упрямства, а потому, что здоровенные, дружелюбные лесорубы с их добрыми голубыми глазами и веселым смехом, при котором они демонстрировали свои великолепные зубы, практически ничего не знали о Европе, не говоря уже о Германии.

Однажды я спросил одного из этих отличных парней: «Вы когда-нибудь слышали о немцах?»

Он долго думал, а потом сказал: «Да, генерал Роммель и Лили Марлен».

В порядке чисто личного интереса? в Сен-Назере один из пленных пристально посмотрел на меня и сказал: «Вы и есть тот самый доктор Шмидт, который все время переводит», и объяснил, что часто видел мои фотографии в иллюстрированных сообщениях о встречах и конференциях. Так же было и в Дьеппе, где я говорил по-французски с майором, канадским французом. «Я следил за Вашей карьерой по газетам,? сказал он,? и заплатил бы немало, чтобы иметь возможность поболтать с Вами!» Майор совершил побег через несколько дней после нашей беседы, и два месяца спустя его статья о нашем разговоре появилась в Англии. Я был рад, что он не повторил сделанные мною вскользь замечания, что, скорее всего, он останется в плену до конца войны. Но он целиком передал мои рассуждения на тему победы в войне, хотя я использовал их, только чтобы вызвать его на разговор.

Эти беседы также показали мне, насколько хорошим было подпольное сообщение между Францией и Англией во время войны. Как и остальные члены делегации, обо всех допросах я составлял отчеты, которые, насколько мне известно, никогда не были использованы, так как изложенные в них факты не совпадали с официальной точкой зрения. Обычно я писал эти отчеты в номере отеля «Бристоль» в Париже, и официант приносил мне напитки. Спустя совсем короткое время после моего августовского визита в Париж газеты в Лондоне сообщили, что определенные приказы, якобы найденные у сбитого недалеко от Дьеппа английского офицера и использованные Германией в пропагандистских целях, «в действительности были сфабрикованы доктором Шмидтом, специалистом по английскому языку министерства иностранных дел Германии, и многочисленным персоналом в Париже». Вспомнив об официанте, я понял, откуда возникла эта история, и был даже польщен, что мои знания языков так высоко ценились в Англии, что обо мне думали, будто я способен убедительно фабриковать даже официальные документы.

В то время как политический мир продолжал сползать в туман отрыва от действительности, моя работа в Берлине проходила в обстановке, все больше приближавшейся к боевой, так как воздушные налеты англичан усиливались. Я очень расстроился, прочитав в геббельсовской прессе осенью 1940 года победные реляции о воздушных налетах на Лондон, где у меня имелось много друзей. Я знал Лондон так же хорошо, как знал Берлин, и за многие месяцы, проведенные там и в Париже в предвоенные годы привык считать эти города вторым домом. «Как я смогу теперь смотреть в лицо моим лондонским друзьям?»? печально думал я, читая в газетах о «больших пожарах», «обширных разрушениях» и подобном и слушая, как Гитлер и Риббентроп дают иностранным гостям хвастливые отчеты об этих налетах. Я искренне обрадовался, когда услышал по своему радиоприемнику о том, как храбро вели себя лондонцы, и прочел в английских газетах, которые просматривал во время войны, что они встретили все эти испытания с единодушием и юмором, свойственным населению всех столиц во всех странах. Я проклинал гитлеровский режим за то, что он обрек меня на эту битву с моей совестью, так как в разгар войны сердцем я был на стороне «врага», которого я не мог считать врагом.

В последующие годы я испытал на себе почти все самые сильные воздушные налеты, которым подвергался Берлин. Когда во время ночного налета я сидел в подвале вместе с остальными встревоженными людьми и мы слышали, как падают бомбы неподалеку от нашего ненадежного укрытия, и с бьющимся сердцем ждали, что оно рухнет, когда двери подвала распахивались внутрь, а свет гас и весь дом ходил ходуном, и все выбегали на улицу в страхе, что дом вот-вот рухнет, наряду с опасениями за свою жизнь я испытывал парадоксальное чувство удовлетворения. Во время этих ночей я понял, что могу смотреть в лицо моим английским друзьям. Горящие кварталы Берлина, казалось мне, уравнивали счет, во всяком случае в том, что касалось войны в воздухе. Другим результатом этих налетов было чувство гордости за моих сограждан берлинцев. В 1940 году я со смешанным чувством удовлетворения слышал, как лондонцы говорят «мы сможем выдержать это», теперь я знал, что берлинцы не уступали им в этом. Таким оказалось сходство между жителями столиц.

Здание министерства иностранных дел было сильно повреждено в начале 1943 года. Но не только само здание постепенно превращалось в руины; своими организационными преобразованиями Риббентроп задолго до этого опередил физические разрушения, наносимые врагом. Он не имел ни

малейшего понятия, как управлять государственным департаментом: создавал новые отделы, посты и назначал «специальных уполномоченных»? так же, как пытались подправить торопливым ремонтом пострадавшие от бомб здания.

В таких символических и реальных руинах нашего министерства жили и работали постоянные сотрудники. Перед ними стояла утомительная и трудоемкая задача по тушению зажигательных бомб, сбрасываемых самолетами союзников, и «зажигалок», которые бросал Риббентроп из своей «штаб-квартиры» на министерство иностранных дел Германии, когда-то имевшее хорошую репутацию. То здесь, то там им удавалось погасить огонь, но как не могли они поймать на лету бомбу, так не могли и предотвратить катастрофу, к которой вела любительская политика Гитлера. Некоторые погибли под бомбами, лучшие пали жертвами гитлеровского «правосудия». Оставшихся в живых после войны упрекали за то, что им не удалось погасить разожженный Гитлером и Риббентропом пожар.

Структура департамента иностранных дел была так прочна, что долгое время выдерживала «бомбардировку» Риббентропа. Но так продолжалось, пока в 1940 году не поступил приказ о чистке ста пятидесяти высших должностных лиц, а так как все они являлись специалистами высокого класса, то оказались незаменимыми и волей-неволей им позволили остаться в штате; многих персонально «разоружили» гораздо позже.

Связующей силой, удерживавшей всю структуру департамента, был заместитель государственного секретаря Фрайхерр фон Вайцзеккер. Он пользовался большим уважением как со стороны наших официальных лиц, так и со стороны всех иностранных дипломатов, в нем сочетались высокая моральная цельность и величайшая компетентность в дипломатических делах. Словом, жестом или многозначительным молчанием в нужный момент он мог дать нам знать, что ему требовалось. Все? и старые и новые сотрудники министерства иностранных дел? ждали руководящих указаний и помощи от государственного секретаря. Его спокойная и убедительная манера, его моральный авторитет укрепляли нас в нашей решимости сохранять западноевропейский образ мыслей и моральные устои, насколько это было возможно при режиме Риббентропа.

Это министерство иностранных дел, управляемое таким образом Вайцзеккером, с которым Риббентропу в его «полевой ставке» нечего было делать, оставалось для меня осколком прежней Германии, которую ценил я и уважали за границей. В этих трех зданиях на Вильгельмштрассе, хоть они и были в конце концов разрушены, я никогда не чувствовал себя «чужим в своей

собственной стране». Здесь я мог свободно говорить обо всем со своими коллегами, здесь преобладала настоящая общность духа, здесь никто никого не предавал ни при Гитлере, ни в другие времена. Старое министерство иностранных дел с жесткой упругостью противостояло многочисленным атакам Гитлера и Риббентропа, стараясь сохранить пригодность к работе после предвиденной и неизбежной катастрофы, как опытная спасательная команда.

Как и все министерства иностранных дел, немецкое министерство было отделено от внутренней политики. Политические партии могли сражаться внутри страны, но служба министерства иностранных дел руководствовалась только интересами страны. Правительства приходили и уходили, сменялись министры иностранных дел, но как бы ни менялась сцена, в представлении интересов рейха за рубежом через министерство иностранных дел ничто не менялось. Поэтому вполне естественно, что немецкие дипломаты считали национал-социалистское правительство таким же преходящим явлением, как и все предыдущие, и были движимы только идеей служения своему отечеству, как и прежде. Мысль о том, что Третий рейх мог бы стать вечным, вызвала бы лишь улыбку у нас в министерстве иностранных дел.

Как только стало ясно, что в сфере иностранных дел политика, проводимая национал-социалистами, не выражала главного интереса, а во все большей степени вредила ему, возникла значительная оппозиция. По причине своей общей традиционности и образованности служба иностранного ведомства оказывалась в оппозиции к внешней политике национал-социализма и к тем, кто ее выражал, тем в большей степени, чем безрассуднее эта политика становилась. Ошибки и дилетантизм режима Гитлера в зарубежных делах прежде всего были видны немецким дипломатам, и среди них возникала оппозиция, принимавшая, в зависимости от характера человека, самые разные формы? от пассивного до самого активного сопротивления.

Как давнишний работник дипломатической службы, хотя в некотором роде и посторонний, так как я выполнял лишь технические функции, а не дипломатические в полном смысле этого слова, я разделял взгляды дипломатов на долг человека перед своей страной, особенно если эта позиция соответствовала моим личным убеждениям. Я был очень хорошо осведомлен о действиях, которые предпринимали более энергичные работники, чтобы отвести от нашей страны несчастья, обусловленные внешней политикой Гитлера, а точно зная, о чем велись беседы

между государственными деятелями, я мог дать кое-какие полезные советы. Я слышал от своих друзей, что Гальдер дал войскам, стоявшим у Потсдама, приказ двигаться на Берлин в конце сентября 1938 года, если будет объявлена всеобщая мобилизация,? приказ, который был отменен, когда созвали Мюнхенскую конференцию. Я знал, что заявления Великобритании 1939 года (подробно приведенные в моем описании того периода), которые оставалось лишь произнести вслух, могли быть целиком приписаны влиянию моих друзей в Берлине и Лондоне, предпринявших все возможные усилия, чтобы довести до сведения англичан, что Гитлер к ним прислушается, только если они будут говорить с ним так же дерзко и громко, а не ходить вокруг да около. Я знал также, как много поработали Вайцзеккер и Аттолико, делая все возможное, чтобы предотвратить войну. Я привел яркий пример тому в моем отчете о событиях, предшествовавших Мюнхенской конференции. Я в значительной степени разделял разочарование, которое раз за разом постигало этих искренних людей, когда их усилия, предпринимавшиеся с большим личным риском, терпели крах из-за фанатического упрямства и слепоты Гитлера и из-за уступчивости и непонимания со стороны других стран. Я стал свидетелем человеческих трагедий, имевших место во время войны и после; их значимость можно будет осознать в полной мере, только когда все события, оставшиеся за пределами этой книги, будут когда-нибудь описаны более подробно. Многое уже стало известно множеству людей и в Германии, и за ее пределами из политических исследований, особенно в связи с Нюрнбергским процессом. Я убежден, скоро станет известна вся правда о той роли, которую сыграли лучшие представители нашего министерства иностранных дел при гитлеровском режиме, а я могу ограничиться лишь этими краткими наблюдениями. «Зажигалки» попали и в круг моих близких знакомых в министерском подразделении. Довольно рано один из высокопоставленных руководителей был вызван к Гейдриху для личного допроса и уволен; после событий 20 июля 1944 года он распростился с жизнью. Другой сотрудник, мой близкий друг, в 1941 году был изгнан в Восточную Азию Риббентропом, который, несомненно, знал о его критическом отношении, хоть и не мог приписать ему ничего конкретного. В то же время меня, по тем же причинам, отстранили от тесного сотрудничества с Риббентропом и «назначили» начальником отдела министерства? но только берлинского сектора. «Вам лучше немного отдохнуть в Берлине между конференциями после Вашей напряженной переводческой работы»,? сказал ставленник Рибентропа, известный заместитель

государственного секретаря Мартин Лутер, который раньше руководил транспортной фирмой. Потом его отправили в концлагерь за «предательство» по отношению к Риббентропу. Если кто-то говорит мне об отдыхе, я всегда согласен, как согласился и тогда. Я всегда чувствовал, что пользуюсь до некоторой степени репутацией шутника, и высказывал свое мнение на чудовищные события, которые мне довелось пережить, с помощью разных языков, имевшихся в моем распоряжении, и никак не скрывая симпатии к обычаям западных народов, чьими языками я владел. До весны 1945 года я носил международную униформу неавторитарных министерств иностранных дел? черный сюртук и зонтик, который Чемберлен первым широко разрекламировал в Германии. Я был практически единственным штатским на Вильгельмштрассе. Но это продолжалось лишь до 1945 года, когда я узнал, что это не осталось незамеченным.

Я доставлял большое беспокойство отделу кадров, который постоянно указывал мне на необходимость соблюдать осторожность и, по крайней мере, вступить в партию, так как иначе может разразиться скандал. Ввиду моей работы на самых высоких уровнях национал-социализма мое пребывание за пределами партии могло быть расценено как доказательство неблагонадежности. Я решил оставаться вне партии до 1940 года, откладывая вступление до 1943 года. Тогда пора было вступать в партию, а после большой чистки по поводу 20 июля 1944 года я порадовался, что прислушался в свое время к мудрому совету отдела кадров.

* * *

«Граммофонные пластинки» сменились: вместо «Мы выиграли войну» иностранцы теперь слышали «Мы выиграем войну» и, наконец, «Мы не можем проиграть войну».

В январе 1942 года я отправился в Рим с Герингом, которому предстояло успокоить Муссолини насчет русской кампании? это случилось, когда мы застряли у Москвы. «Больше ничего нельзя сделать этой зимой»,? сказал Геринг задумчивому дуче. Скоро Муссолини перевел разговор на свои планы по завоеванию Мальты.

Мне довелось еще раз иметь дело с мюнхенской резиденцией фюрера. После высадки американцев в Северной Африке Гитлер, Лаваль, Чиано и Риббентроп встретились 9 ноября 1942 года в зале, где было заключено Мюнхенское соглашение. Гитлер много говорил, Чиано со скукой слушал. Лаваль мало что мог добавить,

так как подключился к обсуждению только в конце. Наконец, как и в 1938 году, с большой картой в руках вошел Кейтель. На этот раз она потребовалась в связи с необходимостью оккупации еще не оккупированной части Франции. Гитлер отдал такой приказ в ответ на высадку в Северной Африке. Конференция являлась не чем иным, как брифингом. «Таково желание немецкого правительства и его солдат»,? перевел я Л авалю из обращения к французскому народу, с которым Гитлер должен был выступить на следующий день, «не только чтобы защитить границы Франции вместе с французскими вооруженными силами, но чтобы прежде всего оградить на будущее африканские владения Франции от пиратских нападений». В это же время Гитлер объявил об оккупации Корсики и Туниса. На следующий день Лаваль уехал в очень подавленном настроении: он тщетно пытался удержать Гитлера от оккупации всей территории Франции.

Лаваль уже стал объектом ожесточенных споров и в Германии, и во Франции. Насколько я мог видеть во время разговоров, которые он вел с Гитлером и Риббентропом, он оправдывал недоверие Гитлера, так как пытался выиграть время для Франции путем тактики проволочек. Как я уже упоминал раньше, я был единственным из немцев, кого он знал раньше, а мне всегда было приятно поговорить с ним; я всегда считал, что несмотря на его тактические маневры он все так же честно желает сближения Германии и Франции, как и во времена Брюнинга, а кроме того, я сочувствовал ему по причине бесконечно трудной ситуации, в которой он оказался. Помимо всего прочего, он часто бесстрашно говорил Гитлеру все, что хотел сказать, и без колебаний открыто высказывал свое мнение.

Лаваль часто выступал за созыв большой конференции? даже во время войны? всех государств континентальной Европы, чтобы обсудить их общие интересы и совместные действия. Без сомнения, он надеялся таким образом улучшить в некоторой степени положение Франции. Я до сих пор помню очень многозначительное замечание, которое он высказал Гитлеру в этой связи: «Вы хотите выиграть войну, чтобы создать Европу? но создайте же Европу, чтобы выиграть войну!». Гитлер, разумеется, ничего не сказал в ответ на такой довод; ему абсолютно не были нужны многосторонние переговоры, так как он, несомненно, чувствовал, что плохо вооружен для ведения дипломатической игры, в которую его вовлекали. Отсутствие гибкости ума не позволяло ему достичь компромисса, и бескомпромиссность его натуры, которой он всегда похвалялся, привела в конце концов к его падению.

Через три недели после Мюнхенской конференции я снова

поехал с Герингом в Рим. Положение «Оси» в Северной Африке представилось серьезным, и Геринг попытался заставить итальянцев действовать поактивнее. На совещаниях с итальянскими офицерами он произносил напыщенные речи и угрожал. Он не проявил никакого психологического чутья, так как подавлял всех итальянцев своим грубым неразумным поведением и, по моим впечатлениям, оставил их еще менее склонными к совершению каких-то усилий, чем раньше.

По поводу той же проблемы защиты Северной Африки я переводил позднее разговор между Герингом и французским генералом Жюэном в Берлине. Жюэн предлагал защищать итало-тунисскую границу на линии Марета, используя французские войска против английских, которых преследовал с востока Роммель, но отказался защищать позиции вместе с немцами. «Пока в Германии есть французские военнопленные,? сказал он Герингу,? я не могу просить моих солдат сражаться вместе с немецкой армией».

В конце декабря 1942 года состоялась еще одна трехсторонняя встреча между Гитлером, Риббентропом, Герингом и Чиано и Л авалем, на этот раз в лесной штаб-квартире в Восточной Пруссии. С Лавалем снова обращались очень жестко. Интересной особенностью этих переговоров было то, что Чиано настаивал на заключении мира с Советским Союзом. «По крайней мере, мы могли бы отказаться от наступательных операций в России,? сказал он, очевидно, следуя указаниям Муссолини.? Мы могли бы построить оборонительную линию, которую можно будет поддерживать сравнительно небольшими силами». Все силы «Оси», сказал он, следует иметь в своем распоряжении для битвы на Западе, особенно, конечно, в Северной Африке. Гитлер игнорировал эти аргументы и ограничился упреками в адрес Чиано за поведение итальянских войск на Восточном фронте, заявив, что отсутствие стойкости у итальянцев сделало возможным прорыв русских возле Сталинграда. Нет нужды повторять, что весь перечень прегрешений Франции был снова зачитан Лавалю.

Как раз месяц спустя Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке. Незадолго до этого события мы получили из Испании отчет о предстоящей конференции, и, переводя испанский текст слишком дословно, бюро переводов допустило вопиющую ошибку. Они не поняли, что Касабланка? название города, и перевели его правильно, но не к месту, как «Белый дом». Наш оратор министерства иностранных дел похвалился по этому поводу на пресс-конференции, что нам известно о предстоящей в скором времени встрече Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне. Для

нашего пресс-секретаря стало неприятным сюрпризом начало той конференции в Касабланке несколько дней спустя.

Тревога переполняла меня, когда я переводил важнейшую декларацию о безоговорочной капитуляции, которая была принята на той конференции. Я сразу же понял, насколько укрепились позиции Гитлера в Германии и за ее пределами и как она ослабила противодействие его политике. Мне стало ясно, что требование безоговорочной капитуляции Германии нанесло очень тяжкий удар по внутреннему антигитлеровскому сопротивлению. В то время я еще, конечно, не знал, что союзники тоже отнеслись очень отрицательно к этому требованию.

Корделл Хэлл пишет в главе своих мемуаров, посвященной исключительно требованию безоговорочной капитуляции, что удивился не меньше Черчилля, когда в первый раз президент в присутствии премьер-министра вдруг заявил об этом на пресс-конференции во время встречи в Касабланке в январе 1943 года. Он пишет, что премьер-министр был ошарашен. Рузвельт удивил и своего министра иностранных дел. Корделл Хэлл говорит, что был против такого принципа по двум причинам, как и его единомышленники. Одна состояла в том, что это могло бы затянуть войну, укрепив сопротивление «Оси» в последнем отчаянном усилии. Вторая заключалась в том, что такой принцип логически требовал от наций-победительниц способности овладеть национальной и правительственной сферами деятельности и владениями поверженного врага. По его мнению, американцы и их союзники были не подготовлены к такой обширной операции.

Во время интересных дебатов в Палате общин 21 июля 1949 года Черчилль заявил, что впервые услышал формулировку о безоговорочной капитуляции, когда ее огласил президент Рузвельт. «Это заявление президент Рузвельт сделал, не проконсультировавшись со мной,? сказал он.? У меня нет ни малейшего сомнения, что если бы кабинет министров Великобритании рассмотрел эту фразу, то, скорее всего, выступил против нее, но работая с великими, преданными и сильными друзьями из-за океана, мы должны были приспосабливаться».

От Корделла Халла мы знаем, что не только государственный секретарь Соединенных Штатов и государственный департамент, но и господин Иден выразили согласие с точкой зрения господина Черчилля, не одобряя эту формулировку (которую Рузвельт, как он заявил, взял из документа времен гражданской войны в Америке). Также и советники генерала Эйзенхауэра и даже Сталин не одобрили ее. В декабре 1943 года на Тегеранской конференции Сталин заявил, что принцип безоговорочной

капитуляции? «плохая тактика в случае с Германией».

Но, несмотря на все возражения, Рузвельт отказался отступить; в этом вопросе он оказался таким же бескомпромиссным со своими союзниками, каким я считал Гитлера в его дискуссиях с партнерами по «Оси».

«Вы сами видите,? часто переводил я слова Гитлера, когда итальянцы или Антонеску советовали ему заключить мир с западными державами или с Россией,? что мы не получим ничего, кроме требования безоговорочной капитуляции, если попытаемся договориться с одним из наших противников». Я часто слышал, как Гитлер говорил Риббентропу, Кейтелю и остальным из его окружения: «Теперь, когда враг угрожает нам безоговорочной капитуляцией, немецкий народ пойдет за мной к окончательной победе с еще большей решимостью».

Вскоре после конференции в Касабланке я поехал с Риббентропом в Рим, чтобы дать объяснения по поводу разгрома под Сталинградом. Затем в апреле последовал «Зальцбургский сезон», который я уже описывал, а в мае прошли еще более пустые беседы между Гитлером, Л авалем и преемником Чиано, Бастиани.

Примечательной оказалась последняя встреча Гитлера и Муссолини перед крушением фашистской Италии. Она состоялась в небольшом сельском доме недалеко от Беллино в Северной Италии. Гитлер сурово отчитал Муссолини перед собравшимися здесь итальянскими генералами. Более того, во время заседания пришло преувеличенное сообщение о первом воздушном налете на Рим, от которого город пострадал в тот же самый день. Эта встреча 20 июля 1943 года была одной из самых тягостных, в которых мне когда-либо приходилось участвовать. Сам Муссолини был так подавлен, что, вернувшись в Рим, срочно попросил прислать ему мой отчет: нам сказали, что он был не в состоянии следить за ходом разговора, а следовательно, сможет согласиться с обсуждавшимися способами обороны, только имея перед собой мой текст. После того как Гитлер в Восточной Пруссии просмотрел мой доклад, его специальным самолетом отправили дуче.

* * *

Одной из самых запоминающихся встреч, на которых я присутствовал, стала встреча между Риббентропом и новым министром иностранных дел в правительстве, сформированном Бадольо после падения Муссолини. Они встретились в августе на

итальянской границе в городке Тарвизио. В Германии мало кто знал, что Риббентроп собирается вести переговоры с посланцем «негодяя Бадольо», как называли в геббельсовской прессе нового главу итальянского правительства.

«Мы должны оставить все наши секретные документы и ключи к шифрам на германской почве,? сказал Риббентроп, когда мы выехали специальным поездом на эту встречу.? Вдруг эти разбойники намереваются похитить нас по указке англичан и американцев». По этой причине, кроме меня, Риббентропа сопровождал очень небольшой штат. Двое эсэсовцев с заряженными автоматами сидели рядом с нами в поезде, а когда мы прибыли в Тарвизио, они сразу же огородили шнуром салон-вагон Риббентропа, где предстояло проходить переговорам.

Министр иностранных дел Гварилья, который недавно был послом в Анкаре, подтвердил, что Италия будет продолжать войну; в то же время Амброзио, новый начальник итальянского главного штаба, возбудил наши подозрения, попытавшись ограничить перевозку немецких войск через Бреннер. Риббентроп заявил, что мы посылаем эти войска «для защиты Италии.» После двух часов бесполезной дискуссии, в которой обе стороны, казалось, отдалились друг от друга, эта фантазия тоже подошла к концу.

Нас не похитили, но когда наш поезд отъезжал от станции, наши коллеги из итальянского министерства иностранных дел, которые раньше во многих торжественных случаях прощались с нами, выбрасывая руки в фашистском приветствии, просто стояли по стойке смирно со смущенными улыбками у нашего вагона. Такой финал свидетельствовал больше, чем что-либо другое, о конце фашистского режима в Италии. В тот момент перед нами открылась угрожающая подоплека фантазий, которые разыгрывались на политической сцене в последние два года. Не поднятые в приветствии руки этих итальянцев на маленькой приграничной станции представляли собой предсказание неизбежного выхода Италии из блока.

Это отделение действительно произошло вскоре, 8 сентября 1943 года. Оно нанесло еще один тяжелый удар после череды катастроф: капитуляции у Сталинграда 3 февраля, поражения в Тунисе в начале мая, высадки англичан в Сицилии 9 июля и падения Муссолини 25 июля, лишь через несколько дней после встречи в Фельтре. В то время как грозовые тучи все больше сгущались на военном небосклоне, беседы, которые мне приходилось переводить, становились еще более пустыми.

Глава девятая
1944–1945 гг

Неделю спустя после капитуляции Италии, так ясно просматривавшейся в памятном разговоре Риббентропа с Гварильей, произошло одно из тех внезапных изменений направления, которые были так характерны для внешней политики при гитлеровском режиме. 15 сентября 1943 года Муссолини был освобожден и провозглашен главой фашистской республики. Год спустя после разговора в Фельтре, когда я думал, что это последняя беседа двух диктаторов, я снова присутствовал на их встрече. Она состоялась всего лишь через несколько часов после попытки покушения на Гитлера 20 июля 1944 года в штаб-квартире близ Растенбурга.

В течение осени 1944 года, когда я находился в штаб-квартире в Восточной Пруссии, я наблюдал кульминацию политической драмы, быть может, в самой типичной для гитлеровского самообмана форме. Переводя части известного плана Моргентау[14], я понял, что даже в рядах союзников существовали обманывающие сами себя фанатики, целиком отдававшиеся осуществлению гибельных проектов. Этот план был предложен Рузвельтом и Черчиллем в сентябре 1944 года на второй Квебекской конференции. Детали плана, когда я переводил их, показались мне в точности совпадающими с гитлеровской манией разрушения. Теперь я знаю, что государственный секретарь США употребил все свое влияние на то, чтобы этот гибельный план не был принят. Он метко назвал этот план «козлиным пастбищем», потому что цель плана состояла в том, чтобы лишить Германию всей ее тяжелой промышленности и превратить страну в пастбище. В данном случае Корделл Хэлл преуспел больше, чем в протесте против формулировки о безоговорочной капитуляции, и этот план в конце концов так и не осуществился, хотя дух Моргентау еще витал некоторое время. Корделл Хэлл посвятил департаментским спорам вокруг плана целую главу. Даже Рузвельт, наконец, решил отказаться от него. Корделл Хэлл пишет: «Симеон сообщил мне, что президент явно ужаснулся, когда я прочел ему эти фразы (из меморандума Моргентау), и заявил, что не может себе представить, как он решился предложить этот меморандум; должно быть, сделал это, не подумав как следует».

Господин Черчилль говорил потом слушавшей более внимательно, чем обычно, Палате общин: «В любом случае, если

бы этот документ (План Моргентау) когда-либо был подан мне на подпись, я бы, конечно, сказал: „Я не согласен с этим планом и сожалею, что обсуждал его“.

На протяжении всего времени, когда я переводил для Гитлера, я никогда не слышал, чтобы он подобным образом признал свои ошибки, даже в кругу близких друзей. Это кажется мне достойной внимания разницей между Гитлером и государственными деятелями Запада.

В 1944 году фантазии, порожденные гитлеровским самообманом, продолжали свой обычный путь. Я все так же совершал частые поездки на границу, где встречал гостей Гитлера, а затем провожал их обратно. Мне нравилось это занятие не только потому, что можно было лучше выспаться в поезде, чем дома, но и потому, что по пути из штаб-квартиры на границу и обратно в Берлин представлялась отличная возможность в тишине и спокойствии диктовать отчеты о состоявшихся беседах. Условия жизни в Германии стали уже такими, что работа без перерывов была возможна только в кабинете на колесах; в конце такого путешествия я всегда с сожалением покидал купе, в котором жил и работал в течение недели без досадного воя сирен.

Именно при выполнении этих обязанностей в конце октября 1943 года я ждал на германо-венгерской границе принца Кирилла и членов Регентского совета Болгарии. В качестве хозяина дважды в день я сидел перед принцем в нашем банкетном салоне, поэтому имел немало случаев поговорить с ним. Своей особой манерой говорить он очень напоминал мне своего брата, часто встречавшегося с Гитлером царя Бориса, умершего при таких странных обстоятельствах. Обычно я не присутствовал на продолжительных политических разговорах между царем и Гитлером, так как Борис бегло говорил по-немецки. Но иногда мне доводилось бывать на этих встречах, и я заметил, что Борис, искусный дипломат, умел обращаться с Гитлером. Без малейшей неуверенности или робости, которые я нередко замечал у других коронованных особ? например, у Виктора-Эммануила или Леопольда Бельгийского,? царь Борис не чувствовал себя стесненно в присутствии Гитлера и безо всяких колебаний как ни в чем ни бывало говорил о самых деликатных вопросах. Эта скромная легкость в общении действительно была его сильной стороной. Путешествуя специальным поездом, Борис иногда приводил в замешательство сопровождавших его представителей министерства иностранных дел, говоря, что хотя бы на час он хотел бы не быть государственным лицом. «Пойду повидаюсь с моим коллегой на локомотиве»,? говорил он, так как сдал

экзамен на машиниста экспресс-поездов в Германии. Он удалялся, возвращался некоторое время спустя, к облегчению немецких сопровождающих, хоть и слегка измазавшись сажей, но с довольной улыбкой.

Его скромные манеры произвели приятное впечатление на Гитлера и его окружение. Если репутация «хитрого лиса» и не была безоговорочной, Борис проявлял черты, во всяком случае, свойственные монарху. В переговорах с Гитлером он добился кратковременного успеха необычного рода? осуществив выполнение территориальных претензий Болгарии без единого выстрела. Ему была обещана Македония? и границы Болгарии продвигались до Эгейского моря. Может быть, ему удалось бы даже получить Салоники. Но один советский политик оставался аккредитованным при нем на протяжении всей войны, и когда Гитлер призывал его вступить в войну, болгарский царь всегда отвечал: «Болгарский народ никогда не будет воевать против России, которую считает своей освободительницей от турецкого ига».

В свете развития событий, проживи он дольше, его политика могла бы принести ему более чем кратковременный, если не блестящий успех.

Принц Кирилл получил свою обычную пустопорожнюю беседу, каких я переводил великое множество. Я всегда чувствовал, что Гитлер сам верит в то, что говорит своим иностранным гостям. Казалось, он применяет нечто вроде системы самовнушения Куэ к самому себе и своим гостям, лишь долго и нудно твердя одно краткое заклинание Куэ? «С каждым днем я чувствую себя все лучше и лучше»? в бесконечных монологах, расцвеченных массой технических подробностей. Я заметил, что Гитлер основывал свои аргументы на определенных ложных предпосылках, которые соответствовали желанному для него образу мыслей, и на них он воздвигал совершенно логичное строение, вполне убедительное для тех, кто не видел, что эти предпосылки ложные, но строение это, естественно, рушилось, как карточный домик, когда обнаруживалась их фальшь. Кирилл, как и многие гости до него, казалось, пал жертвой иллюзий Гитлера. Но он тоже обнаружил шаткость здания, когда рассмотрел на обратном пути его фундамент, и рухнуло оно окончательно, когда он вернулся на родину и узнал истинные факты во всей их неприглядной реальности.

Я так и не стал свидетелем крушения этого самовнушения у Гитлера. В последний раз я видел его в декабре 1944 года, когда он и Салаши, глава нового марионеточного правительства Венгрии, имели, как говорилось в официальном коммюнике,

«продолжительную беседу по всем вопросам, касающимся политического, военного и экономического сотрудничества Германии и венгерской нации, объединенной в революционном венгерском движении». Такие фразы, как «твердое решение немецкого и венгерского народов всеми средствами продолжать оборонительную войну» и «старое, традиционное и испытанное товарищество двух народов в бою и дружбе», являлись типичными примерами такого самообмана. Гитлеровское мышление на манер Куэ не изменилось, хотя враг уже ступил на территорию рейха. Более того, за несколько месяцев до разгрома я не заметил никаких признаков того, что Гитлер утратил что-то из своих способов аргументации.

После войны знакомые, находившиеся рядом с ним до конца, мне рассказывали, что иллюзии Гитлера пошатнулись лишь перед самым финалом, когда он вдруг осознал, что отдает приказы уже не существующей армии. Два часа он сидел, не говоря ни слова, в бункере рейхсканцелярии, разложив перед собой карту и глядя в пустоту. Потом, как плохой капитан, он покинул свой тонущий корабль, предоставив пассажиров их судьбе.

* * *

Лечение самовнушением было опробовано еще раз во время «Зальцбургского сезона» 1944 года, но теперь некоторые пациенты начали сопротивляться. Замечания Антонеску с некоторых пор стали еще более критичными и вызывающими. Этот давний выпускник французского военного училища неустанно обличал слабость и ошибки гитлеровской стратегии. Красивые слова на него больше не действовали, и мне было интересно наблюдать, что Гитлер отбросил попытки вести с ним беседы по методу Куэ. Я с удивлением увидел, как властный диктатор скромно консультируется с румынским маршалом.? Я не знаю, нужно ли мне оставить Крым или стоит защищаться здесь?? спрашивал он. Никогда раньше мне не доводилось переводить такие фразы Гитлера.? Прежде чем я отвечу на Ваш вопрос,? снисходительно отвечал Антонеску,? Вы должны сказать мне, окончательно ли Вы оставили Украину.? Что бы ни случилось, я снова захвачу Украину в следующем году,? ответил Гитлер, имея в виду 1945 год,? так как ее сырьевые ресурсы необходимы нам для ведения войны.? Тогда Крым следует удержать,? таким был приговор Антонеску. Затем случилось еще одно чудо.? Я предлагаю компромисс,? сказал Гитлер, которому хотелось уйти из Крыма.? Мы разработаем два плана: план

обороны и план отступления.? Согласен,? коротко, по-военному, ответил Антонеску.

Гитлер воспринял все это весьма спокойно. Действительно, в этом и в последующих случаях он относился к Антонеску более дружелюбно, чем к кому-либо из других своих гостей. Наверное, румынский маршал нашел верную тактику в обращении с диктатором.

Гитлер был менее уступчив в обсуждении важных политических вопросов. Антонеску постоянно, особенно весной 1944 года, выступал за достижение договоренности с западными державами, но Гитлер не хотел и слышать об этом. Может быть, он с большей готовностью рассмотрел бы поиски взаимопонимания со Сталиным, и хотя отказывался воспринимать даже намек на такую возможность, сделанный в моем присутствии, меня поразил тот факт, что он не отбрасывал эту идею с фанатическим негодованием, которое проявлял, говоря о «плутократах».

Мне было очень интересно наблюдать реакцию Гитлера на прощупывание насчет мира, предпринимавшееся в то время Россией, о чем нам сообщила наша дипломатическая миссия в Стокгольме. Я случайно слышал разговор между Гитлером и Риббентропом, в котором Гитлер решительно высказался против углубления в эту тему, потому что тайный агент, имевший связь с нашей дипломатической миссией, был евреем и «потому что Сталин, разумеется, не предлагал этого всерьез, а надеялся с помощью такого маневра заставить западных союзников побыстрее открыть второй фронт».

К концу 1944 и в начале 1945 года сами немцы начали прощупывать возможность заключения мира с западными союзниками через их посольства или дипломатические миссии в Швеции, Швейцарии и Испании. Сначала Гитлер был против этого, но в конце концов разрешил Риббентропу начать это безуспешное мирное наступление.? Ничего из этого не выйдет,? говорил он Риббентропу,? но если Вы на это настроились, можете сделать попытку.

«Предварительным условием для каких-либо мирных переговоров является то, что фюрер ограничится своим положением главы государства, а правительство передаст в руки г-на Х»,? прочел я в телеграмме из Мадрида.? Я тоже потеряю мой пост,? слышал я, как сказал Риббентроп, когда ему принесли эту телеграмму.? Об этом не может быть и речи.

Никакого ответа не поступило из Берна или Стокгольма.

Весной 1944 года я сопровождал Хорти в Зальцбург. Он становился все более раздражительным. Снова меня отправили

восвояси, когда прибыл Хорти, и поэтому я не знаю подробностей его беседы с Гитлером.

Так как мне нечем было заняться, я болтал с несколькими коллегами в вестибюле обширного замка, когда вдруг дверь конференц-зала широко распахнулась и, к нашему удивлению, оттуда выбежал с лицом, пылающим от гнева, пожилой Хорти и устремился вверх по лестнице на второй этаж. Встревоженный Гитлер в замешательстве выскочил вслед за ним, пытаясь позвать назад своего гостя. Проявив большое самообладание, начальник протокольного отдела Фрайхерр фон Дернберг пустился вслед за сбежавшим венгерским правителем, завязал с ним разговор, пока другой бегун, Гитлер, не смог догнать его и проводить гостя до его комнаты. Потом он снова с недовольным видом спустился вниз и исчез вместе с Риббентропом в конференц-зале.

Скоро мы узнали о том, что произошло. Ссылаясь на ненадежность венгерского правительства, Гитлер потребовал, чтобы в Венгрии установили что-то вроде немецкого протектората. Хорти вскочил на ноги и в волнении, необычном для столь спокойного в основном человека, воскликнул: «Если все уже решено, то мне нет смысла здесь больше оставаться. Я немедленно уезжаю!» С этими словами он покинул конференц-зал.

Теперь замок гудел, как растревоженный улей. Хорти послал за своим специальным поездом (для почетных гостей рядом с замком имелся специальный вокзал). Риббентроп связался с венгерским министром в Берлине, и был инсценирован весьма убедительный воздушный налет на замок, даже с дымовой завесой, в качестве предлога, чтобы помешать отправлению специального поезда Хорти, а телефонная линия на Будапешт оказалась «серьезно поврежденной», чтобы отрезать правителя от внешнего мира. С помощью этих дипломатических и военных средств удалось, наконец, договориться о новом разговоре Хорти и Гитлера.

«Если Хорти не согласится,? сообщил мне Риббентроп,? Вы не будете сопровождать его до границы. Не будет ему никакого почетного караула, а поедет он как пленный».

Но в тот же вечер Хорти со всеми почестями проводили до венгерской границы, так как он сказал, что хочет заменить «ненадежное правительство», о контактах которого с западными державами нам стало известно, на новое правительство во главе со Стохаи. Я был поражен контрастом в сравнении с поведением Антонеску в подобных обстоятельствах: Гитлер показал ему документы, из которых следовало, что его министр иностранных дел Михай Антонеску связывался с западными державами. Но

румынский маршал категорически отказался отправить в отставку Михая Антонеску, который, кстати, не был его родственником.

На обратном пути Хорти пригласил нас поужинать с ним в его вагоне. Несмотря на беспокойный день, этот пожилой господин снова вел себя как великий правитель старинной двойной монархии, а в таковом качестве он всегда казался мне очень достойным. Он не упомянул ни единым словом неприятные сцены того дня, а развлекал нас очаровательными историями из времен Австро-Венгрии, воспоминаниями о первой мировой войне и о тех временах, когда он командовал австро-венгерским флотом на Средиземном море. Потом мне было очень больно вспоминать тот приятный вечер, потому что Гитлер сорвал свой «революционный» гнев на старом аристократе. Он привез его в Германию как пленника, после того как похитили сына Хорти, завернув его в ковер, чтобы оказать давление на его отца.

С венгерской границы я вернулся в Зальцбург, так как ожидались другие гости. Но прежде я нанес визит в Бергхоф, когда там находилась Ева Браун, будущая жена Гитлера.

До меня доходили слухи, связывавшие имя Евы Браун с именем Гитлера, но я не думал, что они что-то значат, так как Гитлер, мне казалось, совсем не интересуется женщинами. Я узнал об этом больше, когда однажды вечером увидел, как они держатся за руки у камина в большом холле Бергхофа. За ужином я смог получше рассмотреть Еву Браун, сидевшую рядом с Гитлером. Высокая, стройная и привлекательная; ее манера одеваться и стиль в целом были типичны для берлинских окраин. Это был совсем не тот тип немецкой женщины, который считался идеалом красоты в национал-социализме. Она имела хорошую косметику и носила драгоценности, но, мне показалось, она не совсем непринужденно чувствует себя в своей роли. Мне не довелось хорошо ее знать, и я не входил в число приближенных в Оберзальцберге. Ее присутствие здесь тщательно скрывалось от посторонних.

Следующим гостем, за которым я поехал, был Муссолини, который руководил тогда фашистской республикой Северной Италии в Милане. Его дочь, которую мы освободили вместе с женой и детьми Муссолини, оставалась в Германии.

Я дважды переводил беседы графини Чиано и Гитлера. Каждый раз высокая, элегантная дочь итальянского диктатора поднимала политические вопросы и без колебаний, пылко и очень умело высказывала мнения, противоположные его собственным. «Вы не можете наказывать кого-то только потому, что его бабушка еврейка»,? сказала она однажды, сверкая большими карими глазами, такими же, как у отца. Она мягко выступала за

проявление гуманности в отношении евреев. Во время второго визита, который произошел после свержения Муссолини, она предъявила длинный перечень жалоб на обращение с итальянскими военнопленными в Германии. На Гитлера, очевидно, произвела большое впечатление сила, с которой Эдда Чиано высказывала свои убеждения. Он терпел, когда она критиковала его политику, чего не позволил бы ни одному мужчине. Но оставался непреклонен, когда возникал вопрос об отъезде Чиано и его жены в Испанию.

«Боюсь, вас ждут там одни неприятности,? говорил Гитлер.? Вам лучше остаться с нами в Германии». Этот отказ стоил Чиано жизни[15].

Как я уже сказал, предполагалось, что я доставлю отца темпераментной Эдды с итало-германской границы в конце апреля 1944 года, так как он тоже получил приглашение в Зальцбург. Но судьба распорядилась иначе.

У главы фашистской республики, естественно, больше не имелось специального поезда, к которому обычно цепляли на границе два моих вагона, поэтому в моем распоряжении находилось большинство вагонов специального поезда Гитлера, который отправлялся в Милан, чтобы забрать Муссолини. Когда я отъезжал, Дорнберг сказал: «Только не устраивайтесь в поезде слишком комфортно и не думайте, что последуете до самого Милана. Почетный караул будет только на германской границе, а если итальянцы в их теперешнем обидчивом настроении услышат, что вы едете до Милана, то начнут говорить, что нынче министерство иностранных дел Германии продвинуло границу рейха до Милана!»

В три часа дня я прибыл в Линц на реке Драу в специальном поезде фюрера. Здесь почетный караул сошел с поезда с намерением присоединиться к нам в три часа ночи, чтобы ехать обратно. Но когда поезд вернулся, никого из почетного караула на перроне не оказалось? все находились в больнице Линца с ушибами и переломами. Окружной начальник, умеющий лучше руководить людьми, чем управлять машиной, вез нас в Хайлигенблут, свернул на обочину дороги, проколол шину, и в результате машина рухнула с берега, перевернулась и все мы оказались в реке.

Некоторое время мне уже не пришлось ни продолжать путешествия, ни переводить. Когда я выписался из больницы, министерство иностранных дел отправило меня в Баден-Баден поправлять здоровье. Я остановился в приятных апартаментах отеля «Бреннер», которые до меня занимал один интернированный американский дипломат. Позднее, когда меня

интернировали американцы, мне было интересно сравнить американское и немецкое гостеприимство в отношении интернированных дипломатов.

В Баден-Бадене мой драгоценный радиоприемник стоял у изголовья моей постели, он позволил мне слушать Рузвельта и Черчилля на протяжении всей войны. Речи Черчилля всегда доставляли удовольствие в литературном смысле, хотя я и не во всем с ним соглашался. Благодаря моему приемнику я постоянно расширял свой запас военной лексики, объем которой часто удивлял моих слушателей, когда я объяснял обстановку на фронте. «Чем дольше длится война, тем легче становится переводить»,? сказал я однажды одному коллеге. Внимательно слушая и сравнивая сообщения с обеих сторон, я заметил, что каждый из участников войны в сходных ситуациях говорит в значительной степени одно и то же. Эта параллель особенно ярко проявилась к концу войны в призывах к формированию отрядов «Фольксштурм»[16] в Германии. Я сказал сотрудникам из бюро переводов, что, переводя эти призывы, они могут использовать тексты английского радиовещания того периода, когда в 1940 году создавалась Национальная гвардия: эти тексты намного облегчали перевод. И это был, конечно, не единственный случай, когда бюро переводов прибегало к ценной помощи своих противников.

* * *

Очень много написано о неудачной попытке убить Гитлера 20 июля 1944 года, но вряд ли есть какое-либо упоминание о том, что лишь через два часа после этой попытки Гитлер встретился с Муссолини на месте взрыва, чтобы обсудить с ним политическую ситуацию.? Нет! Даже Вы не сможете попасть сегодня в ставку,? сказали мне часовые у барьера.? Меня вызвали на совещание Гитлера и Муссолини. Вы должны пропустить меня!? Совещание не состоится,? сообщил часовой.? Почему?? Из-за того, что случилось.

Этот лаконичный ответ был моим первым соприкосновением с покушением 20 июля.

Совсем рядом со ставкой Гитлера находилась дополнительная железнодорожная станция с кодовым названием Герлиц. Мне в конце концов удалось миновать часовых и добраться до этой станции, где я должен был встречать Муссолини, прибывавшего в середине дня. На этой станции от врача Гитлера, профессора Мореля, я и услышал, что же

произошло на самом деле. Он рассказал мне, что Гитлеру удалось уцелеть буквально чудом, взрыв его почти не затронул, тогда как многие из тех, кто находился в помещении, получили серьезные ранения. Он выразил большое восхищение полным спокойствием Гитлера: проверяя, нет ли повреждений, врач удивился, что пульс у того вполне нормальный.

В то время как врач рассказывал мне все это, Гитлер сам появился на платформе, чтобы встретить Муссолини. Ничто не свидетельствовало о происшедшем, за исключением того, что правая рука у него онемела. Когда прибыл поезд, я заметил, что он протягивает Муссолини левую руку и сам двигается более медленно, чем обычно, будто при замедленной съемке. Пока три минуты ехали на машине до ставки Гитлера, он спокойно и ровным голосом рассказал Муссолини о покушении, как если бы оно его не касалось. Глаза Муссолини, и так навыкате от природы, казалось, чуть не выскочили из орбит от ужаса.

Мы проследовали прямо в комнату для совещаний, которая была похожа на разбомбленный дом после воздушного налета. Какое-то время оба они молча смотрели вокруг, потом Гитлер привел некоторые подробности. Он показал Муссолини, как наклонился над столом, разглядывая что-то на карте, и оперся на правый локоть, когда произошел взрыв, почти рядом с его рукой. Крышка стола взлетела на воздух, она-то и ушибла ему правую руку. В углу комнаты лежала униформа, которая была на Гитлере в то утро. Он показал Муссолини изорванные в клочья брюки и слегка поврежденный мундир, а также продемонстрировал свой затылок с опаленными волосами.

Муссолини пришел в ужас: он не мог понять, как такое могло случиться в ставке; на лице его отражалось чрезвычайное беспокойство. В руинах этого кабинета, который являлся главным центральным пунктом управления итало-германского сотрудничества, он, вероятно, увидел руины всей политической структуры оси Рим? Берлин. Сначала он мог осмыслить это событие лишь как плохое предзнаменование и лишь спустя некоторое время настолько овладел собой, что смог поздравить Гитлера со спасением.

Реакция Гитлера была совершенно иной: «Я стоял здесь у стола, бомба взорвалась прямо у меня под ногами. Мои сотрудники, находившиеся в углу комнаты, были серьезно ранены; офицера, оказавшегося прямо передо мной, буквально выбросило через окно и сильно ранило. Посмотрите на мою униформу! Посмотрите на мои ожоги! Когда я размышляю обо всем этом, то должен сказать: мне ясно, что со мной ничего не случится; несомненно, мне суждено продолжить путь и

выполнить мою задачу. Не впервые я чудом ускользаю от смерти. Впервые это было во время первой мировой войны, а затем во время моей политической карьеры, где также было несколько чудесных избавлений. То, что случилось сегодня, это кульминация! И избежав смерти таким необычайным образом, я более чем когда-либо убежден, что великое дело, которому я служу, минует те опасности, которые угрожают нам сегодня, и все кончится хорошо!»

Гитлер с восторгом упивался этими словами, как это всегда было ему свойственно; от спокойного повествовательного тона, которым рассказывал о подробностях происшествия, он перешел к тому пафосу, который редко не производил впечатление на собеседника. Он несколько отличался от той яростной и напыщенной риторики, которой он пользовался в своих публичных выступлениях. Взрывы ярости, подобные тем, что имели место в выступлениях и которые ему нередко приписывали в частных беседах, никогда не происходили во время разговоров, когда я присутствовал как переводчик.

Гитлер, очевидно, заставил Муссолини воспрянуть духом, еще раз оказав то влияние на собеседника, о котором я упоминал. В таких случаях Гитлер всегда каким-то образом казался убедительным. Муссолини начал смотреть веселее, казалось, он забыл о своих тревогах.

«Должен сказать, Вы правы, фюрер»,? с чувством ответил дуче.? Тот, кто видел разрушения в этой комнате и видел, как Вы стоите здесь, почти не получив травм после взрыва, и слушает, как Вы говорите, не может оспорить тот факт, что небеса держат над Вами свою ограждающую длань. Положение у нас плохое, можно сказать, почти отчаянное, но то, что случилось сегодня, придает мне смелости. После чуда, которое произошло здесь в этой комнате сегодня, немыслимо, чтобы наше дело потерпело неудачу».

Потом они нашли более удобное место, где могли бы обсудить различные вопросы, стоявшие на повестке дня, но, разумеется, после недавних волнующих событий серьезного разговора не получилось. Среди руин в комментариях обоих диктаторов преобладало одно чувство? наше положение отчаянное, но мы надеемся на чудо или, вернее, после сегодняшнего дня мы знаем, что чудо произойдет, так, как произошло здесь, и мы не можем позволить себе утратить отвагу. Это была последняя встреча Гитлера и Муссолини.

Теперь Гитлер еще больше, чем прежде, верил в свою Судьбу. Месть его заговорщикам была бесчеловечной.

Одним из самых запоминающихся примеров полного

отсутствия чувства реальности у Гитлера после этого вмешательства провидения явились переговоры, проходившие в той же самой ставке в октябре 1944 года.

Я имею в виду попытку Гитлера сформировать, при совершенно немыслимых обстоятельствах, новое французское правительство. Во главе этого правительства должен был встать бывший французский коммунист Жак Дорио, основавший во Франции крайне правую партию. Франция, которую предстояло представлять этому новому правительству, почти целиком находилась в руках союзных держав, поэтому резиденцией правительства предложили сделать город Зигмаринген в южной Германии, губернатор которого категорически не желал, чтобы там развевался трехцветный флаг.

Переговоры между предполагаемыми французскими министрами напоминали довоенный французский фильм «Les nouveaux Messieurs». Налицо было личное соперничество, а «премьер-министра» Дорио так недолюбливали другие французы, что он жил вместе с нами в «Шпортс-отеле», поэтому у меня имелось много возможностей переговорить с ним. Дорио был очень интеллигентным человеком, который, казалось, точно знает, чего хочет. В бытность свою коммунистом он встречался со Сталиным, очень хорошо знал Восток, особенно Китай. Он подавлял остальных членов «правительственной делегации» и намного превосходил Риббентропа в качестве участника переговоров.

После того как сверхчеловеческими усилиями удалось достигнуть какого-то подобия согласия, Гитлер принял новое правительство, поговорил с его членами о Кале и Дюнкерке и дал им свое отеческое благословение. Доносившийся издалека грохот русских орудий подчеркивал нереальность этой сцены.

Тогда я видел Гитлера в последний раз. 14 апреля 1945 года я получил последние указания от Риббентропа. Мне следовало отправиться в Гармиш, где тогда находились министерства. Я добрался лишь до Зальцбурга, где меня и застало окончание войны.

* * *

Так закончилась моя переводческая работа. Началась она 1 августа 1923 года и дала мне возможность играть на протяжении почти четверти века небольшую, но и не незначительную роль, тесно связанную с политическими событиями в Европе, с подъемом и крушением моей родной страны. Мой личный опыт

привел меня к убеждению, что определенные принципы хороши для всех народов и определяют события, независимо от пожеланий отдельной, хоть и облеченной властью, личности.

Я имею в виду законы морали, которые родители и учителя внушали каждому представителю моего поколения: уважение к личности человека, его жизни, мыслям и собственности, а из этого уважения проистекало естественное право народа на независимость, на уровень жизни, поддерживаемый промышленностью страны и уровнем жизни соседних государств, а также социальная и политическая справедливость. Выполняя свою работу, я видел, как отход от этих принципов привел и государственных деятелей, и народы к крушению, хотя начало казалось очень успешным. Это урок, который я, как немец, извлек из своего опыта и который, я считаю, дает нашему народу надежду в его теперешнем положении. Я убедился, что христианская в своей основе этика, которой руководствовалось большинство европейских государственных деятелей в двадцатых? начале тридцатых годов, как бы усердно ни старались они представлять интересы своих стран, привела к прогрессу, достигавшемуся год за годом на конференциях тех лет.

Затем я стал свидетелем напряженной борьбы между вечными принципами христианства и проявлениями нового отношения к правам человека, отличавшегося от всех общепринятых идей. Я видел явный триумф этого нового отношения, но так как был тесно связан с событиями, то все более ясно видел, на чьей стороне сила. Развязывание войны в 1939 году, которое стало началом конца этой новой силы, сначала победоносной, но быстро устремившейся под уклон, кульминацией которой стала величайшая катастрофа всех времен, я тоже пристально наблюдал во всех фазах, год за годом.

За годы, проведенные в конференц-залах, я убедился не только в неотвратимости победы законов морали, но и в другом определяющем факторе: в несокрушимой силе законов экономики. Насколько иной была бы история последних деятелей, если бы государственные деятели и народы подтвердили принципы, выдвигавшиеся суровыми экономистами в те годы. Принципы, которые я с такой надеждой приветствовал в Женеве и на других европейских конференциях с 1927 года. Народы и их политические вожди с недальновидной самонадеянностью не обращали внимания на советы специалистов по экономике, движимые эмоциональными политическими мотивами, они не обращали внимания на законы экономического сотрудничества, приобретающие все более решающее значение в нашу эру технического прогресса, и именно

политики толкнули обедневшие массы прямо в объятия фанатиков. Они обрушили лавину, которая смела мирные жилища народов Европы.

Двадцать пять лет я провел как очевидец, не имеющий права слова, на дипломатической сцене, поэтому мне не составило труда понять, что происходило за кулисами. С 1945 года я следил за дипломатической драмой послевоенного периода как зритель и полагаю, что и с моего скромного места мне видно действие великих моральных и экономических законов, даже если изменились костюмы и декорации на сцене.

Моя работа в министерстве иностранных дел закончилась с безоговорочной капитуляцией 8 мая 1945 года, но деятельности в качестве переводчика суждено было продолжаться.

Постскриптум 1945–1949 гг

В 1945 году мне еще раз довелось ехать в машине мимо сцены «Зальцбургских фантазий». Я находился в переполненном грузовике, который охраняли два американских солдата с винтовками наготове. Последний раз я видел грузовики с гражданскими людьми в 1934 году после ремовского путча, когда Гитлер арестовал и отправил в концентрационные лагеря возле Лихтерфельде и Ораниенбурга всех, кого подозревал во враждебности своему режиму. Эти воспоминания постоянно приходили мне на ум, пока мы ехали мимо Мюнхена в лагерь для интернированных в Аугсбурге.

Я был арестован контрразведкой США и впервые услышал, как захлопывается у меня за спиной тяжелая дверь тюремной камеры. Американцы обращались со мной корректно и временами с дружеским расположением, но эта захлопнувшаяся дверь открыла новую главу в моей полной событий жизни. В течение следующих нескольких лет я имел уникальный наблюдательный пункт и мог следить за ликвидацией прошлого и познакомиться с теми, кто выполнял эту работу на стороне союзных держав.

В сопровождении очень обходительного французского офицера в августе 1945 года я приехал в Париж на машине, которая принадлежала когда-то Рундштедту. Через Верден мы проезжали уже после того, как был вынесен приговор по делу Петена, поэтому слишком поздно было давать свидетельские показания на суде, как предполагалось вначале. Соратники Де Голля, ставшего тогда главой французского правительства, очень интересовались другими вопросами, о которых я был осведомлен, в частности, разговорами между Молотовым и Гитлером.

Прибыв из лагеря для интернированных в опустошенной Германии, я чувствовал себя словно во сне, когда шел, практически свободный, по парижским бульварам, где не было ни одного разбитого и замененного куском фанеры окна. Вместе с моим сопровождающим, дружелюбным полицейским инспектором, я сидел на террасах кафе, которые знал так хорошо, или прогуливался по бульвару Сен-Мишель. Однажды я обедал у Фуке. Этот сон длился десять дней, а потом я вернулся в свой лагерь под Маннхаймом.

Следующие три года и прошли в таком чередовании? арест или проживание на вилле, между дачей свидетельских показаний, тюрьмой в Нюрнберге и фактически домашним арестом в

Тегернзее; и в дополнение к приобретенному личному опыту я провел три месяца в знаменитом концлагере Дахау при очень странных обстоятельствах.

Моя жизнь в тот период мало чем отличалась от исторической и человеческой драмы предыдущих лет. Я не только появлялся в качестве свидетеля на главном судебном процессе в Нюрнберге, но и работал переводчиком и лингвистическим мастером на все руки в нюрнбергской «тюрьме для свидетелей». Короткое время я работал в американском бюро переводов и имел несколько как трагических, так и весьма комичных встреч во время оккупационного режима, когда работал официальным судебным переводчиком на заседаниях военного трибунала, рассматривавшего дела американцев, служивших в вермахте. В ту ночь, когда казнили осужденных на главном Нюрнбергском процессе, я находился в крыле того же здания, расположенном неподалеку от гимнастического зала, где в течение нескольких ночей сооружались виселицы и были слышны приглушенные удары. Я переводил для американских психиатров, сопровождая их в нюрнбергскую тюрьму, и стал свидетелем больших человеческих трагедий.

Занимаясь своей профессиональной деятельностью, я принимал участие не только в ликвидации прошлого, но и в политическом, особенно экономическом развитии ближайшего будущего. Мне приходилось переводить множество меморандумов немецких официальных лиц, обращавшихся к союзным державам. Проблемы и их формулировка часто поразительно походили на те документы, над которыми я работал в двадцатых годах, и мой словарный запас периода конференций по репарациям и торговых переговоров сослужил мне хорошую службу. Я начал заново, как и в первые годы моей работы, выполнять функции бюро переводов в одном лице, переводя, как ив 1923 году, все о торговых отчетах, уровнях торговли и промышленности, налоговом прессе и безработице. Плохонький портативный приемник, заменивший моего старого друга, держал меня в курсе лексики послевоенного периода? несчастья беженцев, железный занавес, демонтаж.

Мой опыт во время этого послевоенного периода был не менее разнообразен, чем во время дипломатических событий с 1923 по 1945 год. Однако он больше не касался дипломатической сцены, хотя работа была похожа на прежнюю. Меня отослали со сцены в зрительный зал, поэтому последующие годы уже не входят в рамки этой книги.

notes

Примечания

1

Синоним названия МИД Франции (по названию набережной в Париже, где находится здание министерства). (Прим. ред.).

2

Имеется в виду пакт Келлога-Бриана, подписанный в 1928 году в Париже и провозгласивший отказ более чем 60-ти государств от войны как орудия национальной политики. (Прим ред.)

3

Имеется ввиду 6-томный труд У. Черчилля «Вторая мировая война». (Прим. ред.).

4

Малая Антанта? существовавший в 1920–1938 гг. блок Чехословакии, Румынии и Югославии, представлявший собой главное звено поддерживаемой Францией системы военно-политических союзов в Европе. (Прим. ред.).

Так у автора. (Прим. ред.).

Либау? Либава (Лиепая).

Виндау? Виндава (Вентспилс).

8

Сева? «Просвещенный мир»? девиз правления (с 1926 по 1989 год) императора Японии Хирохито. (Прим. ред.)

9

Спустя некоторое время начался налет на Берлин и всем участникам переговоров пришлось спуститься в убежище. Именно там Молотов и спросил Риббентропа: «Если, как вы говорите, Англия уже уничтожена, то чьи же бомбардировщики нас сейчас бомбят?»

10

Конвенция Монтре? международная конвенция (1936) о режиме черноморских проливов. (Прим. ред.).

11

Имеется в виду пакт Келлога-Бриана (1928). Ф. Келлог – государственный секретарь США в 1925–1929 гг., А. Бриан? в разные годы премьер-министр иностранных дел Франции. (Прим, ред.).

12

Клюге и Рундштедт? генерал-фельдмаршалы вермахта. (Прим. ред.).

13

Рейнхардт Макс (1873–1943)? известный немецкий театральный актер и режиссер. После прихода нацистов к власти эмигрировал из Германии в Англию, а затем в США. (Прим. ред.).

14

План Моргентау? план, предложенный министром финансов США Генри Моргентау в 1944 г. и рассчитанный на послевоенное расчленение и деиндустриализацию Германии. (Прим. ред.).

15

Чиано был казнен фашистами в 1944 г. за участие в заговоре против Муссолини (Прим. ред.)

16

Фольксштурм? вспомогательные отряды полиции, немецкое ополчение, созданное по инициативе Гиммлера и Геббельса для защиты Третьего рейха на последнем этапе войны. (Прим. ред.).